

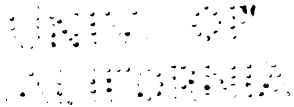
ЗАПАДНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ

СО ВРЕМЕНИ ЗАВОЕВАНІЯ АРАБАМИ ДО МОНГОЛЬСКАГО
ВЛАДЫЧЕСТВА.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Составилъ *А. Н. Самойловичъ.*

Самойловичъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Столичная скоропечатня“ С. Х. Золотухина, уг. Морск. и Горох., № 12—23.

1903.

DK 856
53

Дозволено цензурою. Спб., 20 мая 1903 г.

В. И. Ленин
Александр

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Чтобы облегчить студентамъ факультета Восточныхъ Языковъ занятія исторіей Востока, при прохожденіи ими университетскаго курса, я сдѣлалъ это краткое извлеченіе изъ труда профессора *В. В. Бартольда* «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія» (СПБ. 1900) и предлагаю это извлеченіе, какъ возможно доступное пособіе при изученіи исторіи Западнаго Туркестана со времени завоеванія его арабами до утвержденія въ немъ власти монголовъ.

А. Самойловичъ.

Географическій обзоръ Мавераннагра.

Мавераннагромъ у арабовъ называлась страна между Аму-дарьей и Сыръ-дарьей; въ переводѣ на русскій языкъ это названіе значитъ: „то, что за рѣкой“, Зарѣчье. До X в. по Р. Хр. Мавераннагръ политически то соединялся съ Ираномъ, то отдѣлялся отъ него*). Будучи первоначально страной арійской, Мавераннагръ со временемъ отуречился, такъ какъ никакія естественныя преграды не защищали его отъ восточныхъ кочевниковъ.

Въ настоящій историко-географическій обзоръ войдутъ нѣкоторыя мѣстности и внѣ Мавераннагра, но тѣсно связанныя съ нимъ въ описываемую эпоху.

Рѣка Аму-дарья беретъ начало на Памирѣ двумя главными истоками: Мургабомъ (Аксу) и Джерьябомъ или Пянджемъ.

Послѣдній протекалъ по областямъ Ваханъ, Шикинанъ (нынѣ Шугнанъ) и Керранъ (нынѣ Рошанъ и Дарвазъ). Черезъ Ваханъ и Шугнанъ лежалъ путь въ Тибетъ и Кашгаръ. Этимъ путемъ проѣхалъ, между прочимъ, извѣстный путешественникъ XIII в. Марко Поло. Дальше къ западу находилась область Бадахшанъ, между Гиндукушемъ и Аму-дарьей въ томъ мѣстѣ, гдѣ она круто поворачиваетъ дугой на сѣверо-западъ. Отличаясь вмѣстѣ съ предыдущими областями неприступностью, она, какъ и тѣ, сохранила арійское населеніе. Столица области находилась на мѣстѣ нынѣшняго Файзабада. Другой городъ, Джермъ, былъ съ этой стороны крайнимъ мусульманскимъ пунктомъ на востокъ въ IX в. Между Бадахшаномъ и

*) Съ X в. границей большею частью являлась Аму-дарья.

Валхомъ лежала область Тохаристанъ, отъ Аму-дарьи до Гиндукуша *).

Населеніе ютилось около выхода изъ горъ ручьевъ и рѣчекъ, такъ какъ берегъ Аму-дарьи имѣеть здѣсь преимущественно песчаный характеръ. Дорога изъ Балха въ Бадахшанъ шла чрезъ города Хульмъ (недалеко отъ теперешняго Ташъ-куртана), Варвализъ (недалеко отъ Кундуза), Тальканъ (самый большой городъ Тохаристана). Наибольшее военное и торговое значеніе имѣлъ Хульмъ, въ долинѣ рѣки того же названія. На этой же рѣкѣ былъ гор. Семенджанъ (нынѣ Хейбакъ), откуда шла дорога въ мѣстность Багланъ, въ долинѣ рѣки Кундузъ. У подошвы Гиндукуша лежитъ г. Андерабъ, въ X в. считавшійся третьимъ гор. Тохаристана. Изъ Андераба шелъ путь (изъ нѣсколькихъ переваловъ самый удобный Хавакъ) въ долину р. Бенджхиръ (Пянджширъ) съ городами Гарьяба, Бенджхиръ и Ферванъ (Перванъ). Отсюда одна дорога вела чрезъ Чарикаръ и Исталифъ въ долину р. Кабула, другая по рѣкѣ Гурбенду къ гор. Гурбенду и Баміану. Въ X в. Баміанъ былъ главнымъ городомъ области, въ составъ которой входили города Кабуль и Газна. Теперь путь изъ Балха въ Баміанъ идетъ чрезъ г. Хульмъ, а при арабахъ шелъ вверхъ по р. Балху, затѣмъ у города Мадера соединялся съ дорогой изъ Хульма.

Около мѣста впаденія рѣчки Кундузъ въ Пянджъ съ послѣднимъ соединяется многоводный притокъ Вахшъ, вытекающій изъ горной страны Алай, на которую въ средніе вѣка также распространялось названіе Памиръ. Между рѣками Пянджемъ и Вахшемъ текли четыре притока Аму-дарьи: Ахшу и Бербанъ (теперь Кулябъ-дарья или Аксу), Паргаръ (теперь Кчи-Сурхабъ) и Андиджарагъ (Таиръ-су). Область между Пянджемъ и Вахшемъ называлась Хутталъ или Хутталянъ и была очень плодородной и богатой. Самой важной частью этой области была долина рѣки Кчи-Сурхаба съ притокомъ Кулябъ-дарья. Города: Мункъ (теперь Бальджуанъ) и Хульбукъ (нынѣ Хульбагъ). Западнѣе, въ Курганъ-тюбинской долинѣ лежала область Вахшъ съ г.г. Халавердъ, Левкендъ. Положеніе перваго опредѣляется теперь мѣстомъ Курганъ-тюбе, второго—ок-

*) Область названа по имени одного изъ народовъ, разрушившихъ греко-бактрійское царство.

рестностями Сангъ-туда. Въ двухъ дняхъ пути отъ Халаверда находилась переправа чрезъ Аму-д. Архенъ, точное положеніе которой, какъ и „Бадахшанской переправы“ на Джерьябъ, неизвѣстно. Выше Левкенда на Вахшѣ былъ каменный мостъ, существующій и донынѣ. Вахшъ вытекалъ изъ страны тюрковъ-карлуковъ чрезъ области: Памиръ (къ которому тогда причислялся Алай), Раштъ (теперь Каратегинъ съ городомъ Гармъ), Кумедь. Въ послѣдней области находился истокъ Кафирнигана, который тогда назывался Рамидъ, каковое названіе теперь носить одинъ изъ истоковъ рѣки; истокъ Сурхана, Каратагъ-дарья, именовался Кумъ. Между Вахшемъ и Кафирниганомъ лежали области Вапгирдъ и Кувадіанъ. Чрезъ первую въ IX в. проходила граница владѣній тюрковъ. Жители имѣли свой алфавитъ, по всей вѣроятности санскритскаго происхожденія, отъ временъ буддизма. Въ четырехъ фарсахъ отъ границы съ тюрками находился главный городъ, носившій имя области и расположенный на разстояніи одного дня пути отъ моста на Вахшѣ. Въ VIII в. арабы построили въ Раштѣ стѣну противъ тюрковъ. Въ обл. Кувадіанъ городъ Нудизъ. При устьѣ Кафирнигана переправа Аузаджъ (нынѣ Айваджъ), при устьѣ Вахша—Мела (Пенджабъ).

Въ долинѣ рѣки Сурхана, верховья котораго составляли Кумъ-рудъ, Нихамъ-рудъ и Хаверъ-рудъ (нынѣ Каратагъ-дарья, Тупалангъ и Санъ-гардакъ-дарья), находилась область Саганіанъ или Чаганіанъ. Городъ того же названія, нынѣ Денау; г. Тармизъ (см. дальше) иногда являлся столицей особой области. Область отличалась благосостояніемъ; земля была искусственно орошена; въ городахъ красовались мечети, имѣлись каменные мосты, базары, водопроводы.

Въ долинѣ, соединявшей Сурханъ съ Кафирниганомъ, лежали области Ахарунъ и Шуманъ. Область Гуфтанъ, вѣроятно, лежала въ южной части долины Сурхана. Въ началѣ VIII в. обѣ первыя области находились во власти одного государя, а впослѣдствіи соединились съ Саганіаномъ. Недалеко отъ устья Сурхана была крѣпость Тармизъ, въ развалинахъ которой теперь, между прочимъ, находится одинъ изъ выдающихся мѣстныхъ памятниковъ XIV в.—мавзолей хакима Абу-Абдаллаха Мухаммеда б. Али Тармизи; попадаются также греческія монеты. Бу-

дучи отдѣленъ отъ Балха только двумя переходами, Тармизъ былъ очень важнымъ мѣстомъ переправы и часто служилъ яблокомъ раздора между владѣтелями Мавераннахра и Афганистана. Между Тармизомъ и Балхомъ упоминается селеніе Сіяхгирдъ.

Городъ Балхъ, прозванный арабами „матерью городовъ“, былъ нѣкогда столицей Бактрійскаго государства, и потомъ сатрапіи Ахеменидовъ, въ составъ которой при Даріи входила и Маргіана (область Мерва). Значеніе Балха зависитъ отъ его центральнаго положенія въ восточно-иранскомъ культурномъ мірѣ. При Сассанидахъ здѣсь, какъ и въ областяхъ, зависящихъ отъ Балха, процвѣталъ буддизмъ. Въ окрестностяхъ Балха находился буддійскій монастырь „Наубехаръ“, которымъ завѣдовала семья Бармекидовъ. Балхъ и Наубехаръ были разрушены при Османѣ или Муавіи. Намѣстникъ Асадъ ибнъ Абдаллахъ въ 725 г. возобновилъ городъ; въ IX в. его украсилъ постройками правитель Давудъ б. Аббасъ, но Якубъ, основатель династіи Саффаридовъ, снова разрушилъ его въ 256 г. = 870 г. При Тахиридахъ и Саманидахъ Балхъ стоялъ наравнѣ съ Мервомъ и Гератомъ. Подобно Бухарѣ и Самарканду Балхъ вмѣстѣ съ сосѣдними селеніями былъ заключенъ между стѣной въ 12 фарсаховъ съ 12 воротами. Въ IX в. этой стѣны уже не было. Городъ дѣлился на шахристанъ (медина) и рабадъ. Это дѣленіе было свойственно вообще арійскимъ городамъ востока. Шахристанъ былъ частью земельной аристократіи и купечества и заключалъ въ себѣ обыкновенно дворецъ правителя, соборную мечеть, тюрьму, цитадель. Рабадъ—предмѣстье, пріютъ торгово-промышленнаго класса. Постройки Балха были изъ глины. При Чингизъ-ханѣ городъ былъ разрушенъ и въ началѣ XIV в. лежалъ въ развалинахъ. Новый городъ уже не имѣлъ прежняго значенія. Въ настоящее время въ 25 верстахъ къ востоку отъ развалинъ находится главный городъ области Мазар-и-Шерифъ („славная гробница“) на мѣстѣ мнимой могилы Алія. На пути въ слѣдующій крупный центръ восточномусульманскаго міра, Мервъ, лежали города: Шапурканъ, Фарьябъ, Тальканъ, Мерверрудъ (нынѣ Меручакъ или, что болѣе вѣроятно, Бала-Мургабъ). Первый и второй входили въ составъ области Гузганъ или Гузгананъ со столицами Анбаръ (по Истахри) и Іехудія

(по Макдиси, нынѣ Меймене). Путь этотъ былъ окруженный, вдоль склоновъ горъ.

Возвращаемся къ долинѣ р. Аму-дарья. Въ 2 дняхъ пути отъ Тармиза внизъ по теченію на обоихъ берегахъ рѣки былъ расположенъ г. Келифъ, куда шла дорога изъ Бухары чрезъ долину р. Кашка-дарья. Далѣе шли г.г. Земмъ и Ахсикетъ (теперь на мѣстѣ второго крѣпость Керки); здѣсь же были переправы Керкухъ на лѣвомъ берегу, а на правомъ Банкеръ. Къ Керкуху шла дорога изъ Фарьяба чрезъ Андхудъ (теперь Андхой). Отъ Земма начинались сооруженія по искусственному орошенію; сплошная же культурная полоса шла только отъ Амуля. Отъ имени этого города (нынѣ Чарджуй) получила свое названіе и сама рѣка, вслѣдствіе особаго значенія Амуля, какъ пункта на пути изъ Хорасана въ Мавераннагръ. На правомъ берегу противъ Амуля лежалъ г. Феребръ (Фарабъ). Между Амулемъ и Керкухомъ имѣлись еще переправы у г. Невида (для самаркандцевъ) и при арабскомъ селеніи Бурмадуй.

У Амуля мы приближаемся къ другой важной рѣкѣ Мавераннагра, Заряфшану. По Томашеку древне-арійское названіе рѣки было Намикъ, а позднѣе и до новѣйшаго времени обыкновенно Кухекъ. Вытекалъ Заряфшанъ съ горъ Буттемъ или Бутманъ, дѣлившихся на первый, средний и внѣшній (очевидно Гиссарскій, Заряфшанскій и Туркестанскій кряжи), въ мѣстности Бургаръ, на границѣ Саганіана, здѣсь находился водоемъ Дженъ. Очевидно, за истокъ тогда принимался одинъ изъ притоковъ (Фанъ-дарья, Джинъ или Шинкъ). Въ селеніи Бургаръ въ Заряфшанъ впадала рѣчка Месха или Месиха (нынѣ Матча, главный истокъ рѣки), вытекавшая изъ одной области въ Осрушанъ (см. дальше). Г. Бунджикетъ (Пянджикетъ) былъ расположенъ нѣсколько ниже, а въ мѣстности Варагсеръ (голова плотины), въ 4 фарсахъ отъ Самарканда, отъ рѣки отдѣлялось нѣсколько рукавовъ (арыковъ), самымъ длиннымъ изъ которыхъ былъ Баршъ (теперь арыкъ Даргамъ). По самымъ большимъ арыкамъ производился сплавъ; судоходными были, собственно говоря, только рѣки Аму-дарья и Сыръ-дарья.

Самаркандъ—самый значительный городъ Мавераннагра на пути изъ Индіи чрезъ Балхъ, изъ Персіи чрезъ Мервъ и изъ страны тюрковъ. По одному преданію городъ

существовалъ 2250 л. до нашествія Кутейбы, по другому—его основалъ Александръ Македонскій. Въмѣстѣ съ окрестностями Самаркандъ былъ окруженъ стѣной въ 12 фарсаховъ съ 12 воротами, какъ было и въ Балхѣ, и въ Бухарѣ. Въ шахристанѣ находились мечеть и цитадель съ дворцомъ правителя; какъ въ большинствѣ шахристановъ, имѣлось здѣсь четверо воротъ по странамъ свѣта и назывались они: восточныя—китайскими, западныя—Наубехарскими или Желѣзными, сѣверныя—Бухарскими или Осрушаны и южныя, съ непонятной надписью—Кешскими или Большими; чрезъ послѣднія была проведена вода и около нихъ былъ расположенъ одинъ изъ выдающихся кварталовъ. Старая цитадель была разрушена Чингизъ-ханомъ, а новая построена Тимуромъ. По величинѣ городъ уступалъ только современному Лондону (приблизительно 144 кв. версты); при Саманидахъ число жителей, вѣроятно, достигало 500 тысячъ. Весь городъ утопалъ въ садахъ. Нѣсколько арыковъ снабжали городъ водой, которая была проведена почти въ каждый домъ. Изъ построекъ выдавались: дворецъ арабскихъ эмировъ и тюрьма—въ цитадели; мечеть въ шахристанѣ у цитадели и при большой дорогѣ; замокъ Рафи'б.Ляйса. Строительный матеріалъ—глина и дерево; дороги—мощенныя. Базары, по обыкновенію, находились въ рабадѣ. Въ 2000 мѣстахъ можно было получать даромъ воду со льдомъ изъ фонтановъ или глиняныхъ и мѣдныхъ сосудовъ. Тамъ и сямъ были разставлены кипарисовыя статуи животныхъ. Обращала на себя вниманіе и мѣстная святыня—гробница двоюроднаго брата пророка, Куссама б. Аббаса, по прозванію шахъ-зинде „живой шахъ“. Мавзолей былъ богатъ, красивъ, окруженъ кустами жасмина и виноградомъ, вблизи находилась гостинница. На поклоненіе приходили при монголахъ не только туземцы, но и татары.

Самаркандъ имѣлъ 12 волостей, отличавшихся плодородіемъ; жители разводили плодовые деревья, виноградъ, занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Самыя плодородныя мѣста находились ниже Самарканда по арыку Пай (нынѣ Нарпай). Въ Ривдадѣ, къ югу отъ Заряфшана, 1 фарсахъ отъ Самарканда, главномъ селеніи области Маймургъ, были расположены замки Ихшидовъ, домусульманскихъ владѣтелей Согда. Въ горахъ и области Шавдаръ

Кеш - западный
квартал Самарканд
see p. 111

находилось несторианское селеніе Вазгердъ съ очень здоровымъ климатомъ. Сѣверныя области Самарканда прилегли къ сосѣдней области Осрушанъ и не всѣ имѣли искусственное орошеніе. Въ области и городѣ Ведаръ было арабское населеніе, здѣсь выдѣлывались хлопчатобумажныя ткани, извѣстныя даже въ Иракѣ. Область Иштиханъ была отдана халифомъ Му'таидомъ (870—892) въ ленъ одному его полководцу, а въ предыдущемъ, VIII ст. сюда перенесли свою столицу Ихшиды, послѣ занятія арабами Самарканда. Въ области Кушанія, находившейся вмѣстѣ съ Иштиханомъ къ сѣверо-западу отъ Самарканда, былъ городъ Кушанія, названный Истахри „сердцемъ согдійскихъ городов“, такъ какъ былъ самымъ цвѣтущимъ послѣ Самарканда. Нѣкогда, во времена господства здѣсь юэчжійцевъ или кушановъ, одного тибетскаго народа, владѣтели всего Мавераннагра носили имя Кушанъ-шаховъ; его носили и слѣдующіе владѣтели страны—хайталы или эфталиты.

Дорога отъ Самарканда до Бухары тянулась на 37—39 фарсаховъ. На этомъ пути лежали, между прочимъ, города Зерманъ, Арбинджанъ (здѣсь протекалъ арыкъ Пай, см. выше), Керминія (теперь Кермина), 18 фарс. отъ Бухары; по преданію, первоначально этотъ городъ назывался Бадіа-и-хурдекъ (кувшинчикъ). Онъ былъ разрушенъ хорезмъ-шахомъ Иль-Арсланомъ, а въ XV в. снова былъ крупнымъ центромъ. Тавависъ (павлины) въ 7—8 фарсахахъ отъ Бухары, уже внутри стѣны, окружавшей пригороды. Въ домахъ богачей арабы впервые увидѣли здѣсь павлиновъ. Древнее названіе города Арфудъ. Примѣчательности города: храмъ огнепоклонниковъ; осенній базаръ въ продолженіе 7—10 дней, на который съѣзжались со всего Мавераннагра и даже изъ Ферганы и Шаша; большая соборная мечеть. Жители существовали главнымъ образомъ торговлей и мало занимались земледѣліемъ. На арыкѣ Самдженъ лежало селеніе Шаргъ или Джаргъ съ каменнымъ мостомъ, построеннымъ Арсланъ-ханомъ Мухаммедомъ. На противоположномъ берегу находился Искиджкетъ. Оба — торговопромышленные центры; послѣдній подобно Иштихану принадлежалъ халифу и былъ отданъ имъ въ ленъ одному изъ приближенныхъ. Въ окрестностяхъ Бухары упоминаются еще нѣсколько мѣстечекъ.

Планъ г. Бухары за 1000 л. почти не измѣнился; здѣсь не произошло такого перемѣщенія города какъ въ Самаркандѣ. Шахристанъ съ цитаделью находились на возвышеніи; конечно, имѣлся и рабадъ. Цитадель имѣла 2 воротъ и внутреннюю крѣпость, мѣстопробываніе саманидскихъ правителей, построенную въ VII в. бухарьхудатомъ Бидуномъ. Цитадель и замокъ были разрушены, а въ XII в. ихъ возстановилъ Арсланъ-ханъ Мухаммедъ. Въ 534 (1139-40) г. цитадель разрушилъ хорезмъ-шахъ Атсызъ; въ 536 ((1141-2) г. ее снова возстановилъ каракитайскій правитель Алпъ-тегинъ. Слѣдующими разрушителями были гузы въ 538 (1143-4) г. Въ 560 (1165) г. материалъ былъ употребленъ на рабадъ. Въ 604 (1207-8) г. цитадель была еще разъ возстановлена хорезмшахомъ Мухаммедомъ, но уже въ 1220 г. ее разрушилъ Чингизъ-ханъ. Шахристанъ имѣлъ 7 воротъ по числу звѣздъ въ Большой медвѣдицѣ. Стѣна рабада была выстроена въ 235 (849-50) г. и имѣла 11 воротъ.

Двойная стѣна, окружавшая городъ, была отстроена въ XII в. сначала Арсланъ-ханомъ Мухаммедомъ, затѣмъ Кылычъ-Тамгачъ-ханомъ Мас'удомъ (560—1165) и въ XIII в. хорезмшахомъ Мухаммедомъ. Главный городской арыкъ „золотая рѣка“ (Руд-и-зеръ) входилъ въ городъ со стороны Келябада и имѣлъ въ мѣстности Фашунъ плотины, шлюзы и приспособленіе изъ бревенъ, которыя снимались при наводненіи, чтобы отвести воду чрезъ шлюзы къ Пейкенду. Въ городѣ арыкъ развѣтвлялся на каналы, по нѣкоторымъ устроены были бассейны съ постройками для омовенія. Ниже города, въ мѣстности Рас-ал-варагъ, имѣлись опять плотины. Иногда, не смотря на предохранительныя сооруженія, вода затапливала цѣлыя участки. Вода была мутной и загрязненной отбросами. Отъ главнаго арыка, по Истахри, отдѣлялось 12 мелкихъ съ разными названіями для доставленія воды въ многотысячныя дома и сады. Между прочимъ, одинъ арыкъ имѣлъ много мельницъ, почему и звался Тахуна. Изъ построекъ и улицъ примѣчательны: христіанская церковь, въ послѣдствіи обращенная въ мечеть; улица развратниковъ (Ку-и-ринданъ); улица и дворецъ Везира б. Эйюба б. Хассана, перваго арабскаго эмира въ Бухарѣ; „деревянныя бакалейныя лавки“ (Чуба-и-баккалянъ) и „базаръ шелкающихъ фисташки“ около стѣнъ шахристана;

келья почитаемаго имама Абу-Хафса, окруженная мечетями и келіями, у воротъ Хаккъ-рохъ; мечеть корейшитовъ; дворець хорасанскаго эмира; базаръ Махъ-рузъ, гдѣ 2 раза въ годъ была ярмарка идоловъ (буддійскихъ), въ юго-восточной части города, которая назвалась въ послѣдствіи „воротами мечети Маха“ въ воспоминаніе легендарнаго царя Маха; по преданію, прежде это мѣсто представляло изъ себя рощу, затѣмъ здѣсь находился храмъ огнепоклонниковъ и, наконецъ, мечеть. Кварталь „замокъ маговъ“ (Кешк-и-муганъ) былъ убѣжищемъ купцовъ „Кеш-Кушановъ“, уступившихъ свои дворцы арабамъ при Кутейбѣ. Въ этомъ преимущественно кварталѣ находились храмы огнепоклонниковъ. При Саманидахъ земли въ Кешк-и-Муганъ скупались по 4 тысячи диргемовъ за джифтъ (диргемъ = франку), а нѣкогда цѣна доходила и до 12 тысячъ диргемовъ. (Джифтъ—пространство, которое можно обработать въ одинъ день парой воловъ—jugum). На дверяхъ дворцовъ кушановъ находилось изображеніе идола—покровителя владѣльца. Изъ мусульманскихъ построекъ имѣлось нѣсколько мечетей, около одной изъ которыхъ находилась главная ткацкая мастерская въ городѣ. „Мѣсто для праздничнаго моленія“ мѣнялось, пока Арсланъ ханъ въ 513 = 1119 г. не устроилъ его у воротъ Ибрагима, гдѣ оно находится и по сію пору; ранѣе, въ XI в. на этомъ мѣстѣ былъ расположенъ дворець съ садомъ и звѣринцемъ Шемс-ал-Мулька (1068—80). Въ сѣверо-западной части города, въ улицѣ Бу-Ляйса были построены Арсланъ-ханомъ двѣ бани. Улицы были мощены, широкія, но населеніе было такъ велико, что на улицахъ ощущалась тѣснота. Тѣснота эта была причиной частыхъ пожаровъ, зловонія, загрязненія воды. Камни для мостовыхъ брались съ горы и сел. Варка (здѣсь начиналась горная цѣпь, отдѣлявшая Самаркандскую область отъ Кешской).

Изъ 22 волостей Бухары, по Истахри, 15 находилось внутри стѣны. Цѣль ихъ—защита отъ нападений кочевниковъ-тюрковъ. Поддержаніе Бухарской стѣны ложилось тяжелымъ бременемъ на жителей вплоть до Исмаила, когда стѣна была предоставлена самой себѣ; въ XII в. ее звали уже старушкой (кемширекъ). Большинство областей носило одно названіе со своими арыками; изъ 15 волостей за стѣной 6 не могутъ быть приурочены къ

опредѣленному арыку, а изъ семи внѣшнихъ волостей извѣстно положеніе Іесира (Кермине)—Верхней Харканы (къ сѣв. отъ Заряфшана), Пейкенда и Феребра (Фараба); двѣ послѣднихъ расположены были на Хорасанской дорогѣ. Изъ арыковъ укажемъ, между прочимъ, на Шапуркамъ съ деревней Вардана, къ сѣверу отъ Бухары; Варданъ-Худаты до VIII в. соперничали съ Бухарь-Худатомъ, Вардана считалась даже древнѣе Бухары. Пейканъ протекалъ до упомянутаго выше селенія Варки, откуда брали камень для мостовыхъ. Рамитанъ, доходившій до селенія того же имени, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ въ окрестностяхъ Бухары; оно считалось „древней Бухарой“, и позднѣе, когда столицей стала г. Бухара, бухарскіе владѣтели проводили здѣсь зиму. На другой сторонѣ арыка находился Рамушъ съ храмомъ огнепоклонниковъ, почитавшимся еще въ эпоху Саманидовъ. Между Бухарой и Аму-д. шли селенія за селеніемъ чрезъ каждый фарсахъ и чаще. Значительнымъ городомъ являлся Пейкендъ, около теперешняго Кара-куль. Онъ древнѣе Бухары и былъ извѣстенъ подъ названіемъ „мѣдный городъ“ или „городъ купцовъ“. Торговля велась съ Китаемъ и морская (вѣроятно съ прикаспійскими областями). У воротъ было около 1000 рабатвъ (подворій) отъ различныхъ бухарскихъ селеній съ отрядами противъ тюрковъ. Имѣлись цитадель, два базара, мечеть съ позолоченымъ михрабомъ. Около города протекалъ арыкъ Харамкамъ, впадавшій въ озеро Самдженъ (Кара-куль). Послѣ Саманидовъ городъ палъ; попытки Арслана хана въ началѣ XII в. возстановить его не имѣли успѣха.

Кромѣ перечисленныхъ, много и другихъ болѣе мелкихъ селеній съ крѣпостями и мечетями упоминается у арабскихъ географовъ.

Когда лучшая часть Заряфшанской долины отошла къ русскимъ, долина *Кашка-дарьи* явилась житницей Бухары, а городъ Карши — вторымъ городомъ ханства. По этой долинкѣ въ описываемую эпоху шли дороги изъ Бухары и Самарканда въ Балхъ. Рѣка носила тогда названіе Кешкъ-рудъ. Городъ лежалъ на мѣстѣ теперешняго Шааръ-Сабиза, или Шахрисябза. Однимъ фарсахомъ сѣвернѣе шелъ рукавъ Джаджъ-рудъ, нынѣ Уйзелъ съ городомъ Китабъ; однимъ фарсахомъ южнѣе Кеша текъ Хушкъ-рудъ, теперь Кызыль-су, Яккабагъ-дарья; еще

восемью фарсахами южнѣ Кеша протекаль Хузарь-рудъ, нынѣ Хузарь-дарья, или Катты-уру-дарья. Городъ Кешъ нѣкогда былъ главнымъ городомъ Согда. По обыкновенію онъ имѣлъ шахристанъ съ 4 воротами, цитадель (и то и другое при Саманидахъ было въ развалинахъ), рабадъ съ 2 воротами. Каждая сторона города тянулась на $\frac{1}{3}$ фарсаха, т. е. на 2—3 версты. Строительный матеріаль—глина и дерево. Въ шахристанѣ помѣщались по заведенному порядку тюрьма и мечеть, въ рабадѣ — базары; дворецъ правителя былъ внѣ шахристана и рабада, въ мѣстѣ „Мусалля“ т. е. около праздничной молельни. Климатъ города считался очень нездоровымъ.

Кешская область, по Ибнъ-Хаукалю, имѣла 16 волостей. Наибольшее значеніе имѣла область Хузарь съ г. Субахъ (на мѣстѣ нын. Гузара), Наукадъ-Курейшъ (Кара-багъ, на пути изъ Кеша въ Несефъ-Карши), Искифагнъ (можетъ быть теперешній Эски-багъ, въ одномъ фарсахѣ отъ Субаха, дальше отъ Несефа). Г. Несефъ (арабское образованіе изъ Нахшебъ) съ XIV в. получилъ названіе Карши отъ дворца (карши) джагатайскаго хана Кебека. Постройки тѣ же, что и въ описанныхъ ранѣе городахъ. Въ окрестностяхъ много крупныхъ селеній. Орошеніе—колодцы и атмосферная влага.

Отъ Бухары до Несефа было 30 фарс.—140 в. и станціями на пути были Карачунъ, Міянкаль и Маймургъ. Мѣстность между Несефомъ и Аму-д. имѣла пустынный характеръ. Изъ Несефа шла дорога въ Кешъ и Субахъ; послѣдняя соединялась въ мѣстѣ Кендекъ съ дорогой изъ Самарканда чрезъ Кешъ. Между Самаркандомъ и Кешемъ произошла одна изъ главныхъ битвъ арабовъ съ тюрками. Кендекъ, вѣроятно, находился въ долинѣ рѣки Кичи-уру-дарьи. Въ разстояніи одного дня пути отъ Кендека были знаменитыя „Желѣзныя ворота“, нынѣ ущелье Бузгала. Отсюда шли пути въ Тармизъ (3 дня), Денау. Былъ еще путь изъ Кеша въ Саганіанъ по долинѣ р. Сангъ-гардакъ.

Въ бассейнѣ р. Аму-д. намъ осталось еще обозрѣть область Хорезмъ. Пять дней пути по сплошной культурной полосѣ вдоль рѣки приводили изъ Амуля въ первый гор. Хорезма—Тахирію (вѣроятно на мѣстѣ развалинъ Кетменчи). Съ XI в. самымъ южнымъ городомъ области считался Дарганъ, двумя днями пути ниже Та-

хиріи (нынѣ разв. Дарганъ-ата); въ X в. Дарганъ считался послѣ Гурганджа первымъ по величинѣ на лѣвомъ берегу рѣки, имѣлъ прекрасную соборную мечеть и массу виноградниковъ, выдѣлывалъ изюмъ. Въ 2 дняхъ пути отъ Даргана лежалъ знаменитый и доселѣ существующій городъ Хазараспъ, чрезъ 3 фарсаха за нимъ находился Кердеранъ-хасъ, чрезъ 5 фарс. за этимъ лежала Хива. Арыки, орошавшіе эти три города, отдѣлялись отъ рѣки у Амуля; самымъ большимъ былъ арыкъ хивинскій. Въ началѣ XIII в. жители Хивы были шафїитами, между тѣмъ какъ весь Хорезмъ придерживался ханифизма. За Хивой шла степь. Въ мѣстѣ Абукаша, въ 3 дняхъ пути отъ Джигербенда (между Тахиріей и Дарганомъ) рѣка, проходя горную тѣснину, суживалась до одной трети своей обыкновенной ширины (Дульдуй-атлаганъ). 3 фарсахами ниже отдѣлялся большой каналъ Гау-Хоре (пища коровъ), а еще 6 фарсахами ниже у г. Гарабхашны начиналась культурная полоса праваго берега. Въ одномъ днѣ пути отъ Хивы, на правомъ берегу главн. русла, лежалъ Кятъ (теперь селеніе Шейхъ-Аббасъ-вели), древняя столица Хорезма. Городъ былъ построенъ по общему плану. Цитадель изъ глины и кирпича имѣла три параллельныхъ стѣны; внутри ея возвышался видный за 20 верстъ старый дворецъ хорезмшаховъ; вблизи находились новый дворецъ хорезмшаховъ, мечеть и тюрьма. По сторонамъ городского арыка тянулись базары. По одной редакціи Макдиси городъ по величинѣ соотвѣтствовалъ Нишапуру, по другой — былъ больше Бухары, но немного подмывался водой. Кятъ славился богачами, учеными, чтецами корана, не имѣвшими равныхъ себѣ по красотѣ голоса даже въ Иракѣ. Кятскій рынокъ имѣлъ массу хорошихъ товаровъ. Городъ портило изобиліе грязи, нечистотъ, для которыхъ не было отведено отдѣльныхъ мѣстъ. Рѣка въ своемъ теченіи отдѣляла одинъ арыкъ за другимъ и въ разстояніи 1 гальвы ($\frac{1}{24}$ фарс.) отъ Гурганджа поворачивала благодаря устроенной въ этомъ мѣстѣ плотинѣ на востокъ къ селенію Фератегинъ или Бератегинъ, откуда былъ одинъ день пути до Аральскаго моря. Селеніе лежало въ степи, вблизи горъ.

Г. Гурганджъ, у арабовъ называвшійся Джурджанія, а у монголовъ и тюрковъ Ургенчемъ, отстоялъ на 1 фарсахъ отъ рѣки и былъ самымъ значительнымъ городомъ

на лѣвомъ берегу рѣки. Городъ имѣлъ четверо воротъ; къ нимъ подходили арыки, но во внутрь не текали за неимѣніемъ въ городѣ свободнаго мѣста. Въ Гурганджѣ былъ дворецъ Мамуна съ замѣчательными воротами, не имѣвшими себѣ равнымъ во всемъ Хорасанѣ. Сынъ Мамуна Али противъ дворца выстроилъ собственный, разбивъ передъ нимъ площадь, на подобіе бухарскаго ригистана; на этой площади торговали баранами. (Мамунъ б. Мухаммедъ, эмиръ Гурганджа, съ 995 г. сдѣлался хорезмъ-шахомъ, смѣстивъ древнюю Кятскую династію). Въ эпоху Саманидовъ Гурганджъ уступалъ Кяту, а въ XII в. былъ столицей самой могущественной тогда во всемъ мусульманскомъ мірѣ династіи хорезмшаховъ. Якутъ, посѣтивъ городъ въ 1219 г., нашелъ его едва-ли не самымъ обширнымъ и богатымъ изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ. Изъ селеній Хорезма упомянемъ Нузваръ на большой дорогѣ и Замахшаръ (теперь развалины Змукширъ)—укрѣпленныя мѣста со рвомъ, желѣзными воротами, подъемными мостами и мечетью; оба—на лѣвомъ берегу рѣки. На правомъ—селенія шли чрезъ каждый перегонъ (2 фарсаха). О дельтѣ Аму-дарьи, о числѣ и расположеніи ея рукавовъ арабскіе географы не даютъ никакихъ свѣдѣній. Недалеко отъ Бератегина, въ 4 фарсахъ отъ рѣки, была расположена Медминія или Медкаминія, самый сѣверный пунктъ осѣлости въ странѣ. Противъ Медминіи, на лѣвомъ берегу рѣки стояло селеніе Гитъ или Джитъ, около горы, за которой начиналась степь. На берегу Аральскаго моря было урочище Халиджанъ, гдѣ жили только рыбаки. По западному берегу моря тянулись горы Сіяхъ-кухъ по Ибнъ-Русте, Чакыръ-окузъ—по Истахри (последнее назв. можно сблизить съ сосѣднимъ Хорезму народомъ Чакыракъ или Чакыратъ). Болота праваго восточнаго берега моря были покрыты густымъ лѣсомъ съ тропинкой, проложенной кабанамъ. Отъ устья Аму-д. до устья Сыръ-дарьи было по Истахри 4 дня пути, а по Ибнъ-Хаукалю -- 10, что правильнѣе.

Историческое обособленіе Хорезма объясняется его географическимъ положеніемъ: хотя непрерывная культурная полоса по рѣкѣ до Амуля и соединяла Хорезмъ съ Мавераннагромъ и Хорасаномъ, однако путемъ для вражескихъ нашествій она не служила, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ искусственно заливалась водой.

Были дороги и чрезъ степь, по которымъ не встрѣчалось даже рабатовъ,—только пастбища.

Переходимъ къ обзору бассейна Сыръ-дарья, у арабовъ Сихунъ. Верховьемъ считалась рѣка Кара-дарья; болѣе многоводный истокъ, Нарынъ, тогда назывался Хайламъ. Между этими двумя рѣками помѣщался округъ Мянъ-руданъ, по-турецки Ики-су-арасы, что значить: между-рѣчіе. Пограничными пунктами съ тюрками были: Ошъ, Узгендъ, Бискендъ, Селать и мѣстность „семь деревень“, только въ X в. завоеванная мусульманами. Около послѣднихъ трехъ пунктовъ былъ проходъ къ тюркамъ (вѣроятно переваль Кугартъ). Главнымъ городомъ округа былъ Хайламъ, съ красивой мечетью, родина саманида Абу-ль-Хасана Насра, старшаго брата Исмаила. Ошъ, у рѣчки Ошской, притока Сыръ-дарья, былъ третьимъ городомъ области Ферганы; состоялъ изъ цитадели съ дворцомъ и тюрьмой, шахристана и рабада, имѣлъ трое воротъ, мечеть находилась среди базаровъ, въ окрестностяхъ былъ расположенъ рабатъ, куда стекались „борцы за вѣру“. Узгенъ стоялъ на р. Кара-дарья, которую здѣсь переходили въ бродъ, такъ какъ моста не имѣлось. Во всѣ части города, выстроеннаго по общему плану, была проведена вода. Велась торговля съ тюрками, при чемъ путь въ Семирѣчье шелъ чрезъ переваль Ясы въ Атбашъ (гора и городъ между верховьями Нарына и Тянь-шанемъ). Въ эпоху Караханидовъ Узгендъ былъ столицей Мавераннагра. На шестидневномъ пути изъ Ходжента въ Ошъ, лежали города: Кендъ (Кенд-и-бадамъ), при Саманидахъ причислявшійся къ Ходженту; Сохъ (Сары-Курганъ), принадлежавшій Ферганской области; Риштанъ (оба послѣдніе въ округѣ Верхняя—Несья); Куба, главный городъ отдѣльнаго округа, второй въ Ферганѣ по величинѣ, а по нѣкоторымъ географамъ даже превосходившій Ахсикеть (см. дальше). Сверхъ обыкновенія, мечеть находилась въ цитадели, что указываетъ на то, что цитадель была занята арабскимъ гарнизономъ. Базаръ, дворецъ и тюрьма находились въ рабадѣ. Въ упомянутомъ уже округѣ Верхняя Несья находился еще городъ Хокандъ (очевидно на мѣстѣ нынѣшняго Коканда). Въ округѣ Нижняя Несья укажемъ на Маргинанъ (Маргеланъ), главный городъ округа при Караханидахъ, Андуканъ (Андиджанъ). Отъ Оша до Куба было 7 фарс. На востокъ отъ Оша былъ

городъ Хуршабъ на рѣчкѣ того же имени, единственномъ изъ лѣвыхъ протоковъ Сыръ-дарьи, въ настоящее время доходящемъ до Кара-дарьи. Фергана была богата мусульманскими святынями; такъ, на мѣстѣ нынѣшняго цѣлебнаго источника Хазретъ-Аюбъ была могила пророка Эйюба (Иова); въ Исфидъ-буланѣ (теперь Сафид-булянъ) показывали могилу 2,700 спутниковъ пророка и ихъ послѣдователей. Въ Хокандѣ преданіе указываетъ могилу Абдаллаха, внука имама Хусейна; и доселѣ указываютъ могилу завоевателя Мавераннагра Кутейбы († 96 = 715 г.) въ Джелаль-Кудукской волости Андиджанскаго уѣзда. Къ югу отъ главной дороги находились горныя округи Испара, Ауваль и Некадъ. Въ первомъ округѣ упоминаются „разноцвѣтныя горы“ и каменноугольныя копи; пепель каменнаго угля служилъ для бѣленья одежды; три ослиныхъ ноши (викръ) угля стоили диргемъ=франкъ; ослиная ноша = 5 — 6 пудовъ.

Въ сѣверной части области, на правомъ берегу Сыръ-дарьи, 15 верстами юго-западнѣе нынѣшняго Намангана, лежала столица Ферганы, Ахсикетъ. Шахристанъ имѣлъ пять воротъ; городъ перерѣзывали каналы съ хаузами (водоемами), выложенными кирпичемъ и известью. Строительный матеріаль глина. По величинѣ городъ былъ въ $1\frac{1}{2}$ раза больше палестинскаго Рамла, занимавшаго 1 кв. милю (арабская миля— $\frac{1}{3}$ ф.). Мѣсто праздничнаго моленья находилось на берегу Сыръ-дарьи. На 2 фарсаха за городомъ тянулись сады, а за рѣкой шли луга, пастбища, потому пески на разстояніи одного перехода. Городъ соединялся дорогами съ Ходжентомъ, Кокандомъ, Куба. На пути изъ Ходжента въ Ахсикетъ укажемъ на Хаджистанъ у отроговъ Илака; здѣсь имѣлись соляныя копи, снабжавшія солью области Шапа, Ходжента и др. Пятью фарсахами сѣвернѣе Ахсикета на рѣкѣ лежалъ г. Касанъ, столица Ферганскихъ царей въ концѣ VIII и началѣ IX в. (Интересно, поэтому, изслѣдовать существующія здѣсь развалины).

Въ сѣверной части Ферганы были округа Неджмъ (нынѣ селеніе Нанай), Керванъ (сѣверная часть теперешняго Чустскаго уѣзда), Джидгиль (долина Чоткала). Макдиси насчитываетъ въ Ферганѣ 40 городовъ и селеній съ соборными мечетями, при чемъ раздѣляетъ города кромѣ столицы) на Міанъ-рудійскіе (Шикитъ, Хайрламъ,

Узгендъ и др.), Несайскіе, т. е. южно-ферганскіе (Ошъ, Куба, Маргинанъ, Риптанъ) и Вагизійскіе или сѣверо-ферганскіе (Касанъ, Джидгиль и др.). Ни въ одной области Мавераннагра отдѣльныя селенія не занимали подъ собой столько мѣста, какъ въ Ферганѣ, гдѣ нѣкоторыя селенія тянулись на одинъ день пути. Область славилась минеральными богатствами: въ разныхъ мѣстахъ области добывались золото, серебро, ртуть, смола, асбестъ, бирюза, желѣзо, мѣдь, свинець. Около Узгенда добывался нашатырь — рѣдкость въ мусульманскихъ владѣніяхъ. Г. Ходжентъ въ X в. составлялъ особую административную единицу, а впослѣдствіи причислялся къ Ферганской области; былъ большимъ, очень населеннымъ городомъ, съ садами, виноградниками; имѣлъ шахристанъ, цитадель, рабадъ, дворець, мечеть, тюрьму, арыкъ. Такъ какъ окрестнаго хлѣба не хватало, то его подвозили изъ Ферганы и Осрушаны. Между Ходжентомъ и Самаркандомъ (275 в. по тракту) находилась область Осрушана. Дорога изъ Самарканда шла до Хушуфагна (южнѣе нынѣшней станціи Яны - Курганъ), затѣмъ поворачивала на востокъ, черезъ горы и степь въ Заминъ (теперь поворачиваетъ у Джизака) и шла чрезъ Сабать до Ходжента. Впрочемъ дорога шла не всегда чрезъ одни и тѣ же мѣста, а отклонялась въ стороны. По Истахри между Баркетомъ и рабатомъ Са'да отдѣлялась дорога въ Шашъ чрезъ Джизакъ. Главный городъ области Бунджикетъ (Пянджикетъ; не смѣшивать съ городомъ того же названія на Заряфшанѣ) лежалъ въ сторонѣ отъ дороги на мѣстѣ теперешнихъ развалинъ Шахристанъ, верстахъ въ 25 на югъ отъ Ура-тюбе. Въ X в. городъ имѣлъ 10 тысячъ жителей мужского пола. Планъ и отдѣльныя постройки не отличались отъ общераспространенныхъ въ описываемой части мусульманскаго міра, а строительнымъ матеріаломъ служили опять глина и дерево. Орошался Бунджикетъ шестью протоками, общій истокъ которыхъ находился въ $\frac{1}{2}$ фарс. за городомъ; на протокахъ было много мельницъ. Городъ Заминъ былъ вторымъ по величинѣ въ Осрушанѣ, не имѣлъ стѣнъ, лежалъ по обѣ стороны рѣчки (теперь носящей названіе Санганакъ) при ея выходѣ изъ горъ; базары были расположены на обоихъ берегахъ и соединялись мостиками. Г. Дизакъ, въ волости Фекнанъ, былъ третьимъ по ве-

личинѣ и имѣлъ массу гостинницъ и рабатовъ для „борцовъ за вѣру“. Упоминають еще нѣсколько городовъ, но надо замѣтить, что городская жизнь въ Осрушанѣ была мало развита, такъ какъ эта область мало подпала влiянiю ислама и сохранила свой древне-арiйскiй аристократическiй строй; такъ, имѣлось до 400 укрѣпленiй, т. е. замковъ дикхановъ. Сильно населена была горная область Буттемъ, бывшая одно время самостоятельной. Изъ селенiй Дженкакетъ и Суйдакъ происходила семья Абу-с-Саджа Дивдада, основателя азербиджанской династiи Саджидовъ. Въ этой области добывался материалъ для желѣзнаго оружiя, которое выдѣлывалось въ Ферганѣ и расходилось до Багдада, а также золото, серебро, купоросъ, нашатырь. Къ сѣверо-востоку отъ Осрушаны на правомъ берегу Сыръ-дарьи находились области Илакъ и Шашъ, составлявшiя одно географическое нераздѣльное цѣлое, по нимъ протекали Ангрень и Паркъ (Чирчикъ), имѣвшiй два истока: Пскемъ и Чоткалъ. При устьѣ Ангрена лежалъ г. Бенакетъ съ безпокойными жителями, разрушеннiй монголами и возстановленнiй Тимуромъ, а при устьѣ Чирчика—Неджакетъ. Изъ Осрушаны въ долину Чирчика вели двѣ дороги: Хавасская и Дизакская; онѣ соединялись въ Джинанджкетъ (у лѣваго берега Чирчика, въ 4 фарсахъ отъ Бенакета и 2 отъ Сыръ-дарьи). На лѣвомъ же берегу лежало христiанское селенiе Винкердъ. Переправившись у Джинанджкета чрезъ Чирчикъ, приходили къ г. Уштуркету (недалеко отъ нынѣшняго Иски-Ташкента), занимавшему третье мѣсто въ области Шашъ. Столицей Шаша былъ Бинкетъ (Ташкентъ). Городъ былъ окруженъ двойной стѣной—внѣшняя съ 7 воротами, внутренняя съ 10—шахристанъ имѣлъ трое воротъ, цитадель двое: одни въ шахристанъ, другiя въ рабадъ; размѣръ города равнялся квадратному фарсаху; имѣлись сады, виноградники. Путь изъ Бинкета въ Ходжентъ шель горами: отъ Бинкета до Кухъ-и-Симъ „серебряные рудники“ (около теперешняго села Аблькъ) было 7 фарсаховъ; 8 фарсахами далѣе, на пути изъ Ходжента въ Ахсикетъ, лежалъ Хаджистанъ.

Главнымъ городомъ Илака былъ Тункетъ, на берегу Ангрена, размѣрами меньше Бинкета и въ восьми фарсахъ отъ него. Культурная полоса Чирчика съ сѣверной стороны была защищена отъ тюрковъ въ эпоху

арабовъ (до 840 г.) стѣной отъ горъ Саблыкъ или Сайлыкъ до Сыръ-дарьи; за стѣной шла степь и чрезъ одинъ фарсахъ ровъ отъ горъ до рѣки. Теперь стѣна у туземцевъ носить названіе „Кемпиръ-дуваль“ — „старуха-стѣна“. Стѣна эта у б. Чирчика подходила къ городу Джабгукету, средоточію военныхъ силъ. Городовъ въ этихъ двухъ областяхъ было, въ противоположность Осерушанѣ, очень много: въ Шашѣ около 30, въ Илакѣ—около 20.

Къ Мавераннагру въ эпоху Саманидовъ причисляли еще область Исфиджабъ, т. е. культурную полосу Арыса и его притоковъ, съ городомъ того же названія на мѣстѣ села Сайрамъ. Г. Гаркердъ (Гузкердъ) лежалъ, можетъ быть, на мѣстѣ развалинъ Дувана, во всякомъ случаѣ въ окрестностяхъ верховій рѣки Келеса и его притоковъ (степь Каласъ). Г. Исфиджабъ отстоялъ отъ предыдущаго на 4 фарсаха и былъ втрое меньше Бинкета. Цитадель его въ X вѣкѣ лежала уже въ развалинахъ, имѣлось множество рабатовъ для „борцовъ за вѣру“. (По Макдиси—до 1700). Область простиралась на востокъ до Таласа, на сѣверо-зап. до Сабрана (Саурана), гдѣ были округа Кенджида, Барабъ или Фарабъ (по обоимъ берегамъ Сыръ-дарьи) съ гор.: Кедеромъ (сѣвернѣе Отрара), имѣвшимъ, между прочимъ, нѣсколько винныхъ лавокъ; Сюткендомъ (на лѣвомъ берегу), въ которомъ были поселены гузы и карлуки-мусульмане; Саураномъ, на границѣ съ гузами и кимаками, имѣвшимъ 7 рядовъ стѣнъ—сюда приходили гузы для торговли и заключенія дого; воровъ. Небольшой г. Баладжъ и большой — Берукетъ были населены принявшими исламъ туркменами, которые, какъ и другіе выходцы изъ степи, употреблялись въ качествѣ пограничной стражи. „Богатая пастбища“ между Фарабомъ, Кенджидой и Шашемъ были тоже заняты кочевыми тюрками-мусульманами. Въ двухъ дняхъ пути отъ устья Сыръ-дарьи лежалъ городъ Яныкентъ, то-есть „новый городъ“, зимняя резиденція царя гузовъ (теперь развалины Джанкента къ югу отъ Сыръ-дарьи), и еще два города Джендъ и Хувара; всѣ три имѣли мусульманское населеніе, вѣроятно выходцевъ изъ Мавераннагра и Хорезма. Отъ Яныкента до Хорезма было 10 дней пути, до Фараба — 20; былъ еще путь къ Иртышу. По Сыръ-дарьѣ въ Яныкентъ привозили хлѣбъ изъ Мавераннагра. Хотя устье рѣки въ концѣ X в. было во власти

мусульманъ, однако пространство между Джендомъ и Фарабомъ до конца XII в. оставалось областью невѣрныхъ.

Центромъ кипчакскихъ владѣній былъ Сыгнакъ (по Лерху около теперешн. Сунакъ-кургана или Сунакъ-ата). Кромѣ того упоминаются крѣпость Узкендъ въ горахъ Кара-тау, Барчынлыкендъ, Ашнасъ (у Перовска) и нѣсколько болѣе мелкихъ пунктовъ. Точно опредѣлить положеніе этихъ городовъ нѣтъ возможности, такъ какъ нигдѣ не указываются разстоянія между ними и извѣстными по своему положенію городами. Въ настоящее время, послѣ ряда статей В. А. Каллаура въ „Протоколахъ Турк. Кружка люб. арх.“, можно считать опредѣленными положеніе Ашнаса (нынѣ развалины Асанасъ на лѣвой сторонѣ Сыръ-дарьи, верстахъ въ 25 отъ рѣки и въ 30 отъ станціи Беръ-Казанъ) и Дженда (развалины Кысъ-Кала въ урочищѣ Тумаръ-Уткель, также на лѣвой сторонѣ рѣки, верстахъ въ 40—45 къ западу отъ Асанаса и верстахъ въ 25—30 отъ Перовска).

Географическій обзоръ Семирѣчья.

Семирѣчьемъ называется область между Западнымъ и Восточнымъ Туркестаномъ, заключающая въ себѣ юго-восточную часть бассейна озера Балхаша, бассейнъ озера Иссыкъ-куля съ верховьями рѣки Чу и бассейнъ Сыръ-дарьинскаго притока Нарына отъ верховьевъ до выхода изъ пограничныхъ съ Ферганой горъ.

Объ Илійской долиинѣ свѣдѣнія имѣются только начиная съ монгольской эпохи, а южная часть Семирѣчья стала болѣе или менѣе достовѣрно извѣстна между VI и X вѣками, хотя имѣются отрывочныя данныя и отъ эпохи Усуней, жившихъ въ Семирѣчьи во II в. до Р. Хр.

Въ VII в. впервые упоминается путь чрезъ Семирѣчье изъ Западнаго Туркестана въ Восточный, путь, соединявшій два культурныхъ центра: Мавераннагръ и Уйгурію.

Тогда во всей Средней Азии и Восточной Европѣ господствовали тюрки. Въ 581 г. ихъ имперія распалась на 2 части, и западные ханы жили въ Усунскихъ владѣніяхъ. Упомянутый путь, служа торговымъ цѣлямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вліялъ на распространеніе въ странѣ осѣдлости и цивилизаціи. Китайскія извѣстія этой эпохи принадлежатъ буддійскому монаху Сюань-цану, посѣтив-

шему Зап. Туркестанъ между 629 и 648 гг. Изъ восточно-туркестанскаго города Аксу онъ перевалилъ чрезъ хребетъ Тянь-шань по проходу Бедель, затѣмъ достигъ нѣкоего города на рѣкѣ Суй-ѣ (Чу); въ этомъ городѣ собиравались обыкновенно купцы. Къ западу Сюань-цанъ упоминаетъ еще нѣсколько городовъ съ отдѣльными начальниками, зависѣвшими отъ тюрокъ. Страна отъ города на р. Чу до Гъ-шуан-на (Кеша) называлась у китайцевъ Су-ли. У жителей имѣлись историческія сочиненія; алфавитъ состоялъ изъ 32 буквъ, средствами къ существованію были земледѣліе и торговля. Страна между р. Чу и Аму-Дарьей представляла въ культурномъ отношеніи одно единое цѣлое съ центромъ въ Самаркандѣ, который, по Сюань-цану, служилъ для сосѣдей образцомъ нравственности и приличій. До 751 г. Западный Туркестанъ въ лицѣ тюркскихъ хановъ, а чрезъ нихъ и всего населенія былъ открытъ китайскому вліянію, а послѣ битвы при Таласѣ эта роль перешла къ арабамъ. Въ это же приблизительно время Семирѣчье и восточная часть Сыръ-дарьинской области подчинились тюркамъ-карлукамъ (Ге-ло-лу у китайцевъ, харлухы у арабовъ). Въ VIII в. начались торговыя сношенія арабовъ съ средне-азіатскими народами. Кромѣ того три раза въ годъ караванъ ходилъ чрезъ Кучу на верховья Енисея въ столицу хагасовъ (киргизовъ), при чемъ въ землѣ карлуковъ дѣлалась остановка и бралась защита противъ уйгуровъ (сѣверная отрасль на Орхонѣ). Особенно обширна была торговля при Саманидахъ. Прежде чѣмъ вступить въ страну карлуковъ (на 30 дней пути на востокъ отъ мусульманскихъ владѣній въ Ферганѣ), купцы проходили чрезъ земли гузовъ (жившихъ отъ Каспійскаго моря до Исфиджабскаго округа около Чимкента), а выйдя изъ страны карлуковъ, купцы попадали къ тугузгузамъ, занимавшимъ остальные земли до Китая. Приводимъ средне-вѣковый маршрутъ изъ Зап. Т. въ Вост. по описаніямъ Ибнъ-Хордадбеха и Кудамы. Изъ Шаня (Ташкентъ) въ Исфиджабъ (Сайрамъ) шли чрезъ „серебряныя рудники“ и „желѣзныя ворота“ (см. выше); далѣе направлялись къ Таразу, отстоявшему отъ Исфиджаба приблизительно на 26 фарсаховъ, и проходили нѣсколько селеній (фарсаховъ черезъ 5) и рѣчку Терсъ, существующую и теперь. Г. Таразъ (Таласъ, Ауліе-ата) былъ однимъ изъ са-

мыхъ древнихъ въ Средней Азіи. Его упоминаетъ извѣстный византійскій посолъ Земархъ въ VI в. При Суань-цанѣ Таласъ былъ значительнымъ торговымъ городомъ, гдѣ жили купцы различныхъ странъ; городъ имѣлъ 8—9 ли (4—4½ в.) въ окружности. Арабскіе завоеватели, какъ извѣстно, доходили до долины р. Таласъ и въ 751 г. сразились на ней съ китайцами; а саманидскій государь Исмаиль взялъ самый городъ въ 893—894 г. и обратилъ главную церковь (несторіанскую, см. ниже) въ мечеть. Далѣе этого города завоеванія арабовъ не простирались, хотя арабскія войска въ 810 г. доходили до Кулана (нынѣ станція Тарты). По Макдиси Таласъ имѣлъ много садовъ, былъ густо застроенъ, имѣлъ ровъ, 4 воротъ, большое предмѣстье; часть города находилась по ту сторону рѣки; соборная мечеть стояла среди базаровъ.

Въ государствѣ Караханидовъ Таразъ вмѣстѣ съ Исфиджабомъ составлялъ особый удѣлъ и вмѣстѣ съ остальными владѣніями Караханидовъ въ XII в. былъ завоеванъ кара-китаями. Въ XIII в. при Таразѣ кара-китайское войско было разбито хорезмшахомъ Мухаммедомъ. На ½ мили къ сѣверу отъ Тараза находился городъ Джикиль, упоминающійся среди городовъ, населенныхъ, между прочимъ, христианами.

Послѣ Тараза въ маршрутѣ упоминается городъ Мирки (или нынѣшн. Мерке), слѣдовательно путь шелъ по сѣверному склону теперешняго Александровскаго хребта; далѣе на пути лежали Ашпара (современный Чалдаваръ, въ 26 верстахъ отъ Мерке), Нузкетъ (Бѣловодская станція, въ 50 в. отъ Чалдавара), Джуль — немного южнѣе нынѣшняго Пишпека; здѣсь находятся Аламедынскія развалины и выходъ изъ перевала Караколъ, упоминаемаго у Идриси, ведущаго изъ мѣстности, населенной теперь наманганскими сартами, гдѣ нѣкогда лежалъ городъ Ахси-кетъ. Слѣдующій, упоминаемый арабами пунктъ, Сарыгъ, находился около Токмака на мѣстѣ Бурана или какихъ-нибудь сосѣднихъ развалинъ. Оттуда дорога переходила на правый берегъ Чу къ „столицѣ тюркскаго хакана“, которая, по прямому указанію китайскихъ источниковъ, была расположена на одной горѣ по сѣверную сторону рѣки (около Кара-булака или Кара-кунуза); у Макдиси упоминается „Орду, небольшой городъ, гдѣ живетъ турк-

менскій царь; онъ постоянно посылаетъ подарки владѣтелю Исфиджаба. Городъ имѣетъ крѣпость и ровъ, наполненный водой; царскій дворець находится въ цитадели“. Затѣмъ дорога снова переходила на лѣвый берегъ рѣки и достигала городовъ Невакета и Суяба (Суябъ), по-китайски Суй-фъ или Суй-шэ, находившагося еще значительно западнѣе озера Иссыкъ-куля, на р. Чу. Таковы китайскія извѣстія о „городѣ на рѣкѣ Суй-фъ“, разрушенномъ въ 748 г.; но Суябъ, упоминаемый арабскими и персидскими географами, находился къ сѣверу отъ рѣки, непосредственно къ югу отъ перевала Кастекъ. Возможно, что городъ послѣ своего разрушенія китайцами былъ восстановленъ на другомъ мѣстѣ. Отъ этихъ двухъ городовъ вели пути въ городъ Нушджанъ или Барсханъ, при чемъ, по всей вѣроятности, одна дорога шла по сѣверному, другая по южному берегу озера.

По Якуту и Кудамъ Нушджанъ, а по рукописи Туманскаго и по Гардизи Барсханъ было названіемъ или одного и того же города, или группы поселковъ, на берегу Иссыкъ-куля, причемъ значительное разстояніе этой мѣстности отъ Суяба даетъ право искать ее на восточномъ побережьѣ озера. Кудама говоритъ: „Верхній Нушджанъ состоитъ изъ четырехъ большихъ городовъ и пяти малыхъ; гарнизонъ (тюркскій) находится въ одномъ изъ этихъ городовъ, расположенномъ на берегу озера“, а въ рукописи Туманскаго читаемъ: „городъ Барсханъ находится на берегу этого (Иссыкъ-куль) озера“.

Гардизи приводитъ слѣдующую интересную легенду о происхожденіи Барсхана: когда Зу-ль-карнейнъ („двурогій“), т. е. Александръ Македонскій, завоевавъ Иранъ, направился на Туркестанъ и Китай, то онъ, боясь возстанія въ завоеванной странѣ, взялъ съ собою въ качествѣ заложниковъ по одному или по два изъ cadaго персидскаго рода. Достигнувъ мѣста, гдѣ со временемъ возникъ Барсханъ, Александръ узналъ, что въ Китаѣ не хватитъ провіанта для всего обоза, и поэтому приказалъ снять съ лошадей все лишнее, закопать это, а лошадей нагрузить провіантомъ; здѣсь же онъ оставилъ ждать себя сыновей персидскихъ вельможъ. Послѣдніе, узнавъ, что Александръ вернулся изъ Китая Индіей, и отчаявшись попасть на родину, „отправили посла въ Китай, привели мастеровъ изъ обжигателей глины, плот-

никовъ и живописцевъ и велѣли имъ устроить эти мѣста на подобіе городовъ Фарса; мѣстности они дали названіе Барсханъ, т. е. повелитель Фарса“. Приведенная легенда показываетъ, что правильно чтеніе Барсханъ, а не Нушджанъ.

Въ Барсханъ шелъ путь и изъ Ферганы чрезъ Узгендъ, переваль Яссы и городъ Атбашъ у хребта и рѣки того же названія, по всей вѣроятности, на мѣстѣ нынѣшнихъ развалинъ „Кошой-курганъ“.

Что касается самого озера Иссыкъ-куля, то первое описаніе его принадлежитъ Сюанъ-цану: вода озера въ то время, какъ и теперь, имѣла черно-зеленый цвѣтъ и горько-соленый вкусъ; бурныя волны уже тогда внушали страхъ мѣстнымъ жителямъ, которые рассказывали путешественнику всякія ужасы о жившихъ въ озерѣ чудовищахъ. Неизвѣстный персидскій географъ X вѣка передаетъ, что берега озера принадлежали двумъ кочевымъ народамъ: карлукамъ и джикилиямъ; первые жили къ юго-востоку отъ вторыхъ; карлукамъ принадлежалъ Барсханъ, на границѣ двухъ народовъ лежали селенія Тонъ и Тальхиза, а джикили имѣли городъ Сикунъ „населенный, богатый, торговый пунктъ“.

Извѣстная Каталанская карта 1375 г., не безъ основаній, помѣщаетъ его подъ названіемъ Иссыкъ-куль на сѣверномъ берегу озера. Упомянутый городъ Атбашъ—единственный пунктъ, приводимый средне-вѣковыми мусульманскими географами въ бассейнѣ Нарына. Это и не удивительно, такъ какъ, находясь на высотѣ около 7.000 фут. надъ уровнемъ моря, отличающа суровымъ климатомъ и будучи со всѣхъ сторонъ окружены горами, окрестности Нарына не играли такой исторической роли, какъ берега Таласа, Чу и Или. О бассейнѣ р. Или мы должны сказать, что неизвѣстно, когда тамъ началась культура, но ко времени монгольскаго завоеванія, къ которому относятся первыя свѣдѣнія объ этой культурѣ, она, повидимому, достигла уже значительной степени развитія *).

*) Незадолго до монг. владычества упоминается впервые городъ Алмалыкъ въ качествѣ столицы Кульджинскаго края, гдѣ въ то время возвысился до степени кочевого владѣтеля бывший разбойникъ и конокрадъ Озаръ. Городъ лежалъ на разстояніи 1 дня пути къ западу отъ прохода Талки, 45 дней пути отъ Отрара и двухъ недѣль пути отъ столицы Уйгури, Бишбалька.

Дальнѣйшая судьба Илійской долины находится за предѣлами нашей работы. Описывая Семирѣчье, нельзя обойти молчаніемъ г. Баласагунъ, который впервые становится извѣстнымъ при Караханидахъ, мусульманско-тюркской династіи, царствовавшей въ концѣ X вѣка въ Восточномъ и Западномъ Туркестанѣ. Баласагунъ былъ столицей сначала этой династіи, а во второй половинѣ XII в. кара-китайскихъ гурхановъ. Данныя объ этомъ городѣ крайне темны и сбивчивы; судя по нимъ можно только предположить, что городъ Баласагунъ скорѣе находился въ Чуйской долинѣ, чѣмъ въ Восточномъ Туркестанѣ.

Описаніе Мерва.

Развалины Старога Мерва, нынѣ составляющія часть Мургабскаго Государева имѣнія, находятся при станціи Закаспійской желѣзной дороги Байрамъ-Али, въ 26 верстахъ отъ нынѣшняго, новаго Мерва, и въ общемъ занимаютъ громадную площадь въ 40 кв. верстѣ.

Во всю ширину развалинъ ихъ пересѣкаетъ караванная дорога въ Бухару, и все пространство покрыто остатками старыхъ городовъ, крѣпостей, стѣнъ, валовъ, домовъ, мечетей, кладбищъ, надгробій, ледниковъ, оросительныхъ каналовъ: несомнѣнно, что остатки поселеній принадлежатъ различнымъ эпохамъ.

Основаніе города Мерва легендой приписывается Александру Македонскому, но историческихъ указаній на пребываніе Александра на мѣстѣ Мерва, кромѣ разказа Квинта-Курція, нѣтъ.

Положеніе Мерва въ дни греко-бактрійскаго царства неизвѣстно. Александрію, возобновленную подъ именемъ Селевкии, слѣдуетъ искать близъ Мерверруда.

На необитаемой теперь полосѣ между Мервомъ и Амударьей Птолемеемъ упоминаются города Ariaca, Sena, Aratha, Argadina, Iasonium. Остатки старорѣчій на этомъ пространствѣ замѣтилъ Абботтъ на пути своемъ между Мервомъ и Хивою.

По китайскимъ источникамъ Мервъ былъ промежуточнымъ пунктомъ европейско-китайскихъ торговыхъ сношеній, начало которыхъ относится къ весьма древнему времени—еще М. Антонинъ снарядилъ изъ Рима посольство въ Китай, но оно потерпѣло неудачу.

„Сборникъ свѣдѣній о земляхъ чужестранцевъ“ китайскаго генерала Бейцю, посланнаго въ 607 г. на западныя границы Китая для собиранія свѣдѣній о западныхъ странахъ, указываетъ три западные пути: 1) Алтай-Константинополь, 2) Баміанскій проходъ, Кабуль, Индія и 3) по Тянь-Шаню чрезъ Турфанъ, Кара-Шаръ, Куча, ущелье Терекъ на западъ отъ Кашгара, Фергана, Осрушана, Самаркандъ, Бухара, Мервъ (Му) и Персія (Бо-сы). Приблизительно таковъ же былъ путь и христіанской культуры, проникавшей чрезъ Мервъ вглубь средней и восточной Азіи; въ началѣ IV в. въ Мервѣ была епископская каеэдра.

Въ Мервѣ былъ окончательно низвергнутъ тронъ Сасанидовъ: въ мельницѣ на рѣкѣ Мургабѣ погибъ въ 651 г. Ездеджердъ III, послѣдній государь этой династіи, бѣжавшій послѣ битвы съ арабами при Кадесіи (636 г.) и Нихавендѣ (642 г.) чрезъ Сеистанъ и Хорасанъ въ Мервъ.

При нашествіи арабовъ Мервъ становится однимъ изъ большихъ городовъ Хорасана, иногда областнымъ. Отсюда арабы ходили воевать Пейкендъ, Бухару, Самаркандъ.

Къ концу столѣтія, въ которомъ въ Мервѣ погребена была сасанидская династія, а съ ней и религія Зороастра, въ Мервѣ же раздался кличъ аббасидской пропаганды изъ устъ Абу-Муслима (745—6 г.).

Съ 808 г. въ Мервѣ поселился по приказанію своего отца. Гарунъ-ар-Рашида, Мамунъ, жившій здѣсь еще 3—4 года послѣ того, какъ сдѣлался халифомъ (813—817).

При династіи Тахиридовъ Мервъ лишился своего недавняго значенія въ пользу Нишапура. Послѣ долгаго перерыва въ Мервѣ зазвучалъ персидскій стихъ, предвозвѣстникъ близкаго возрожденія персидской литературы; онъ былъ сочиненъ для восхваленія Мамуна скромнымъ ученымъ Аббасомъ.

За Тахиридами Хорасаномъ владѣли Саффариды, Саманиды, Газневиды, и наконецъ хутба раздается въ честь Сельджуковъ, при которыхъ Мервъ достигъ наибольшаго развитія и благосостоянія.

Къ эпохѣ только что перечисленныхъ самостоятельныхъ династій, быстро смѣнявшихъ одна другую, относятся труды знаменитыхъ арабскихъ географовъ и путешественниковъ, давшихъ сообщенія и о Мервѣ.

„Книга путей по государствамъ“ (около 846 г.) Ибнъ-Хордадбега удостовѣряетъ, что Мервъ лежалъ на большой дорогѣ въ Багдадъ (375 фарсаховъ) чрезъ Сарахсъ (30 ф.) и Нишапуръ; кромѣ того изъ Мерва шли дороги 1) чрезъ Амуль (36 ф.) въ Шашъ и земли тюрковъ и 2) въ Балхъ и Тохаристанъ.

Ибнъ-аль-Факихъ впервые объясняетъ названіе Мерва— „шахджанъ“, какъ излюбленное царями мѣсто, „царская душа“, и изъ мѣстныхъ произведеній отмѣчаетъ мервскія ткани и одежды, выдѣланныя изъ „мульхамъ“ высшихъ сортовъ; матеріи эти выдѣлывались съ такимъ совершенствомъ, что „мервскими“ назывались всякія тонкой работы и изящества восточныя ткани; Мервъ славился хлопкомъ и дынями необыкновенно вкусными, сладкими и ароматными, которыя доставлялись ко двору халифа.

Самое подробное описаніе Мерва находимъ у Истахри въ его „Книгѣ путей государствъ“ (около 951 г.), гдѣ перечисляются мервскія мечети, домъ правленія; шахристанъ, расположенный по четыремъ главнымъ каналамъ и застроенный преимущественно правительственными зданіями, былъ окруженъ стѣной, внутри которой на возвышеніи находилась и цитадель, уже разрушенная и обращенная въ огороды; другая стѣна окружала самый городъ и его пригороды и называлась „аль-Рай“; внутренній городъ имѣлъ четверо воротъ. Городскіе каналы выходили изъ „рѣки Мергабъ, т. е. рѣки Мерва“, по которой тянулись поля жителей. Водой управлялъ отдѣльный начальникъ. „Изъ Мерва вышло большинство вождей халифата, секретарей въ Иракѣ, правителей Хорасана, а также многіе выдающіеся законовѣды и знаменитые словесники.... Мервъ чистотою, красотою расположенія, планировкой зданій и кварталовъ между каналовъ и древесныхъ насажденій, обособленностью разныхъ ремесленниковъ на базарахъ превосходитъ прочіе города Хорасана“.

Макдиси особенно подробно описываетъ въ своемъ „Лучшемъ изъ дѣлений для познанія климатовъ“ (земныхъ поясовъ, 985 г.) орошеніе Мерва. Подъ руками начальника орошенія было 10.000 человекъ на жалованьѣ и между прочимъ 400 водолазовъ. „И не увидишь ты болѣе совершеннаго и искуснаго распредѣленія воды.... И водружена доска, вдоль которой прорѣзъ, а поперегъ знаки: когда вода поднимается и достигаетъ высота ея

на доскѣ 60 дѣленій, годъ будетъ урожайный, люди радуются этому, и поднимается количество (выдаваемой воды), а когда бываетъ 6 дѣленій, бываетъ годъ безплодный“. Отъ Мургаба по городу растекались 4 главные канала, отъ которыхъ шли развѣтвленія; жители имѣли крытые и открытые бассейны съ лѣстницами и дверцами, а также прѣсные колодцы. Совершенство орошенія Мерва не избавляло его однако отъ недостатка воды.

За время Сельджуковъ Мервъ становится ихъ столицей, увеличивается, богатѣетъ и къ концу этой династїи дѣлается цвѣтущимъ. Съ именами государей этой династїи связаны многіе памятники въ легендахъ, живущихъ до настоящаго времени.

Особенно любилъ Мервъ султанъ Санджаръ. Громадныя богатства, собранныя имъ во время походовъ, можно думать, были употреблены на украшеніе столицы. Въ 1153 г. Санджаръ былъ взятъ въ плѣнъ гузами, которые затѣмъ предали столицу ужасающему грабежу; „ни на поверхности земли, ни подъ землей ничего не оставили“, пишетъ Хафиз-Абру. Убѣжавъ изъ плѣна, Санджаръ умеръ въ 1157 г. и былъ похороненъ въ Мервѣ, въ куполообразномъ зданіи, которое, по Ибнъ-аль Асирю и Хафиз-Абру, самъ выстроилъ и назвалъ „домомъ будущей жизни“.

При хорезмшахахъ въ Мервѣ забыто было разореніе гузовъ, и ко времени Чингизъ-хана городъ снова процвѣталъ. Съ 1216 г. до 19 г. въ Мервѣ проживалъ знаменитый Якутъ; въ подробномъ описаніи города Якутъ, между прочимъ, упоминаетъ 10 библиотекъ-вакфовъ, болѣе богатыхъ отборными сочиненіями, чѣмъ библиотеки любого другого города; одна изъ нихъ, „Азизіе“, заключала около 12.000 томовъ.

Черезъ два года послѣ того, какъ Якутъ покинулъ Мервъ, надъ нимъ разразилась ужасающая, роковая гроза монголовъ въ лицѣ сына Чингизова, Тули-хана, и—Мервъ пересталъ существовать на цѣлыя столѣтія. Зданія, дворцы, мечети рушились безошадно. Ибн-аль-Асиръ говоритъ, что овладѣвъ городомъ, монголы зажгли его и предали пламени надгробіе Санджара. Съ этихъ поръ подъ именемъ Мерва въ лѣтописяхъ эпохи Иль-хановъ въ Персіи надо разумѣть область и ближайшія къ развалинамъ стараго Мерва селенія.

Мервское пепелище обновилъ сынъ Тимура, Шахрохъ. Прошло около 200 лѣтъ со дня разрушенія города, и вотъ въ 812 = 1409 г. Шахрохомъ, по словамъ Хафизи-Абру, было повелѣно: „запрудить плотину на мервской рѣкѣ, т. е. Мургабъ, которую снесла вода, и прочистить каналы, которые были занесены, дабы земли, которыя были разрушены, какъ сердце влюбленныхъ, и лишены воды, какъ постѣвы людей добродѣтельныхъ, получили блескъ, какъ ланиты красавицъ, и свѣжесть, какъ первый пушекъ (на щекахъ) прелестницъ; чтобы мѣста, которыя были жилищемъ молодыхъ ланей и зайцевъ и логовомъ гienъ и лисицъ, стали мѣстомъ роста и произростанія сочныхъ деревьевъ и мѣстомъ приюта и отдохновенія сладкозвучныхъ птахъ; чтобы, наконецъ, земли, лишенныя зелени, превратились въ восхитительныя сады. Когда плотина была возведена и вода стала дѣйствовать въ той области, со всѣхъ сторонъ и концовъ народъ выразилъ желаніе и стремленіе поселиться и основаться въ ней. Обстроили базары, заблестали мечети, заложили бани и каравансарай. Во дни его (Шахроха) благополучной державы были устроены и заведены — монастыри (ханкахи), училища, караулни и мосты“ ...

Возобновленный Мервъ привлекалъ къ себѣ Тимуридовъ пріятной, по зимамъ мягкой погодой и богатой охотой.

Въ 1507 г. Гератомъ овладѣлъ основатель узбекской династіи Мухаммедъ-ханъ-Шейбани; весь Хорасанъ оказался въ его власти, и онъ подѣлилъ его между своими сыновьями и эмирами, — Мервъ достался въ управленіе Рейсъ-Бехадуру.

Черезъ 3 года Хорасанъ перешелъ къ персидской династіи Сефевидовъ въ лицѣ шаха Исмаила; послѣдствіемъ было распространеніе по всей области шиитства. Область сильно терпѣла отъ настойчивыхъ вторженій узбековъ, направленныхъ преимущественно на Герать и Мешхедъ, но затрагивавшихъ и Мервъ. Такъ при шахѣ Аббасѣ I Великомъ, около 1592 г., мы видимъ Мервъ на самый короткій срокъ во власти узбека Абдаллахъ-хана; вскорѣ послѣ смерти этого хана (1598) Мервъ снова отошелъ къ Аббасу. Въ 1600 г. Аббасъ самъ посѣтилъ городъ и предоставилъ каждому толку — суннитамъ и шиитамъ — полную свободу относительно отправленія моленій.

При предпоследнемъ сефевидѣ, шахѣ Сулейманѣ, въ „украинномъ кызылбашскомъ городѣ Маврѣ“ прожилъ съ декабря 1672 г. по мартъ 1673 г. русскій посоль къ бухарскому Абдуль-Азизъ-хану Борисъ Пазухинъ.

Въ 1740 г. въ Мервѣ пробылъ 10 дней, по пути изъ Хивы и Бухары въ свой родной городъ Келатъ, Надиръ-шахъ.

Послѣ 1750 г., когда со смертью Надиръ-шаха на одномъ изъ обломковъ его владѣній подняли голову и афганцы, Мервомъ овладѣлъ на время афганскій Ахмедъ-ханъ, но городъ продолжалъ оставаться въ зависимости отъ Персїи почти до послѣдняго момента своего существованія: со временъ Аббаса I, здѣсь были ставленники изъ рода каджаровъ.

Бухарскій эмиръ шахъ Мурадъ-би, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, при каджарскомъ намѣстникѣ Байрамъ-Али-ханѣ и его сыновьяхъ, овладѣть Мервомъ съ помощью узбецкихъ и туркменскихъ отрядовъ заставилъ, наконецъ, мервцевъ сдать изъ-за отсутствія воды, ибо Мурадъ разрушилъ Султанъ-Санджарскую плотину; 17,000 семей было выселено имъ въ Бухару, по словамъ историка Абд-аль-Керима Бухари, гдѣ они приняли сунну. Плотина была восстановлена. Сынъ Мурада († 1799), Эмиръ-Хайдеръ, пойдя на брата своего Динъ-Насиръ-Бека, правившаго Мервомъ, снова уничтожилъ плотину. Послѣ этого, по словамъ бар. Мейендорфа, бывшаго въ Бухарѣ при посольствѣ Негри въ 1820 г., ханъ Эмиръ-Хайдеръ содержалъ въ Мервѣ гарнизонъ изъ 400—500 человекъ; Мервъ сталъ мѣстомъ ссылки; кромѣ гарнизона городъ имѣлъ 500 жителей; чтобы жители, усилившись, не вернули самостоятельности, не позволялось проводить много арыковъ.

Перенесеніе Мерва на новыя мѣста произошло между 1820 и 1840 годами. Абботтъ (1840 г.) говоритъ совершенно опредѣленно уже о Мервѣ на берегу Мургаба въ отдаленіи отъ стараго города.

Переходимъ къ обзору современныхъ развалинъ стараго Мерва, какими нашелъ ихъ проф. В. А. Жуковскій лѣтомъ 1890 г., въ связи съ только-что приведенными историческими данными.

Самое восточное изъ городищъ, которыхъ ясно различается нѣсколько, носитъ названіе „Гяуръ-Кала“—

„Крѣпость Невѣрныхъ“. Это четырехугольная площадь приблизительно въ 4 кв. версты, обведенная насыпными валами съ остатками въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнныхъ башенъ. Почти въ центрѣ сѣверной стѣны видна кольцеобразной формы внутренняя крѣпость (цитадель). Отъ середины восточнаго вала на западъ, между множествомъ земляныхъ возвышеній, тянется довольно широкая безхолмная полоса, образуя какъ бы дорогу или широкую улицу. Ворота можно предполагать, судя по сохранившимся слѣдамъ, въ срединѣ восточнаго вала и въ сѣверномъ валѣ направо отъ кремля.

Основываясь на описаніяхъ Истахри и Макдиси, въ Гяуръ-Кала можно узнать городъ Мервъ арабскихъ путешественниковъ и стало быть городъ, унаслѣдованный арабами отъ персовъ-сассанидовъ. Если это такъ, то Гяуръ-Кала былъ „внутреннимъ городомъ“, окруженнымъ пригородами, поселками, кварталами, деревнями, въ свою очередь обнесенными большой стѣной „ал-Рай“, остатки которой существовали еще въ половинѣ X в. по Р. Х. и слѣды которой можно замѣтить и теперь. Окружность этой стѣны была около $22\frac{3}{5}$ в., а площадь около 40 кв. верстъ. Таковъ былъ внутренній Мервъ, съ кварталами и пригородами, въ половинѣ X вѣка. На основаніи свидѣтельства Самали, мервскаго уроженца и жителя, можно утверждать, что Гяуръ-Кала оставлена жителями не позже XII ст. по причинамъ, кажется, естественнымъ.

У многихъ народностей Востока подмѣчена одна чрезвычайно характерная черта: памятники, зданія, жилища, приходящія въ ветхость, они предпочитаютъ не исправлять, а замѣнять новыми, чему въ извѣстной степени могутъ способствовать событія политическія, каковымъ въ данномъ случаѣ было утверженіе Сельджуковъ въ Мервѣ, какъ столичномъ городѣ. Весьма естественно, что мѣстомъ своей строительной дѣятельности избрали не руины внутренняго города, а пригороды: самый городъ такимъ образомъ передвинулся на западъ, какъ говорить намъ второе городище „Султанъ-Кала“. Нельзя въ точности распланировать памятники, зданія и кварталы Гяуръ-Калы, упоминаемые арабскими путешественниками, ибо ихъ свѣдѣнія для этого недостаточны; но, пользуясь этими свѣдѣніями, проф. Жуковскій даетъ

въ своемъ трудѣ при помощи графическаго изображенія возможный по его мнѣнiю, планъ Мерва арабскихъ географовъ.

Къ сѣверу или сѣверо востоку отъ Гяуръ-Кала, верстахъ въ 15 разстоянiя, за чертой древняго ал-Рай, или нынѣшняго вала Гилякинъ-Чильбурчъ могли находиться, судя по словамъ Истахри и Хафизы-Абру, развалины, носившiя уже при Истахри названiе „старога Мерва“.

„Султанъ-Кала“ лежала на западъ параллельно Гяуръ-Калѣ такъ, что ихъ смежныя стѣны почти соприкасаются. Каждая сторона городища равняется приблизительно двумъ верстамъ. Квадратъ на сѣверѣ и югѣ омыкается добавочными стѣнами формы неправильныхъ полукружiй. Сѣверо-восточный уголъ квадрата отдѣленъ отъ города прямой стѣной и образуетъ цитадель, называемую теперь „Шех-рияръ-Аркъ“, т. е. Государевъ Кремль. Внутренняя часть городища и сѣвернаго обвода совершенно пуста; въ кремлѣ видны остатки стѣнъ глинобитныхъ и сырцовыхъ зданiй. Какъ-разъ посрединѣ громаднаго пустыря внутренняго квадрата стоитъ единственный памятникъ, большое по размѣрамъ и формамъ куполообразное зданiе „Султанъ-Санджаръ“, высотой около 14 сажень. Находящiйся внутри зданiя кирпичный, обмазанный глиной ящикъ надъ могилой, какъ говорятъ, султана Санджара, недавняго происхожденiя; по мѣстнымъ рассказамъ еще совсѣмъ недавно на его мѣстѣ была просто яма. Самъ памятникъ ничего не говоритъ о себѣ: ни когда онъ построенъ, ни кѣмъ, ни для чего.

Южный обводъ городища—почти сплошной могильникъ. На поверхности его много развалинъ могильныхъ камеръ или надгробiй разнообразнаго типа, среди которыхъ выдается одна постройка: двѣ могилы сподвижниковъ Мухаммеда, Бурейды б. ал-Хусейна и аль-Хакама Гифари. Первый переселился въ Мервъ по завѣту пророка и умеръ въ немъ въ 681 г., второй былъ назначенъ Зиядомъ въ 665 г. въ Мервъ правителемъ и скончался въ 670 г. Кладбище южнаго обвода въ старину было большимъ кварталомъ Мерва (Гяуръ-Калы и Султанъ-Калы), а при Сам'ани и Якутѣ, т. е. въ XII и XIII вв. кварталъ уже былъ необитаемъ и лежалъ за чертою самаго города Мерва.

Султанъ-Кала—столичный городъ Сельджуковъ, образовавшийся постепенно, при существованіи еще Гяуръ-Калы; въ немъ было много сельджукскихъ построекъ—мечетей, дворцовъ, училищъ, надгробій, библиотекъ; нѣкоторая доля въ этихъ постройкахъ принадлежитъ также смѣннвшимъ династію Сельджуковъ Хорезмшахамъ; городъ, который въ теченіе 3 дней при султанѣ Санджарѣ былъ варварски разграбленъ гузами и уничтоженъ, можно сказать стертъ съ лица земли монголами въ 1221 г.

По убѣжденію проф. Жуковского сѣверный и южный обводы представляли изъ себя стѣну „ал-рай“ въ миниатюрѣ: они оберегали только нѣкоторые пригороды, наиболѣе близкіе къ городу, заселенные, богатые; нѣтъ никакихъ данныхъ дѣлать изъ этихъ двухъ обводовъ Султанъ-Калы—самостоятельно существовавшего города, да еще называть его „Искендеръ-Кала—Александровской крѣпостью“, какъ это дѣлаетъ, между прочимъ, карта Генеральнаго Штаба.

Описанное куполообразное зданіе, по свидѣтельству историковъ, есть дѣйствительно надгробный мавзолей султана Санджара и относится своей постройкой къ XII вѣку.

Слѣдующее, третье по счету городище лежитъ почти на югъ отъ Султанъ-Калы. Оно двойное, и каждая часть носить особое наименованіе; западная прозывается крѣпостью Байрамъ-Али-Хана, восточная — Абдулла-Ханы. Послѣдняя—правильный квадратъ, со стороны саженъ въ 300 съ лишкомъ, а часть Байрамъ-Али-Хана по формѣ прямоугольникъ, плотно прилегающій къ западной стѣнѣ Абдулла-Ханы, такъ что собственныхъ стѣнъ онъ имѣетъ только три: западная—саженъ въ 375, а сѣверная и южная саженъ въ 250. Внутренность Байрамъ-Али теперь совершенно пуста, никакихъ зданій, поверхность почти безъ бугровъ, только кое гдѣ небольшіе остатки домовыхъ сырцовыхъ стѣнъ. Абдулла-Ханы еще не очищена отъ развалинъ; болѣе всего уцѣлѣло памятниковъ ближе къ сѣверной стѣнѣ и особенно въ углѣ сѣверо-восточномъ, гдѣ ясно очерченъ стѣнами городской аркъ-кремль. Посрединѣ кремля двухъ-этажный дворецъ правителя, за которымъ помѣщаются надворныя службы, конюшни. Среди развалинъ внутри городища лучше другихъ сохранилась мечеть съ надворными постройками, бассейномъ для мусульманскихъ омовеній и

почти на югъ отъ мечети — рухнувшее медресе-училище.

Двойное городище — тотъ самый Мервъ, который возвелъ Шахрохъ, издавъ въ 1409 г. указъ, о которомъ говорилось выше. Черезъ 9 лѣтъ, т. е. въ 1418 г. уже существовалъ городъ съ мечетями, каравансараями, садами, улицами, но строительная дѣятельность продолжалась и послѣ. Въ этомъ городѣ имѣли мѣсто всѣ вышеописанныя событія при Тимуридахъ, Сефевидахъ, Узбекахъ, Бухарцахъ вплоть до его постепеннаго паденія при послѣднихъ и окончательнаго перенесенія на другое мѣсто при Хивинскомъ владычествѣ.

Историческіе источники нигдѣ положительно не говорятъ ни о двойномъ городѣ, какимъ видимъ его въ настоящее время, ни объ отдѣльныхъ наименованіяхъ каждой изъ двухъ частей его, получившихъ прозванія въ честь двухъ популярныхъ на мѣстѣ личностей: Абдулла-Хана и Байрамъ-Али-Хана, уже впослѣдствіи отъ народа. Странный планъ города, если его разсматривать, какъ одно цѣлое, а также и разный матеріалъ стѣнъ западной части и ея внутреннихъ построекъ говоритъ за то, что западная часть является позднѣйшей пристройкой къ восточной. Можно предположить, опираясь на скудныя данныя исторіи по этому вопросу и принимая во вниманіе дальнѣйшія событія, что западная часть была исподволь выстроена шахомъ Аббасомъ, для котораго было весьма важно, въ распряхъ съ узбеками, имѣть надежный оплотъ на восточномъ рубежѣ Хорасана ввидѣ хорошо укрѣпленнаго города.

За предѣлами городищъ развалины гуще всего расположены вокругъ послѣдняго городища ввидѣ остатковъ сырцовыхъ и глинобитныхъ дворовъ, оросительныхъ каналовъ, насыпныхъ возвышеній для посадки виноградной лозы; привлекаютъ вниманіе огромныя постройки пирамидальной формы или формы усѣченныхъ конусовъ, сложенные изъ сырца—общественные ледники, въ которыхъ ледъ могъ сохраняться нѣсколько лѣтъ. Вокругъ болѣе старыхъ городищъ уцѣлѣло нѣсколько надгробій, для точнаго опредѣленія которыхъ нѣтъ достаточныхъ историческихъ данныхъ.

Осѣдлое население Средней Азіи до арабовъ. Арійцы въ Мавераннагрѣ.

Насколько мы можемъ прослѣдить исторію Средней Азіи, осѣдлое население ея всегда принадлежало къ арійскому племени, именно къ иранской группѣ арійскихъ народовъ. Была ли она колыбелью арійскихъ племенъ, или арійцы пришли сюда изъ какой-нибудь другой страны, этотъ вопросъ до сихъ поръ остается еще спорнымъ.

Область, впослѣдствіи получившая отъ арабовъ названіе Мавераннагра, т. е. Заръчья, какъ извѣстно, составляла часть основанной Киромъ и Даріемъ персидской монархіи и, послѣ завоеванія Персіи Александромъ Македонскимъ, вошла въ составъ греко-бактрійскаго государства.

Въ концѣ II в. до Р. Хр. греко-бактрійское государство было уничтожено напоромъ парянъ и средне-азиатскихъ кочевниковъ. Наши свѣдѣнія о дальнѣйшей исторіи страны, вплоть до арабскаго завоеванія, крайне скудны.

Изъ китайскихъ источниковъ (начиная съ V в. по Р. Хр.) и изъ рассказовъ мусульманскихъ историковъ о завоеваніи страны арабами мы знаемъ, что Мавераннагръ раздѣлялся на множество мелкихъ владѣній; но, когда и какъ образовались эти владѣнія и какія отношенія были между ними, объ этомъ наши источники не сообщаютъ намъ почти ничего.

Въ эпоху арабскаго завоеванія, какъ въ Персіи, такъ и въ арійской Средней Азіи первенствующимъ сословіемъ были такъ называемые дихканы—слово, означавшее въ то время не мелкихъ крестьянъ-собственниковъ, или даже батраковъ, какъ теперь, а поземельную аристократію.

Господство поземельнаго дворянства мы находимъ въ извѣстный періодъ культурной жизни почти у всѣхъ арійцевъ; у иранцевъ и у народовъ, находившихся подъ вліяніемъ иранской культуры, этотъ періодъ былъ особенно продолжителенъ.

Дихканы Мавераннагра отличались отъ остальной массы населенія по одеждѣ; однимъ изъ знаковъ достоинства дихкана былъ золотой поясъ, къ которому привѣшивались кинжалы. Подобно средивѣковымъ европейскимъ рыцарямъ, дихканы жили въ укрѣпленныхъ замкахъ. Въ военное время мѣстная знать, вмѣстѣ съ сыновьями тюркскихъ хановъ и бековъ, составляла аристо-

кратическую конницу. Сильной монархической власти, которая бы сдерживала произволъ аристократовъ, въ Мавераннагрѣ не было. Власть Сассанидовъ, возстановившихъ персидскую монархію, никогда не простиралась на Мавераннагрѣ. Что касается мѣстныхъ владѣтелей, то они были только первыми дворянами; подобно своимъ подданнымъ, они назывались дихканами и вообще болѣе напоминали древне-греческихъ базилевсовъ, чѣмъ азіатскихъ деспотовъ. Дихканами называли даже самыхъ сильныхъ мѣстныхъ владѣтелей, царей Самарканда и Ферганы.

Размѣры отдѣльныхъ владѣній болѣею частью были очень невелики. Иногда подъ властью одного царя объединялись болѣе обширныя области, какъ Фергана, Согдъ (Самаркандъ и окрестности) и Шашъ (Ташкентъ и долина р. Чирчика), но власть этихъ царей была очень непрочна. На ряду съ родовой аристократіей въ Ср. Азіи была и денежная. Разсказъ Нершахи о бухарскихъ купцахъ показываетъ, что они владѣли недвижимой собственностью, жили въ замкахъ и по своему положенію мало отличались отъ дихкановъ. Огромное количество оружія, найденное въ Пейкендѣ арабами, заставляетъ полагать, что въ этомъ городѣ жилъ такой же воинственный духъ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Мавераннагра. Своимъ богатствомъ купцы были обязаны главнымъ образомъ торговлѣ съ Китаемъ. Однимъ изъ главныхъ торговыхъ пунктовъ былъ Пейкендъ въ бухарской области, „городъ купцовъ“, какъ его называетъ Табари; жители Пейкенда вели торговлю ея только съ Китаемъ, но и морскую, вѣроятно съ прикаспійскими областями.

При описанномъ выше политическомъ устройствѣ не могло быть рѣчи о государственной религіи въ строгомъ смыслѣ слова; не смотря на то, что и здѣсь, какъ въ Персіи, религіей господствующаго сословія былъ зороастризмъ, приверженцы гонимыхъ въ Персіи дуалистическихъ сектъ находили себѣ въ Мавераннагрѣ безопасный пріютъ; такой же свободой, повидимому, пользовались буддисты и несторіане.

Кочевое население Средней Азіи до арабовъ. Тюрки въ Семирѣчьѣ. Усуни.

Древнѣшія историческія извѣстія о Семирѣчьѣ мы находимъ у китайцевъ. Китайцамъ Семирѣчье едѣвалось

извѣстнымъ только въ концѣ II в. до Р. Хр., когда китайское правительство, ища союзниковъ противъ хунновъ, отправило посольство въ западныя страны. Къ числу побѣжденныхъ хуннами народовъ принадлежали усунь, первоначально кочевавшіе въ области между хребтомъ Нань-Шань и рѣкой Булунзирь. Усунь приняли участіе въ преслѣдованіи своихъ прежнихъ сосѣдей, тоже разбитыхъ хуннами, юечжійцевъ, народа по всей вѣроятности тибетскаго происхожденія. Во время своего движенія на западъ юечжійцы вытѣснили изъ Семирѣчья народъ Сэ. Въ свою очередь юечжійцы были вытѣснены усунямм, которые въ эпоху первыхъ китайскихъ посольствъ господствовали въ Семирѣчѣ, хотя въ странѣ осталась жить также часть обоихъ упомянутыхъ народовъ. Скоро усунь во главѣ со своимъ царемъ, носившимъ титулъ гунь-мо, достигли такого могущества, что совершенно перестали подчиняться хуннамъ. На востокъ ихъ владѣнія соприкасались съ владѣніями хунновъ, на югъ отъ страны усуней находились искони осѣдлыя владѣнія Восточнаго Туркестана, на юго-западѣ—Фергана, на западѣ владѣнія кочевого народа Канъ-гюй (можетъ быть тюркскій народъ Канглы); граница съ послѣдними приблизительно совпадала съ границей между Семирѣчьемъ и Сырдарьинской областью.

Вопросъ объ этнографическомъ происхожденіи усуней открытъ; нѣкоторые считаютъ ихъ арійцами, другіе, между прочимъ Радловъ и Аристовъ—тюрками.

Кочевья усуней занимали главнымъ образомъ равнинную часть Семирѣчья. Численность народа опредѣляется въ 120.000 семей или 630.000 душъ. Столица или вѣрнѣе главная ставка усуней, Чи-гу, повидимому, находилась на юго-восточномъ берегу Иссыкъ-куля. Владѣтели усуней вступали въ бракъ съ китайскими и хуннскими царевнами, которыя вліяли на отношенія усуней къ этимъ могущественнымъ имперіямъ.

Китайскіе источники знакомятъ насъ довольно подробно съ дѣятельностью отдѣльныхъ усунскихъ владѣтелей, съ ихъ походами, посольствами, съ отношеніями ихъ къ народу.

Свѣдѣнія объ отношеніяхъ между усунями и китайцами прекращаются вскорѣ по Р. Хр.; говорится только, что усунь во II в. „совершенно отторглись отъ Китая“.

Ничего также неизвѣстно о движеніи чрезъ Семирѣчье хунновъ во время ихъ выселенія изъ Монголіи на западъ, которое приняло широкія размѣры въ концѣ того же II в. по Р. Хр.

Съ половины II в. въ исторіи Китая наступилъ смутный періодъ, и сношенія съ западнымъ краемъ не возобновлялись до V в.

Мѣсто хунновъ въ Монголіи заняли сяньбійцы, народъ, по всей вѣроятности, тунгузскаго происхожденія.

Сяньбійскій владѣтель Тянь-ши-хай (— 181 г.) покорилъ всѣ земли на западъ до владѣній усуней. Принадлежавшій уже къ другой династіи владѣтель Юй-люй въ началѣ IV в. покорилъ, между прочимъ, „древнія усунскія земли“.

Съ конца IV в. до половины VI первенство въ Ср. Азіи принадлежало жужанямъ, которыхъ также обыкновенно считаютъ тунгузскимъ народомъ. Набѣги жужаней заставили усуней окончательно переселиться изъ равнинной части Семирѣчья въ горы Тянь-Шань.

Въ первой половинѣ V ст. возобновились сношенія Китая съ западными народами.

Въ 436 г. къ усунямъ было отправлено китайское посольство; впослѣдствіи усуни ежегодно отправляли въ Китай посольства съ дарами.

Послѣ этого мы въ исторіи уже не встрѣчаемъ имени усуней, какъ самостоятельнаго народа; это имя сохранилось только въ названіи Большой киргизъ-казацкой орды (уйсуны).

Тюрки.

Въ VI в. въ Ср. Азіи возникла новая кочевая имперія. Новые завоеватели, тюрки, вышедшіе изъ Алтая, въ короткое время подчинили себѣ всѣ народы отъ Великаго океана до Чернаго моря и даже надѣялись въ союзѣ съ византіяцами разгромить государство Сассанидовъ; слабость Византіи помѣшала осуществленію этого плана.

Основатель имперіи, Или-ханъ Тумынь, умеръ въ 553 г.; послѣ смерти хана Тобо (581) имперія распалась на два государства, восточное и западное; центромъ послѣдняго, какъ и большинства послѣдующихъ кочевыхъ государствъ въ западной части Ср. Азіи, была прежняя земля усуней, т. е. Семирѣчье.

Въ исторіи Семирѣчья періодъ владычества тюрковъ имѣеть чрезвычайно важное значеніе. Центръ кочевой имперіи всегда представлялъ близкую большую притягательную силу для купцовъ изъ разныхъ странъ. Въмѣстѣ съ происходившими въ VII в. въ Ферганѣ смутами, продолжавшимися нѣсколько десятилѣтій, это обстоятельство содѣйствовало передвиженію на сѣверъ главнаго торговаго пути изъ Западной Азіи въ Китай.

Китайскія данныя (Путешествіе Сюань-цана и „Исторія династіи Танъ“) даютъ возможность утверждать, что по крайней мѣрѣ въ Чуйской долинѣ уже въ VII в. несомнѣнно существовала земледѣльческая культура и что эта культура была принесена сюда выходцами изъ Мавераннахра. При Сюань-цанѣ вся страна между Аму-д. и Чу въ культурномъ отношеніи представляла одно цѣлое; одежда жителей, письмена и языкъ вездѣ были одинаковы. Алфавитъ, вѣроятно сирійскаго происхожденія, состоялъ изъ 32 знаковъ; писали сверху внизъ; были уже историческія сочиненія.

Наиболѣе распространенной религіей вѣроятно было манихейство (см. дальше).

Половина жителей занималась земледѣліемъ, половина—торговлей.

Центромъ торговли «былъ городъ на рѣкѣ Суй-ѣ», который въ болѣе позднихъ мусульманскихъ источникахъ носить названіе Суябъ, непосредственно къ югу отъ Кастека. Въ Суябѣ уже въ VII в. жили купцы изъ различныхъ странъ.

Въ окрестностяхъ Суяба обыкновенно находилась орда кагана западныхъ тюрковъ. По описанію Сюань-цана каганъ носилъ зеленый шелковый плащъ; волосы его были распущены; лобъ, какъ у мѣстнаго населенія, закрытъ кускомъ шелка длиной въ 10 футовъ, который нѣсколько разъ былъ обернутъ вокругъ головы; въ отличіе отъ кагана у всей его свиты волосы были заплетены; каганъ жилъ въ большомъ шатрѣ, въ которомъ было множество золотыхъ вещей; для отшельника принесли желѣзное кресло: тюрки не употребляли деревянныхъ сѣдалищъ, что Сюань-цанъ объясняетъ почитаніемъ огня, будто-бы заключавшагося въ деревѣ.

Каганомъ, царствовавшимъ между 634 и 638 годами, западно-тюркскій народъ былъ раздѣленъ на десять по-

колѣній, пять къ западу и пять къ востоку отъ рѣки Чу; первыя назывались Нушиби, вторыя—Дулу.

Скоро послѣ этого имперія западныхъ тюрковъ распалась на два государства, раздѣленныхъ между собой рѣкой Или.

Постоянно происходили междуусобія среди членовъ царствующаго дома, въ которыя вмѣшивались китайцы.

Иногда тюркскіе князья возставали противъ китайцевъ и заключали противъ нихъ союзъ съ тибетцами, овладѣвшими въ это время частью В. Туркестана.

Возрожденіе восточно-тюркскаго государства въ концѣ VIII в. чуть не повело къ возстановленію единства тюркской имперіи. Уже въ 689 и 701 г. отрядъ восточныхъ тюрковъ, разбивъ западно-тюркское войско, вторгся въ Согдіану и дошелъ до Желѣзныхъ воротъ (проходъ Бузгала); наконецъ въ 711 г. восточно-тюркскій ханъ Мочжо взялъ въ плѣнъ хана западныхъ тюрковъ и подчинилъ себѣ его государство.

О столкновеніи тюрковъ съ арабами въ эту эпоху будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Послѣ смерти Мочжо (716) западные тюрки снова отдѣлились отъ восточныхъ.

Около 740 г. пресѣкъся западно-тюркскій царствующій домъ.

Еще прежде усилилось одно изъ поколѣній Дулу, именно тюргеши, кочевавшіе между Чу и Или. Главная орда ихъ князя находилась въ Суябѣ, младшая—на берегу Или.

Самымъ могущественнымъ изъ тюргешскихъ князей былъ Сулу (ум. 738 г.); фактически его могущество даже затмѣвало блескъ западно-тюркскаго престола, на дочери владѣтеля котораго Сулу женился; кромѣ того Сулу породнился съ восточно-тюркскими каганами и съ владѣтелями Тибета. Въ 738 г. онъ былъ убитъ однимъ изъ тюргешскихъ князей. Сынъ Сулу, взошедшій на престолъ, былъ взятъ этимъ княземъ Мохэ-даганемъ въ плѣнъ. Въ 740 г. Мохэ-даганъ сдѣлался правителемъ тюргешей и велѣлъ убитъ послѣдняго западно-тюркскаго кагана; но и его собственное правленіе не было продолжительно.

Наступило смутное время. Въ 748 г. китайскій на-

мѣстникъ В. Туркестана взялъ и разрушилъ до основанія г. Суябъ.

Въ слѣдующемъ десятилѣтїи тюргеши лишились всякаго могущества.

Западная часть Семирѣчья теперь зависѣла отъ Таласа, а Таласъ отъ Ташкентскаго владѣтеля.

Распаденіе западно-тюркской имперїи много содѣйствовало успѣхамъ арабовъ въ Мавераннагрѣ, о чемъ рѣчь впереди.

Карлуки.

Китайскіе, арабскіе и пересидскіе источники даютъ намъ возможность составить себѣ довольно точное представленіе о группировкѣ тюркскихъ племенъ послѣ паденія западно-тюркской имперїи.

Племена, основавшія имперїю, кромѣ названія тюркъ носили еще, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ общее имя огузовъ (гузовъ) или токузъ-огузовъ (токузъ-гузовъ).

Тюрковъ Шато („степныхъ“), основавшихъ государство въ самой отдаленной части В. Туркестана, китайцы выводятъ изъ западно-тюркскаго государства; у арабовъ именно эти тюрки извѣстны подъ названіемъ токузъ-огузовъ.

Другая вѣтвь огузовъ удалилась на западъ и основала государство, центромъ котораго было низовье Сырдарьи.

Память о пребыванїи въ Семирѣчѣ сохранилась въ сказанїи гузовъ, по которому мѣстопробыванїемъ мичческаго Тюрка, сына Яфета, были берега Иссыккуля.

Главенство въ Семирѣчѣ во второй половинѣ VIII вѣка перешло къ народу карлуковъ, главная масса которыхъ теперь выселилась изъ Алтая.

Въ 766 г. карлуки заняли Суябъ и перенесли сюда свою столицу; ихъ государь носилъ титулъ джабгу.

Такимъ образомъ Семирѣчье и послѣ паденія тюркской имперїи осталось въ рукахъ тюркскихъ народовъ и не было завоевано ни арабами, ни персами.

Вмѣшательства китайцевъ въ дѣла Западнаго Туркестана прекратились послѣ битвы съ арабами въ 751 г.

Мусульмане на сѣверо-востокѣ никогда не заходили дальше города Кулана (около нынѣшней станціи Тарты въ Сыръ-дарьинской области).

Гораздо больше вліянія на судьбу тюрковъ, чѣмъ успѣхи мусульманскаго оружія, оказало мирное распространеніе мусульманской культуры посредствомъ торговыхъ сношеній.

Населеніе Мавераннагра всегда отличалось торговой предприимчивостью, и еще до появленія ислама основало торговыя колоніи въ разныхъ мѣстахъ Ср. Азіи, даже въ самой отдаленной части Восточнаго Туркестана, въ области токузь-огузовъ.

За купцами, какъ всегда, слѣдовали миссіонеры различныхъ религій, распространенныхъ въ Мавераннагрѣ, среди которыхъ были и христіане несторіанскаго толку (см. дальше).

Изъ всѣхъ тюркскихъ народовъ наибольшему вліянію мусульманской культуры должны были подвергнуться карлуки. Въ X в. въ нѣсколькихъ городахъ къ востоку отъ Таласа уже были соборныя мечети.

Вліянія культуры отразилось также на образѣ жизни карлуковъ, среди которыхъ кромѣ кочевниковъ и охотниковъ были также земледѣльцы.

Карлуки часто подвергались нападеніямъ другихъ тюркскихъ народовъ, особенно токузь-огузовъ, которые въ X в. считались самыми могущественными изъ всѣхъ тюрковъ; по религіи большинство изъ нихъ вмѣстѣ съ ханомъ были манихеями, но среди нихъ были также христіане, буддисты и мусульмане.

Въ X в. токузь-огузамъ принадлежалъ городъ Барсханъ; карлукскій владѣтель Аксу находился въ зависимости отъ нихъ; потомъ этимъ городомъ завладѣли киргизы.

Киргизы жили въ то время по верховьямъ Енисея, куда къ нимъ, по китайскимъ извѣстіямъ, еще въ VIII в. каждые три года отправлялись изъ Кучи арабскіе караваны съ шелкомъ.

Торговыя сношенія сблизили киргизовъ съ арабами, карлуками, тибетцами; возможно, что теперь киргизы выступили въ качествѣ союзниковъ-карлуковъ противъ токузь-огузовъ и заняли часть Семирѣчья.

Въ всякомъ случаѣ главная масса киргизовъ переселилась въ Семирѣчье значительно позже.

Наконецъ и центръ карлукскихъ владѣній, Чуйская долина, перешла въ руки ихъ враговъ.

Около 940 г. какіе-то „языческіе тюрки“ овладѣли городомъ Баласагуномъ, игравшимъ большую роль въ XI и XII вѣкахъ.

Народъ, овладѣвшій въ это время Чуйской долиной, по всей вѣроятности, тождественъ съ тѣмъ, изъ котораго вышла династія караханидовъ, объединившая еще въ томъ же X столѣтіи подъ своей властью всю западную половину Ср. Азіи.

Дальнѣйшая судьба Семирѣчья будетъ разсматриваться въ связи съ исторіей Мавераннагра.

Христіанство и дуалистическія секты въ Средней Азіи.

Гонимыя въ Персіи и Римской имперіи различныя дуалистическія секты въ III в. выселились въ Трансоксианію, или Мавераннагръ.

Наиболѣе организованы были манихеи; благодаря этому они достигли господствующаго положенія. По Ан-Недиму въ Мавераннагрѣ и Самаркандѣ была въ употребленіи ихъ письменность (калемъ-ед-динъ).

По торговымъ путямъ въ Восточный Туркестанъ и Китай различныя западныя религіи распространялись на Семирѣчье и Уйгурію. Такъ, кромѣ манихеевъ, дейсаниты жили разсѣянно вплоть до Китая; первыми распространителями культуры между Сыръ-дарьей и Чу были, повидимому, маздакиты, впоследствии поглощенные манихеями.

Въ IV в. начинается массовое движеніе на Востокъ христіанъ. Въ 334 г. въ Мервѣ имѣлась христіанская епископія. Но христіанское движеніе было менѣе значительно, чѣмъ сектантское; распространеніе ересей въ Персіи преслѣдовалось гораздо строже, чѣмъ иновѣрческая пропаганда; дейсаниты, манихеи и маздакиты должны были выселиться за предѣлы государства, тогда какъ буддисты, христіане и марціониты находили убѣжище въ Хорасанѣ.

Послѣдователи каждой изъ распространенныхъ въ Персіи религій имѣли свой алфавитъ, прототипомъ котораго былъ одинъ—сирійскій.

Нѣтъ извѣстій о распространеніи христіанства въ Трансоксианіи при Сассанидахъ, но оно существовало здѣсь

еще до мусульманства. Нершахн рассказываетъ, что на мѣстѣ современной ему мечети арабскаго племени бену хензеле въ Бухарѣ раньше была христіанская церковь. Несторіанскій епископъ былъ въ Гератѣ въ 430 г., а митрополитъ въ 588. Для распространенія христіанства въ Ср. Азіи больше всего сдѣлано было при патріархѣ Тимоѳеѣ (780—819); одинъ изъ его миссіонеровъ дошелъ до Китая.

Въ концѣ V в. Сассаниды покровительствовали въ Персіи несторіанамъ и силой обращали къ нимъ персидскихъ христіанъ. Когда Юстинъ I (518—527) изгналъ изъ Византіи яковитовъ, преобладаніе несторіанъ въ Персіи кончилось, и перевѣсъ былъ то на ихъ сторонѣ, то на сторонѣ яковитовъ.

Въ Ср. Азіи яковитскіе епископы появляются только послѣ 624 г.

При Хозроѣ II (590—628) въ Персіи исчезли слѣды православія. Только послѣ арабскихъ завоеваній православные (мелькиты) снова получили доступъ въ Персію и Ср. Азію; такъ, при Бируни (+ 1048 г.) снова видимъ православную метрополию въ Мервѣ.

При борьбѣ различныхъ вѣроисповѣданій арабы стояли на сторонѣ несторіанъ, которые и въ монгольскій періодъ отличались отъ католиковъ терпимостью къ христіанскимъ сектамъ.

Главными дѣятелями сирійской культуры были лица персидскаго происхожденія.

Центрами несторіанской культуры были города Нисибинъ съ богословской школой, Джондишапуръ и Мервъ. Джондишапурская медицинская школа имѣла огромное значеніе для развитія арабской медицины. По Табари несторіанцы познали врачеваніе изъ Индіи. Сирійскіе богословы, философы, медики, юристы, историки и грамматики развивали свою культуру и въ арабскій періодъ и были учителями великихъ арабскихъ философовъ-натуралистовъ, познакомивъ ихъ чрезъ переводы съ классической литературой.

Несторіанскіе лейбъ-медики играли нѣкоторую политическую роль при дворѣ халифовъ; кромѣ того христіане назначались на нѣкоторыя второстепенныя должности.

Но нравственное состояніе церкви было крайне плачевно; грубый развратъ и циническое корыстолюбіе даже

среди высшихъ іерарховъ были обыкновеннымъ явленіемъ.

Уже Козьма Индоплаватель упоминаетъ отшельниковъ въ Средней Азіи, и въ послѣдствіи мы находимъ у несторіанъ значительное развитіе аскетизма.

При халифѣ Муктадирѣ (908—932) манихеи снова были изгнаны на востокъ, и мѣстопробываніемъ ихъ главы сдѣлался Самаркандъ. На южной сторонѣ города была гора Шавдаръ съ очень здоровымъ климатомъ, съ которой открывался видъ на большую часть Согда, и которая была покрыта пашнями, фруктовыми садами и имѣла искусственное орошеніе; здѣсь былъ поселокъ христіанъ, ихъ кельи и мѣстопробываніе ихъ общины.

Такіе же поселки были на границѣ Ташкентской области и около Герата. Число христіанъ не было велико; по словамъ Макдиси въ государствѣ саманидовъ было много евреевъ и мало христіанъ.

Какъ уже было упомянуто, религіозная пропаганда пользовалась торговыми путями арабскихъ купцовъ къ восточно-азиатскимъ народамъ. Ибнъ-аль-Факихъ говоритъ, что тюрки большею частью были зендиками; Бируни считаетъ манихеями большую часть восточныхъ тюрковъ, китайцевъ, тибетцевъ и часть индусовъ. Полнаго развитія манихейство достигло, вѣроятно, у уйгуровъ, какъ народа наиболѣе образованнаго и осѣдлаго, кочевники же, принимая новую религію, всегда сохраняли большую часть своихъ прежнихъ, шаманскихъ обычаевъ и вѣрованій.

Что касается христіанства, то по Казвини гузы исповѣдовали эту религію; они поклонялись слѣдамъ ногъ ребенка и осла на скалѣ, считая ихъ памятникомъ бѣгства Іосифа въ Египетъ. Миссіонеры у огузовъ могли быть изъ несторіанъ, хотя чрезъ хазаръ и Хорезмъ къ нимъ могли проникнуть и не-несторіане.

Христіане были въ Таласѣ, Мирки и среди племени джикилей.

При Караханидахъ христіане, повидимому, не подвергались притѣсненіямъ; въ Самаркандѣ продолжала существовать несторіанская метрополія; время отъ времени проявляется вліяніе дуалистовъ.

Въ 1007 г. въ христіанство обратился монгольскій народъ Кераиты; Кидане (Кара-Китай), сами, вѣроятно,

исповѣдуя буддизмъ, покровительствовали всѣмъ религіямъ; но все-таки мусульманство лишилось господствующаго значенія, и поэтому христіанство стало распространяться свободнѣе, чѣмъ при Караханидахъ.

Патріархъ Ильясъ III (1176—1190) учредилъ несторіанскую метрополію въ Кашгарѣ, въ составъ которой входило и Семирѣчье. Къ киданской эпохѣ по всей вѣроятности относятся древнѣйшія изъ Семирѣченскихъ надписей, открытыхъ въ 1886 г. и описанныхъ Хвольсономъ и Радловымъ.

Завоеванія арабовъ въ Средней Азій. Событія эпохи Омейядовъ.

Послѣ того какъ битва при Нехавендѣ въ 642 г. отдала въ руки арабовъ центральную Персію, завоеватели устремились по слѣдамъ послѣдняго сассанида Ездигерда III, убитаго подъ Мервомъ въ 651—2 г., въ Хорасанъ, а оттуда и за Аму-дарью. Здѣсь арабамъ приходилось имѣть дѣло со множествомъ мелкихъ владѣній, между которыми происходили постоянныя войны, и съ воинственнымъ и храбрымъ, но совершенно неорганизованнымъ рыцарскимъ сословіемъ.

При такихъ условіяхъ исходъ борьбы не могъ быть сомнительнымъ. Въ сравненіи съ мѣстными раздорами междуусобія среди самихъ арабовъ, даже вражда между сѣверо-арабскими и южно-арабскими племенами не могли имѣть значенія; даже въ эпоху междуусобной войны господство арабовъ въ Хорасанскомъ намѣстничествѣ не было поколеблено. Отчасти побѣда арабовъ была одержана при помощи самихъ туземцевъ. Извѣстный законъ Омара, по которому только правовѣрные имѣли право носить оружіе, въ Ср. Азій не былъ примѣненъ. Кутейба и другіе арабскіе завоеватели при своихъ походахъ пользовались услугами однихъ областей противъ другихъ. Медленность завоеванія объясняется отчасти тѣмъ, что сами арабы долгое время, довольствуясь добычей и данью, не имѣли въ виду прочнаго завоеванія страны, отчасти борьбой съ природными препятствіями: если для арабовъ не существовало трудностей степныхъ походовъ, то къ горной войнѣ они привыкли только съ большимъ трудомъ.

О времени, когда арабы впервые переправились чрезъ

Амурь-дарью, такъ-же какъ и о другихъ моментахъ арабскихъ завоеваній при Омейядахъ, до насъ дошли противорѣчивыя извѣстія.

Однако несомнѣнно то, что завоеватели въ описываемую эпоху руководились только стремленіемъ къ добычѣ и славѣ и что для нихъ религія въ сущности имѣла такъ-же мало значенія, какъ и для защитниковъ страны.

Были случаи дружбы между арабскими и туземными рыцарями. Идеалы рыцарства не остались безъ вліянія на завоевателей.

Послѣ паденія кушановъ въ странѣ не было единоличнаго правителя или намѣстника иноземнаго государя. а арабскіе намѣстники въ началѣ только совершали набѣги на Мавераннагръ, зимовали же въ Хорасанѣ.

Первымъ прочно утвердилъ владычество арабовъ въ Мавераннагрѣ намѣстникъ Хорасана Кутейба б. Муслимъ, достойный сподвижникъ знаменитаго Хаджаджа, смѣлый, хитрый, а по временамъ и вѣроломный. Онъ прибылъ въ Хорасанъ въ 704—5 г. и въ значительной степени благодаря раздорамъ между Мавераннагрскими князьями совершилъ рядъ столь громкихъ побѣдъ, что вселилъ въ арабскихъ правителей надежду на скорое завоеваніе даже Китая.

На дѣлѣ только въ южной части страны побѣды Кутейбы имѣли прочный характеръ. Кутейба построилъ мечети въ Бухарѣ, Самаркандѣ и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ; арабы заняли половину домовъ въ Бухарскомъ шахристанѣ.

Войска Кутейбы доходили на сѣверѣ до Шапа, на югѣ до Кашгара, входившаго въ то время въ составъ Китайской имперіи; во многихъ областяхъ, между прочимъ даже въ Ферганѣ, были поставлены арабскіе намѣстники, которые были только военными начальниками и сборщиками податей, а рядомъ съ ними продолжали существовать туземныя династіи, вѣдавшія, по всей вѣроятности, гражданское управленіе.

Желая поднять возстаніе противъ новаго халифа Сулеймана, Кутейба былъ оставленъ всѣми и убитъ въ 715 г.

Его ближайшіе преемники не оказались на высотѣ своей задачи.

Область бассейна Сыръ-дарьи была утрачена арабами уже въ слѣдующіе годы послѣ смерти Кутейбы.

Въ западно-южной части Мавераннагра, гдѣ Бухара, Самаркандъ и нѣкоторые другіе укрѣпленные пункты оставались во власти арабскихъ гарнизоновъ, арабамъ приходилось вести упорную борьбу съ непокорными туземцами, осложнявшуюся вмѣшательствомъ тюрокъ.

Въ концѣ 712 года тюркскій отрядъ подъ начальствомъ племянника Мочжо занялъ Согдіану, куда его призвали жители страны, возставшіе противъ арабовъ. Во власти послѣднихъ остался только г. Самаркандъ. Но весной 713 г. Кутейба снова занялъ страну; тюрки даже не были въ состояніи помѣшать движенію арабовъ на Шашъ и Фергану.

Тюркешскій владѣтель Сулу во все время своего царствованія поддерживалъ мятежныхъ диккановъ противъ арабовъ и причинилъ послѣднимъ столько вреда, что получилъ отъ нихъ прозвище „Абу-Музахимъ“ („бодающій“).

Что касается частыхъ возстаній жителей, то они вполнѣ объясняются характеромъ арабскаго господства въ эпоху Омейядовъ, которые еще не задавались широкими государств. цѣлями, но были прежде всего вождями арабскаго народа на пути „войны за вѣру“, заботились только о поддержаніи своей власти среди арабовъ, о собираніи податей съ покореннаго населенія и дани съ вассальныхъ владѣтелей; о томъ же должны были заботиться и ихъ намѣстники.

Намѣстники Хорасана большею частью не могли справиться со своей задачей и потому смѣнялись очень часто; въ виду этого они старались извлечь изъ своего кратковременнаго господства какъ можно больше матеріальныхъ выгодъ.

Отъ своеволія арабовъ и лихоимства ихъ намѣстниковъ прежде всего страдало покоренное населеніе.

Иногда интересы казны и власть имѣющихъ приходили въ столкновеніе съ интересами религіи, во имя которой предпринимались завоеванія.

Представлялъ большія затрудненія вопросъ, слѣдуетъ ли взимать хараджъ съ принявшихъ исламъ туземцевъ, и въ различныя эпохи рѣшался различно, къ чему туземцы, конечно, не могли относиться равнодушно.

Самый благочестивый из омейядских халифовъ Омаръ II не допускалъ не только взиманія податей съ принявшихъ исламъ, но и испытанія новообращенныхъ требованіемъ обрѣзанія.

Его намѣстники должны были заботиться прежде всего о распространеніи ислама, о построеніи гостиницъ и другихъ общепользыхъ учрежденій.

Изъ послѣдующихъ намѣстниковъ достоинъ вниманія Ашрасъ б. Абдаллахъ ас-Сулами (727—729), по словамъ Табари, входившій во всѣ дѣла большія и малыя; онъ первый учредилъ рабаты, т. е. станціи для конныхъ отрядовъ, для охраны границы (нѣчто въ родѣ нашего казачества); но онъ же былъ виновникомъ движенія противъ арабскаго господства, охватившаго весь Мавераннагръ и причинившаго арабамъ огромныя потери.

Въ 728 г. Ашрасъ началъ чрезъ миссіонеровъ проповѣдь ислама въ Самаркандѣ съ успѣхомъ, превзошедшимъ всякія ожиданія; было обѣщано съ новообращенныхъ подати не взимать.

Въ то время демократическій характеръ ислама былъ не по душѣ аристократамъ—дихканамъ съ одной стороны; въ хараджѣ заключалась сила мусульманъ, по этому на уменьшеніе хараджа благодаря увеличенію числа правовѣрныхъ косились арабы—съ другой; въ результатѣ послѣдовало рѣшеніе Ашраса: „берите подать съ тѣхъ, съ которыхъ брали ее прежде“, а затѣмъ общее возстаніе при содѣйствіи тюрковъ, которые стали хозяевами области, кромѣ городовъ Самарканда и Бухары.

При такихъ обстоятельствахъ среди самихъ арабовъ должно было имѣть успѣхъ движеніе, направленное противъ омейядскаго правительства.

Въ 734 г. Харисъ б. Сурейджъ поднялъ черное знамя во имя „книги Божіей и предписаній (сунны) пророка Его“; онъ обѣщаль „соблюдать договоры, заключенные съ иновѣрцами, не брать податей съ мусульманъ и никого не обижать“, и обѣщаніе это привлекло къ нему, какъ мусульманъ, въ особенности новообращенныхъ, такъ и иновѣрцевъ.

Въ началѣ движеніе не имѣло антидинастическаго характера. Однако халифъ Хишамъ поспѣшилъ приступить къ погашенію движенія; былъ назначенъ новый

намѣстникъ Асадъ б. Абдаллахъ, исполнявшій эту должность при Омарѣ II.

Асадъ умертвилъ аббасидскихъ эмиссаровъ и началъ съ Харисомъ войну, которая происходила главнымъ образомъ около Тармиза и въ Хутталъ; поэтому Асадъ въ 736 г. перенесъ свою столицу въ Балхъ.

Смутами среди мусульманъ воспользовались невѣрные, тюрки, и въ первый разъ послѣ долгаго времени ихъ войско перешло на лѣвый берегъ Аму-дарьи; послѣ трудной борьбы въ 737 г. въ Тохаристанѣ, Асадъ отгѣснилъ ихъ къ Осрушанѣ; къ нимъ ушелъ и Харисъ. Хутталъ перешелъ къ арабамъ.

Асадъ славился и мирной дѣятельностью; такъ онъ воздвигалъ гостинницы въ пустынѣ.

Пользуясь окончательнымъ распаденіемъ западно-тюркской имперіи, преемникъ Асада Насръ б. Сейяръ (738—48) возстановилъ арабское владычество въ бассейнѣ Сыръ-дарьи, заключилъ договоры съ владѣтелями Осрушаны, Шаша и Ферганы.

Для рѣшенія вопроса о хараджѣ Насръ старался переложить подать съ мусульманъ на иновѣрныхъ, чего достигъ безъ особаго труда.

По словамъ Табари, Хорасанъ при Насрѣ достигъ такого процвѣтанія, какого прежде никогда не достигалъ. Тѣмъ не менѣе возстановленіе порядка въ области оказалось невозможнымъ; не удалось достигнуть даже примиренія арабскихъ партій; будучи мударитомъ, Насръ назначалъ начальниками также и іеменцевъ, но все-таки послѣдніе возстали въ 744 г. во главѣ съ Джудей' б. Али Кермани.

Судьба избавила Насра отъ главнаго врага среди арабовъ, Хариса, который, будучи помилованъ, снова поднялъ было черное знамя, но погибъ въ войнѣ съ іеменской партіей въ 748 г. Раздѣлаться съ другими мятежниками Насру помѣшалъ Абу-Муслимъ, главный виновникъ перехода власти отъ Омейядовъ къ Аббасидамъ.

Какъ извѣстно, шиитское движеніе въ началѣ было поднято только во имя предписаній пророка и въ пользу его семьи, причемъ не было произнесено имя какого-нибудь опредѣленнаго претендента. Естественными преемниками пророка считались Алиды; въ Хорасанѣ выступилъ одинъ изъ нихъ, но въ 743 г. былъ убитъ, и трупъ

его висѣлъ на вратахъ Гузгана, (т. е. Іехудіи или Анбара) до побѣды Абу-Мусліма.

Послѣдній происходилъ изъ Испагана, былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ эмисаровъ Аббасидовъ, постепенно занявшихъ мѣсто Алидовъ, и въ 747 г. прибылъ въ Хорасанъ.

Посредствомъ компромисса между исламомъ и вѣрованіями туземцевъ (особенно ученіемъ о переселеніи душъ) Абу-Муслімъ привлекъ на свою сторону дихкановъ и сельское населеніе.

Тщетно Насръ убѣждалъ іеменцевъ, что истинная цѣль движенія—избіеніе арабовъ и что поэтому арабамъ надо сплотиться противъ общаго врага. Абу-Мусліму удалось привлечь на свою сторону всѣ враждебныя Омейядамъ элементы, между прочимъ часть Седжестанскихъ хариджитовъ и іеменцевъ подъ начальствомъ Кермани; послѣдній былъ убитъ въ дѣлѣ съ отрядомъ, посланнымъ Насромъ, но и Насръ въ началѣ 748 г. былъ принужденъ очистить Хорасанъ и осенью того же года умеръ въ Персіи.

Къ концу 749 г. переходъ власти отъ Омейядовъ къ Аббасидамъ въ Западной Азіи уже былъ совершившимся фактомъ.

На первыхъ же порахъ Абу-Мусліму пришлось считаться съ соперниками, двухъ изъ которыхъ, а именно сыновей Кермани, онъ скоро убилъ, и съ мятежными народными движеніями арабовъ и персовъ, которыя онъ успѣшно подавлялъ, иногда прибѣгая къ большимъ жестокоостямъ. Мавераннагру грозила и внѣшняя опасность. Китайцы заняли и разрушили Суйбъ и казнили владѣтеля Шаша.

Сподвижникъ Абу-Мусліма Зіядъ б. Салихъ въ іюлѣ 751 г. разбилъ китайское войско подъ начальствомъ Гао-сянь-чжи. Этой битвой былъ рѣшенъ вопросъ, которой изъ двухъ культуръ, китайской или мусульманской, должно принадлежать господство въ Туркестанѣ. Абу-Муслімъ восторжествовалъ, но его популярность въ Хорасанѣ возбудила опасенія въ Аббасидахъ. При ихъ содѣйствіи онъ былъ измѣннически умерщвленъ при дворѣ халифа въ 755 г.

Тогда партія Абу-Мусліма стала враждебной Аббасидамъ и устраивала шіитскія движенія въ Персіи и

Мавераннагръ съ отличительнымъ признакомъ бѣлой одежды и бѣлаго знамени.

Такимъ образомъ партія, дѣйствовавшая во имя того, кому нѣкогда черное знамя было обязано своимъ торжествомъ, получила названіе „сепидъ джамеганъ“.

Событія эпохи Аббасидовъ.

Первые представители династіи Аббасидовъ были такими же свѣтскими правителями, какъ Омейяды, и открыто поддерживали греческую науку и рационалистическое ученіе мутазилитовъ.

Отъ Омейядовъ ихъ отличали главнымъ образомъ государственныя стремленія. Тогда какъ Омейяды были прежде всего предводителями арабскаго народа, Аббасиды хотѣли создать государство, въ которое могли бы войти на равныхъ правахъ области съ персидскимъ и области съ арабскимъ населеніемъ.

Образцомъ для нихъ служила стройная государственная система Сассанидовъ, казавшаяся арабамъ идеаломъ государственной мудрости.

Задача аббасидскаго намѣстника въ Хорасанѣ сводилась къ укрѣпленію государственнаго строя въ духѣ сассанидскихъ традицій, къ объединенію всѣхъ сторонниковъ порядка, къ усмиренію непокойныхъ элементовъ и къ войнѣ съ непокорными вассалами и ихъ степными союзниками.

Особенныя трудности этой задачи были причиной того, что дважды во главѣ Хорасана стояли сыновья халифа.

Полное подчиненіе страны мусульманскому владычеству и полное установленіе внѣшней и внутренней безопасности было достигнуто тогда, когда во главѣ страны были поставлены наслѣдственные правители изъ туземныхъ аристократовъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями и пользовавшихся довѣріемъ населенія.

Но эти правители дѣйствовали болѣе въ своихъ интересахъ, чѣмъ въ интересахъ халифовъ, и скоро ихъ зависимость отъ послѣднихъ стала чисто номинальной.

Аббасидскіе намѣстники, правившіе въ Хорасанѣ до начала династіи Тахиридовъ, должны были подавить цѣлый рядъ возстаній какъ со стороны арабовъ, такъ и

персовъ. Такъ и произошелъ рядъ возстаній шитскихъ арабовъ въ Бухарѣ, рядъ хариджитскихъ движеній въ Бухарѣ, Седжестанѣ и Бадгисѣ.

Седжестанъ оставался очагомъ хариджитскихъ возстаній даже при Тахиридахъ и Саманидахъ.

Что касается „людей въ бѣлыхъ одеждахъ“, то ихъ дѣятельность въ сущности никогда не прекращалась (секта существовала еще въ XII в.), хотя сравнительно рѣдко проявлялась въ открытыхъ возмущеніяхъ.

Сравнительно съ другими возстаніями этой секты болѣе опасности представляло возстаніе Хашима б. Хакима, происходившаго изъ окрестностей Мерва, до начала 776 г. Хашимъ объявилъ, что въ немъ воплотилось божество, какъ до него въ Адамѣ, Ноѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Иисусѣ, Мухаммедѣ и Абу-Муслими; онъ постоянно закрывалъ свое лицо зеленымъ покрываломъ и увѣрялъ, что простые смертные не могли выдержать исходившаго отъ его лица свѣта, отчего и получилъ названіе Муканна („закрытый покрываломъ“). Наибольшій успѣхъ Муканна имѣлъ въ окрестностяхъ Кеша и Несефа; кромѣ того „люди въ бѣлыхъ одеждахъ“ утвердились въ Бухарѣ и Согдѣ. Муканна призвалъ на помощь также тюрковъ. Возстаніе было усмирено въ 780—1 г., но секта продолжала существовать въ окрестностяхъ Кеша, Несефа и въ нѣкоторыхъ бухарскихъ деревняхъ.

Крупные размѣры приняло также возстаніе въ 806 г. Рафи' б. Ляйса, внука Насра б. Сейяра. Табари объясняетъ это возстаніе чисто-личными мотивами, именно Рафи былъ наказанъ халифомъ за прелюбодѣяніе. Ляйсъ завладѣлъ Самаркандомъ; жители Несефа сами просили у него помощи противъ правительства. Рафи находился въ союзѣ съ владѣтелемъ Шаша, имѣлъ сторонниками жителей Ферганы, Ходжента, Осрушаны, Саганіана, Бухары, Хорезма и Хуттала. Неизвѣстно, какими средствами Рафи удалось приобрести такую популярность. Даже токузь-огузы, карлуки и тибетцы прислали ему вспомогательные отряды. Возстаніе было подавлено въ 801 г. Мало имѣется извѣстій о походахъ противъ непокорныхъ мѣстныхъ владѣтелей и противъ тюрковъ (карлуковъ, сыръ-дарьинскихъ огузовъ).

Между прочимъ Махди (775—785) потребовалъ изъясненія покорности отъ цѣлаго ряда государей, боль-

шинство которыхъ исполнили требованіе; среди нихъ названы согдійскій ихшидъ, афшинъ Осрушаны, ферганскій царь, карлукскій джабгу, хаканъ токузъ-огузовъ, „Тарханъ—царь тюрковъ“ (можетъ быть владѣтель Шаша), тибетскій царь и даже китайскій императоръ.

• Но и при слѣдующихъ халифахъ, Харунъ-ар-Рашидъ (786—809) и Мамунъ (813—833), повторялись призыванія къ покорности владѣтелей или посредствомъ войны, или посредствомъ посольствъ, подарковъ и обѣщаній помощи противъ ихъ враговъ.

Этими и подобными мѣрами, вѣроятно, удалось достигнуть, по крайней мѣрѣ, вѣшняго умиротворенія страны. Что касается внутренняго управленія, то намѣстники преимущественно заботились о собственныхъ карманахъ и позволяли себѣ произвольныя дѣйствія, напримѣръ увеличеніе податей.

Населеніе покоренныхъ областей по прежнему призывалось къ отправленію военной службы; въ Хорасанѣ былъ образованъ однимъ изъ намѣстниковъ многочисленный персидскій корпусъ, получившій названіе аббасидскаго; часть корпуса, по извѣстіямъ Табари, была отправлена въ Багдадъ, часть осталась въ Хорасанѣ.

Несомнѣнно имѣло большое значеніе въ экономической жизни страны введеніе аббасидскими намѣстниками низкопробной размѣнной монеты. Въ Бухарѣ, по разсказу Нершахи, первымъ сталъ чеканить серебряныя монеты (диргемы) бухарь-худатъ Кана въ царствованіи халифа Абу-Бекра (632—634).

Диргемы чеканились изъ чистаго серебра; на нихъ былъ изображенъ бухарь-худатъ съ вѣнцомъ на головѣ. Къ концу VIII в. эти монеты были вытѣснены хорезмійскими. Чтобы деньги не вывозились за предѣлы области, намѣстникъ Гидрифъ б. Ата, по просьбѣ бухарцевъ, сталъ чеканить монеты не изъ чистаго серебра, а низкопробныя, изъ сплава. Монеты чеканились съ прежнимъ изображеніемъ, но съ именемъ намѣстника, почему и назывались гидрифи.

Кромѣ диргемовъ Хорезма историки различаютъ три вида низкопробныхъ диргемовъ, которыми уплачивалась подать въ Мавераннагрѣ: мухаммеди, мусейяби и гидрифи. Каждый изъ трехъ родовъ былъ распространенъ въ опредѣленномъ географическомъ районѣ. Во вѣншемъ видѣ

этихъ диргемовъ существеннаго различія, по словамъ географовъ, не было.

Что касается времени появленія диргемовъ, то нумизматическія данныя пока выяснили только фактъ, что въ Согдіанѣ въ V и VI вѣкахъ начали чеканить диргеми въ подражаніе сассанидскимъ; бухарь-худатъ вѣроятно заимствовалъ типъ монеты отъ своихъ согдійскихъ сосѣдей (если только хронологическое указаніе Нершахи относительно времени первой чеканки монетъ въ Бухарѣ вѣрно).

Тахириды, Саманиды и Саффариды.

Халифъ Мамунъ, съ помощію персовъ побѣдившій своего брата Амина, естественно сдѣлался покровителемъ тѣхъ людей, которымъ онъ обязанъ былъ престоломъ, и съ большей послѣдовательностью, чѣмъ его предшественники, поручалъ персамъ управленіе восточными областями; эти правители положили основаніе династіямъ Тахиридовъ и Саманидовъ.

Отецъ и дѣдъ основателя династіи Тахиридовъ, Тахира, владѣли городомъ Бушенгомъ. Въ походахъ противъ Амина Тахиръ былъ начальникомъ военныхъ силъ Мамуна. Съ воцареніемъ Мамуна (813 г.) Тахиръ былъ сначала намѣстникомъ ал-Джезиры (Месопотаміи), военнымъ начальникомъ Багдада и завѣдующимъ натуральной повинностью въ Савадѣ (Иракѣ), затѣмъ въ 821 г. былъ назначенъ намѣстникомъ Хорасана. Въ 822 г. Тахиръ скоростижно скончался послѣ того, какъ во время чтенія хутбы выпустилъ имя Мамуна и тѣмъ объявилъ себя независимымъ отъ Багдада.

Намѣстникомъ Хорасана былъ назначенъ его сынъ Тальха (822—28).

Преемникъ Тальхи Абу-ль-Аббасъ Абдаллахъ, правившій въ Хорасанѣ съ 830 г., былъ уже фактически вполнѣ независимымъ правителемъ.

Въ то же время другіе члены рода Тахиридовъ занимали важныя должности на западѣ; между прочимъ въ ихъ рукахъ было начальствованіе надъ военными силами Багдада, что не могло не содѣйствовать могуществу династіи.

Саманиды были призваны ко власти еще раньше Тахиридовъ, но только въ качествѣ правителей Маверан-

награ, подчиненныхъ Хорасанскому намѣстнику. Предокъ династіи Саманидовъ Саманъ-худатъ считался потомкомъ сассанидскаго полководца Бехрамъ-Чубина, бѣжавшаго къ тюркамъ въ 591 г. Его внуки Нухъ, Ахмедъ, Яхья и Ильясъ находились на службѣ у Мамуна, приобрѣли его расположеніе и были назначены правителями Самарканда, Ферганы, Шаша и Герата.

Въ Гератѣ Саманидамъ не удалось утвердить свою власть, за то въ Мавераннагрѣ они сдѣлались наслѣдственными правителями, и Ахмедъ б. Асадъ, пережившій братьевъ, могъ передать власть своимъ сыновьямъ.

Насръ б. Ахмедъ въ 875 г. получилъ отъ халифа Му'тамида дипломъ на управленіе всѣмъ Мавераннагромъ. Къ этой же эпохѣ относится окончательное подчиненіе Мавераннагра мусульманскому владычеству, причемъ въ этомъ дѣлѣ Тахириды и Саманиды еще пользовались поддержкой багдадскаго правительства.

Нуху б. Асаду приписывается окончательное покореніе Ферганы; онъ же въ 840 г. покорилъ Исфиджабъ и воздвигъ тамъ такую же стѣну для защиты отъ тюркскихъ набѣговъ, какая раньше была въ Шашѣ.

Халифъ Мамунъ, поручивъ своимъ намѣстникамъ продолжать войну съ непокорными, въ то же время велѣлъ послать приглашать на службу къ халифу знатныхъ туземцевъ, которымъ послѣ ихъ прибытія въ Багдадъ назначалось щедрое вознагражденіе. Тоже самое еще въ большихъ размѣрахъ дѣлалось при Му'тасимѣ, при которомъ тюркская гвардія сдѣлалась одной изъ опоръ престола.

Это обстоятельство способствовало окончательному утвержденію мусульманскаго владычества въ странѣ; Абдаллахъ б. Тахиръ, вѣроятно при участіи Саманидовъ, предпринялъ походъ въ страну гузовъ и завоевалъ такія мѣста, куда до него никто не доходилъ. Вообще при Му'тасимѣ жители Мавераннагра могли быть признаны „добрыми мусульманами“, и сами начали сражаться „за вѣру“ со своими сосѣдями, тюрками.

По своему аристократическому происхожденію и по своему положенію официальныхъ представителей арабской власти Тахириды и Саманиды не могли сдѣлаться выразителями національныхъ и демократическихъ стремленій, подобно Абу-Муслиму и другимъ „да'и“, т. е.

шітскимъ проповѣдникамъ. Эпоху обѣихъ династій вѣрнѣ всего признать эпохой просвѣщеннаго абсолютизма. Стараясь установить въ странѣ твердую власть и спокойствіе, Тахириды и Саманиды являлись защитниками низшихъ классовъ противъ притѣсненій высшихъ, покровительствовали просвѣщенію, не предпринимали никакихъ рѣзкихъ соціальныхъ реформъ и вели упорную борьбу съ безпокойными элементами среди народныхъ массъ.

Эти черты съ достаточной ясностью выступили уже въ царствованіе перваго строителя Хорасана, Абдаллаха б. Тахира; онъ заботился преимущественно объ интересахъ землевладѣльцевъ; онъ созвалъ хорасанскихъ факиховъ и поручилъ имъ при участіи нѣкоторыхъ факиховъ изъ Ирака выработать правила пользованія водою, вопросъ не затронутый мусульманскимъ закономъ. Сочувствіе къ низшимъ классамъ привело Абдаллаха къ идеѣ всеобщаго образованія: „науку слѣдуетъ предоставлять достойнымъ и недостойнымъ; наука сама сумѣетъ позаботиться о себѣ, чтобы не остаться у недостойныхъ“. И дѣйствительно уже въ эту эпоху даже дѣти бѣднѣйшихъ крестьянъ приходили въ городъ учиться.

Что касается народныхъ движеній, съ которыми приходилось имѣть дѣло Тахиридамъ, то среди нихъ первое мѣсто занимаютъ хариджитскія движенія въ Седжестанѣ и шітскія въ Табаристанѣ; тѣ и другія продолжались и при Саманидахъ. Такъ, при Мухаммедѣ б. Тахирѣ, внукѣ Абдаллаха, произошло возстаніе алидовъ, вызванное нарушеніемъ интересовъ крестьянъ, у которыхъ на границѣ между Табаристаномъ и Дейлемомъ были отняты „мертвыя земли“, т. е. пастбища, находившіяся въ общественномъ пользованіи. Такой же демократическій характеръ, повидимому, носило возстаніе противъ Саманидовъ въ 301 = 913/4 г. алида Хасана б. Али ал-Утруша, съ успѣхомъ распространявшаго исламъ въ Дейлемѣ.

Въ Хорасанѣ и Мавераннагрѣ не могло быть рѣчи о рѣзкихъ мѣрахъ въ пользу низшихъ классовъ; лицамъ, недовольнымъ своимъ положеніемъ, оставался одинъ исходъ — присоединиться къ „борцамъ за вѣру“ и отправиться въ мѣстность, гдѣ происходитъ война съ невѣрными и еретиками.

Сословіе борцовъ за вѣру имѣло, какъ всѣ сословія на востокѣ, корпоративное устройство; начальники по-

добныхъ добровольческихъ дружинъ нерѣдко достигали большого значенія и пользовались официальнымъ признаніемъ; не ограничиваясь предѣлами своей родины, добровольцы, особенно изъ Мавераннагра, предлагали свои услуги вездѣ, гдѣ происходила война за вѣру и гдѣ можно было ожидать добычи.

Въ концѣ IX в. изъ среды этого сословія вышла могущественная династія Саффаридовъ, положившая конецъ владычеству Тахиридовъ и достигшая первенства въ Персіи; недовольствуясь этимъ, Саффариды хотѣли распространить свою власть и на Мавераннагръ, что, однако, было причиной ихъ гибели.

Основатель династіи Я'кубъ б. Лайсъ б. Му'аддалъ и его три брата: Амръ, Тахиръ и Али происходили изъ города Карнина въ Седжестанѣ въ разстояніи одного перехода отъ столицы области, Зеренджа.

Я'кубъ былъ мѣдникомъ, а Амръ по однимъ извѣстіямъ погонщикомъ муловъ, по другимъ — плотникомъ. Братья скоро выдвинулись среди товарищей, щедростью приобрѣли себѣ приверженцевъ, образовали вмѣстѣ съ дядею шайку разбойниковъ и присоединились къ отряду „борцовъ за вѣру“, сражавшемуся противъ седжестанскихъ хариджитовъ.

Добровольцы вскорѣ стали хозяевами области, а Я'кубъ главнымъ начальникомъ (247 = 861 г.). Заботясь объ утвержденіи своей власти, Я'кубъ убилъ седжестанскаго царя, носившаго титулъ рутбиля, и подчинилъ себѣ хариджитовъ. затѣмъ овладѣлъ послѣдовательно долиной Кабула, Синдомъ, Мекраномъ, Гератомъ, Бушенгомъ, Керманомъ, Фарсомъ. Въ 871 г. Я'кубъ получилъ отъ халифа Му'тамида (870 — 892) назначеніе намѣстникомъ Балха и Тохаристана.

По Гардизи Я'кубъ завладѣлъ столицей Тахиридовъ Нишапуромъ въ 873 г., взявъ въ плѣнъ Мухаммеда; при этомъ Мухаммедъ потребовалъ отъ Я'куба диплома, свидѣтельствующаго, что онъ пришелъ по повелѣнію повелителя правовѣрныхъ; на это Я'кубъ вынулъ изъ подъ молитвеннаго коврика свой мечъ и сказалъ: „вотъ мой дипломъ и мое знамя“.

Вслѣдствіе вліянія Тахиридовъ въ Багдадѣ багдадское правительство старалось противодѣйствовать Я'кубу, но тщетно: передъ купцами восточныхъ провинцій была

прочитана въ Багдадѣ грамота, по которой Я'кубъ назначался намѣстникомъ Хорасана, Табаристана, Джурджана, Рейя и Фарса и военнымъ начальникомъ Багдада. Ненасытный Я'кубъ пошелъ на Багдадъ. Его поражение при Дейръ-аль-акулѣ въ апр. 876 г. спасло династію Аббасидовъ, но возстановило безпорядки въ Хорасанѣ. Мухаммедъ снова сталъ намѣстникомъ восточныхъ областей.

Я'кубъ умеръ 9 іюня 879, успѣвъ только возстановить свою власть въ южной Персіи.

Не придумывая для оправданія своихъ дѣйствій никакихъ юридическихъ софизмовъ, Я'кубъ, этотъ царь-мѣдникъ (Саффаръ, отсюда названіе династіи), основывалъ свои права только на мечъ; поэтому онъ долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы создать себѣ преданное войско и приобрести необходимыя для веденія войны средства; послѣднее часто заставляло его прибѣгать къ конфискаціи имущества частныхъ лицъ. Его воины, кромѣ вельможъ и начальниковъ, получали лошадей и кормъ для нихъ изъ казны. Въ своей жизни, за исключеніемъ торжественныхъ случаевъ, Я'кубъ всегда оставался неприхотливымъ воиномъ, носилъ одежду изъ хлопчатобумажной ткани, сидѣлъ на землѣ безъ ковра, ложась спать, клалъ голову на щитъ. Рѣшалъ дѣла единолично и ни съ кѣмъ не раздѣлялъ заботъ правленія.

Братъ и преемникъ Я'куба Амръ (876—900) уже долженъ былъ прибѣгать къ другимъ средствамъ борьбы и обнаружить больше уступчивости. Провозглашенный своими воинами въ преемники своего брата, Амръ поспѣшилъ выразить покорность халифу и былъ назначенъ намѣстникомъ Хорасана, Фарса, Испагана, Седжестана, Кермана, Синда. Амръ пошелъ еще дальше и сдѣлалъ попытку помириться съ Тахиридами, но неудачно. До вступленія на престолъ халифа Му'тадида (892) Хорасанъ нѣсколько разъ переходилъ въ руки Тахиридовъ; теперь же Амръ окончательно былъ признанъ законнымъ правителемъ этой области.

Власть Амра, какъ и его брата, фактически основывалась на мечѣ, и для него на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о приобрѣтеніи денежныхъ средствъ; только теперь этотъ вопросъ разрѣшался, кромѣ грабежа и конфискаціи, упорядоченіемъ государственнаго хозяйства.

По словамъ Ибнъ-Халликана Хорасанъ давно не ви-

далъ такого благоразумнаго и искуснаго правителя, какъ Амръ. У Амра, по сообщенію Гардизи, было три казнохранилища; первое заключало въ себѣ доходы отъ земельныхъ и другихъ податей; эти деньги шли на содержаніе войска; второе—доходы съ собственныхъ имѣній государя; на эти средства содержался дворъ; третье—доходы отъ случайныхъ поступленій и отъ конфискаціи имущества перебѣжчиковъ; изъ этихъ денегъ выдавались награды вѣрнымъ слугамъ, вельможамъ и посламъ.

Войско составляло предметъ особенныхъ заботъ Амра и получало жалованье каждые три мѣсяца при торжественной обстановкѣ, представлявшей картину схожую съ картиной смотра войскъ въ сассанидской Персіи при Хосроѣ Ануширванѣ; едва ли это сходство было случайнымъ.

Амръ вездѣ имѣлъ шпионовъ и зналъ все, что происходило въ его владѣніяхъ.

Притязаніе Амра на господство въ Мавераннагрѣ было причиной его гибели. Тамъ къ этому времени прочно утвердилась династія Саманидовъ; къ тому же во главѣ области стояло лицо, не уступавшее Амру по дарованіямъ и съумѣвшее создать въ своихъ владѣніяхъ такую же стройную государственную организацію, при томъ на болѣе твердыхъ юридическихъ началахъ, чѣмъ созданіе бывшаго „погонщика муловъ“.

Исмаилъ б. Ахмедъ родился въ Ферганѣ въ 849 г. началъ свою дѣятельность въ Бухарѣ, куда въ 874 г., былъ посланъ своимъ братомъ Насромъ и гдѣ сталъ эмиромъ, вѣроломно смѣстивъ прежняго эмира изъ хариджитскихъ предводителей и выйдя побѣдителемъ изъ затрудненій, причиненныхъ разбойническими шайками разоренныхъ крестьянъ, непокорностью бухарскихъ вельможъ и недовѣріемъ брата.

Насръ номинально оставался главой династіи до смерти (21 авг. 892).

Передъ смертью онъ назначилъ своимъ преемникомъ Исмаила. Власть Исмаила была признана во всей странѣ, а весной 893 г. была получена инвеститура отъ халифа.

Въ этомъ году былъ взятъ Таласъ и низложена туземная династія въ Осрушанѣ.

Амръ вынудилъ у халифа грамоту о низложеніи Исмаила и о назначеніи Амра намѣстникомъ Мавераннагра.

• Исмаилу удалось предупредить своего врага, и военные дѣйствія 899 — 900 гг. происходили не въ Мавераннагрѣ, а въ мѣстности къ югу отъ Аму-дарьи.

Весной 900 г. въ битвѣ при Балхѣ Амръ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Багдадъ.

Извѣстіе о пораженіи Амра было встрѣчено въ Багдадѣ съ большей радостью. Очень вѣроятно, что багдадское правительство, исполняя желаніе Амра, въ то же время посредствомъ тайныхъ посольствъ поощряло Исмаила къ сопротивленію.

До конца своей жизни Исмаилъ оставался вѣрнымъ подданнымъ халифа и постепенно подчинилъ своей власти всѣ сѣверныя области Персіи.

Его преемники должны были уступить прикаспійскія области и западную часть Персіи шіитскимъ династіямъ Алидовъ, Зіяридовъ, Буидовъ, которыя, повидимому, опираясь на народныя массы и въ большей степени, чѣмъ Саманиды, старались удовлетворять персидскія національныя стремленія.

Только для эпохи Саманидовъ имѣются подробныя извѣстія, благодаря которымъ мы получаемъ довольно полное представленіе о государственномъ устройствѣ Хорасана и Мавераннагра и объ экономическомъ бытѣ населенія.

Во главѣ государства стоялъ самодержавный правитель, отвѣтственный только передъ Богомъ.

Если въ глазахъ багдадскаго правительства Саманиды были только эмирами (намѣстниками), „кліентами повелителя правовѣрныхъ“ или даже только амилями (сборщиками податей), то въ своихъ владѣніяхъ они, несомнѣнно, были вполне самостоятельными государями.

По персидскому идеалу самодержецъ прежде всего долженъ быть хорошимъ „хозяиномъ“ (кетхуда) своего государства и заботиться объ его внѣшнемъ благоустройствѣ: о прорытіи каналовъ и подземныхъ арыковъ, о постройкѣ мостовъ чрезъ большія рѣки, о благосостояніи деревень и поддержаніи земледѣлія, о возведеніи укрѣпленій и новыхъ городовъ, объ украшеніи городовъ высокими и красивыми зданіями, объ устройствѣ работъ на большихъ дорогахъ и т. п.

Чрезъ всю систему восточно-мусульманской организціи красной нитью проходитъ дѣленіе всѣхъ органовъ

правления на двѣ большихъ категоріи: дергахъ (дворецъ) и диванъ (канцелярія).

При дворѣ Исмаила мы находимъ лучшую гвардію государя изъ купленныхъ рабовъ, главнымъ образомъ тюрковъ, какъ у Аббасидовъ.

Во главѣ всего придворнаго штата стоялъ главный хаджибъ (хаджиби бузургъ), или хаджибъ хаджибовъ (хаджибъ-аль-худжабъ), одинъ изъ первыхъ сановниковъ въ государствѣ. Второй по значенію въ дергахъ была должность „начальника стражи“ (сахибъ харасъ или эмири харасъ), первоначально имѣвшая много общаго съ должностью „начальника гвардіи“ (сахибъ-аш-шуратъ), который въ то же время былъ военнымъ начальникомъ города; повидимому должность „начальника гвардіи“ по своему значенію стояла выше; въ Багдадѣ ее занимали наиболѣе выдающіеся представители Тахиридовъ и Саффариновъ. Сахибъ-харасъ, по крайней мѣрѣ при Аббасидахъ, былъ главнымъ образомъ исполнителемъ приговоровъ халифа; Низамъ-уль-мулькъ требуетъ, чтобы въ распоряженіе сахибъ-хараса во дворцѣ всегда было 50 ликторовъ (чубдарь).

Кромѣ этихъ крупныхъ должностей былъ цѣлый рядъ болѣе мелкихъ (привратники, стольники, кравчіе и т. п.).

Первой военной должностью въ государствѣ была должность хорасанскаго намѣстника, носившаго титулъ сипехъ-салара и управлявшаго изъ Нишапура всѣми владѣніями Саманидовъ къ югу отъ Аму-дарьи.

Какъ въ послѣдствіи при монголахъ, такъ и въ эпоху Саманидовъ считалось приличнымъ, чтобы государь при назначеніи перваго гражданскаго сановника, везира, спрашивалъ совѣта у военачальниковъ.

Хозяйственной частью дворца завѣдывалъ векиль.

Бюрократическая система въ эпоху Саманидовъ также уже достигла полнаго развитія. У Нершахи упоминается десять бухарскихъ присутственныхъ мѣстъ (диванъ), расположенныхъ вокругъ Ригистана. Везиръ или „главный ходжа“ стоялъ во главѣ всѣхъ „людей пера“, т. е. всей бюрократической системы; знакомъ его достоинства была чернильница. Уже въ эпоху Саманидовъ мы видимъ нѣсколько династій везировъ; обыкновенно послѣ паденія везира власть переходила въ руки его противника и только спустя много лѣтъ возвращалась къ его потомкамъ.

Неизвѣстно, соблюдалась ли еще при Саманидахъ система трехъ казнохранилищъ, какъ у Амра; уже Низамъ-уль-мулькъ видитъ высшій идеалъ въ существованіи двухъ казнохранилищъ: одно для расходовъ, другое—съ неприкосновеннымъ фондомъ.

Выдачей жалованья войску и наблюденіемъ за исправнымъ состояніемъ его завѣдывалъ аризь.

Почта на востокъ существовала только для правительственныхъ цѣлей; почтовые чиновники (сахибъ-беридъ, сахибъ-хабаръ, мунхи) должны были заботиться о быстрой передачѣ важныхъ извѣстій изъ столицы въ провинцію и доносить обо всѣхъ дѣйствіяхъ мѣстныхъ властей.

Во главѣ судебного вѣдомства стоялъ „казій казіевъ“. Кромѣ того судебныя дѣла, особенно жалобы на обиды со стороны должностныхъ лицъ нерѣдко разбирались самимъ государемъ.

Въ провинціи мы находимъ тѣ же должности и вѣдомства, причемъ провинціальныя везиры назывались хакимами или кетхуда.

Духовенство пользовалось въ государствѣ Саманидовъ большимъ почетомъ. Ученые были освобождены отъ обязанности цѣловать землю передъ государемъ. Изъ бухарскихъ факиховъ ханифитскаго толку выбирали самаго ученаго и достойнаго. рѣшали дѣла по его совѣту, исполняли его просьбы и замѣщали должности по его указанію; эта должность обозначалась персидскимъ титуломъ „устадъ“. Къ чисто духовнымъ принадлежала должность проповѣдника (хатиба); Саманиды и ихъ намѣстники, будучи персами или тюрками и въ большинствѣ случаевъ не владѣя арабскимъ языкомъ, не могли сами исполнять этой должности.

По наслѣдству нерѣдко переходила должность реиса (начальника города и его округа), не имѣвшая въ домонгольскій періодъ своего нынѣшняго полицейскаго характера.

Система бюрократическаго управленія не могла быть одинаково проведена на всемъ пространствѣ государства, такъ какъ нѣкоторыя области еще находились подъ властью своихъ мѣстныхъ династій, иногда очень древнихъ; сюда относятся династіи:

Абу-Давудидовъ въ Балхѣ, Саффаридовъ въ Седжестанѣ, Феригунидовъ въ Гузганѣ и династїи въ Газнѣ, Гарджи-станѣ (по верховьямъ Мургаба), Хорезмѣ, Исфиджабѣ и горныхъ областяхъ Бухарскаго ханства (Саганіанъ, Хут-таль, Раштъ).

Что касается народныхъ массъ, то положеніе ихъ въ эпоху Саманидовъ было довольно благоприятно въ виду обезпеченія внѣшняго мира и значительнаго развитія промышленности и торговли.

Наиболѣе полное понятіе о развитіи обрабатывающей промышленности и торговли въ Мавераннагрѣ даетъ по-мѣщенный у Макдиси перечень предметовъ, вывозившихся изъ различныхъ городовъ этой области.

Истахри имѣлъ право утверждать, что жители Мавераннагра имѣли у себя все въ изобилїи и не нуждались ни въ какихъ произведенїяхъ другихъ странъ.

Промышленность несомнѣнно развилась подъ вліяніемъ Китая. Изъ произведеній Мавераннагра наибольшей извѣстностью въ мусульманскомъ мірѣ пользовались шелковыя и хлопчатобумажныя ткани долины Заряфшана и ферганскія металлическія издѣлія, особенно оружіе.

На развитіе искусства ткачей, кромѣ китайской промышленности, оказала нѣкоторое вліяніе египетская; въ пользу этого говоритъ названіе распространенной въ Хорезмѣ ткани дебики (отъ города Дебика въ Египтѣ).

Самаркандская бумага имѣетъ большое значеніе въ исторїи культуры, какъ древнѣйшій извѣстный намъ образецъ тряпичной бумаги; къ концу X вѣка самаркандская бумага въ мусульманскихъ странахъ уже успѣла вытѣснить совершенно папирусъ и пергаментъ.

Большое значеніе всегда имѣла торговля съ кочевниками, отъ которыхъ получались въ большомъ количествѣ убойный и вьючный скотъ, кожи, мѣха и рабы. Торговля съ осѣдлыми народами столь же необходима для кочевниковъ, получающихъ такимъ образомъ предметы одежды и хлѣбъ.

Наибольшую выгоду изъ торговли съ кочевниками, именно тюрками, сумѣли извлечь хорезмїйцы, сдѣлавшіеся главными представителями торговаго класса въ Хорасанѣ.

Развитіе матеріальнаго благосостоянія, какъ вездѣ, сопровождалось развитіемъ умственныхъ интересовъ; Мак-

диси говорить, что ему рѣдко приходилось встрѣчать какого-нибудь учителя по фикху, гуманистическимъ наукамъ и чтенію Корана, который не имѣлъ бы въ числѣ своихъ учениковъ хорезмійца.

Относительно заработной платы того времени можно только привести извѣстіе Гардизи о томъ, что Я'кубъ б. Лайсъ въ качествѣ наемнаго рабочаго у мѣдника получалъ 15 диргемовъ въ мѣсяцъ.

Благодаря описанной выше организациі государства династія Саманидовъ могла продержаться около ста лѣтъ, хотя среди ея представителей послѣ Исмаила не было ни одного, въ которомъ мы, по историческимъ извѣстіямъ, должны бы были признать выдающіяся дарованія.

Послѣ Исмаила царствовалъ Ахмедъ (907—14), затѣмъ Насръ II б. Ахмедъ (914—943).

Изъ ряда народныхъ движеній этого царствованія болѣе крупнымъ явилось шіитское движеніе въ послѣдніе годы царствованія Насра, который самъ былъ увлеченъ шіитской ересью.

Шіитская пропаганда въ Хорасанѣ, гдѣ находится одна изъ главныхъ святынь шіитовъ, никогда не прекращалась, и потомки Алія издавна пользовались большимъ вліяніемъ на населеніе этой области.

Средства шіитской пропаганды значительно усилились съ образованіемъ фатимидскаго халифата (въ началѣ X в.); фатимидскіе эмиссары проникли въ Хорасанъ и обратили въ шіитство Хусейна б. Али Мервези, преемникомъ котораго былъ Мухаммедъ б. Ахмедъ Нахшеби (или Несефи).

Исполняя завѣщанія своего учителя, Нахшеби перенесъ свою дѣятельность въ Мавераннагръ, гдѣ имѣлъ успѣхъ сначала въ своемъ родномъ городѣ, потомъ и въ столицѣ. Ему удалось обратить въ свою вѣру нѣсколько вельможъ, чрезъ которыхъ онъ получилъ доступъ ко двору, и скоро самъ эмиръ сдѣлался „карматомъ“.

Увлеченіе эмира шіитской ересью не могло быть одобрено духовенствомъ, которое обратилось къ своимъ обычнымъ союзникамъ, тюркской гвардіи. Былъ составленъ заговоръ, но его открыли.

Насръ послѣ этого отказался отъ престола въ пользу своего сына Нуха, противъ котораго не существовало обвиненія въ ереси. Имущество невѣрныхъ, начиная съ

казны впаваго въ ересь эмира, перешло въ руки правотѣрныхъ; было произведено избіеніе еретиковъ въ Мавераннагрѣ и Хорасанѣ, начиная съ Нахшеби и его знатныхъ приверженцевъ.

Съ тѣхъ поръ шиты продолжали существовать въ Мавераннагрѣ только въ качествѣ тайной секты.

Такъ рассказываетъ Низамъ-уль-мулькъ; а въ „Фихриств“ главной причиной „раскаянія“ Насра выставляется болѣзнь, принятая имъ за наказаніе свыше.

Насръ умеръ 6 апр. 943 г. отъ туберкулеза легкихъ.

Нухъ вступилъ на престолъ 10 апр., т. е. послѣ обычнаго трехдневнаго траура.

Едва-ли слабый государь, погибшій отъ чахотки въ возрастѣ моложе сорока лѣтъ, могъ оказать существенное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ; хорошія стороны его царствованія должны быть объяснены достоинствами его везировъ, Абу-Абдаллаха Джейхани и Абу-ль-Фазла Бал'ами.

Въ царствованіе Нуха б. Насра (943—54) мы видимъ уже явные признаки упадка династіи. Вслѣдствіе событій конца царствованія Насра власть теперь перешла къ представителю строгаго благочестія, факиху, большую часть времени проводившему въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ и за богословскими сочиненіями. Естественно, такой правитель не могъ вывести страну изъ затруднительнаго положенія, созданнаго разграбленіемъ казны въ 942 г. Войско нужно было для усмиренія возстанія въ Хорезмѣ, для войны съ тюрками, наконецъ, для войны съ намѣстникомъ Хорасана Абу-Али Чагани.

По жалобѣ хорасанцевъ Нухъ рѣшилъ смѣнить этого намѣстника, но Абу-Али вовсе не былъ расположенъ добровольно покинуть свой постъ; правительство не могло употребить противъ него силы, такъ какъ войско, не получая въ срокъ жалованья, роптало противъ эмира и везира. Финансовое затрудненіе вызвало увеличеніе податей и налоговъ. Нухъ былъ, наконецъ, вынужденъ допустить кровавую расправу воиновъ съ везиремъ, на котораго свалили вину за задержку жалованья и котораго обвинили въ сообщничествѣ съ Абу-Али.

Между тѣмъ Абу-Али еще раньше призвалъ изъ Месопотаміи дядю Нуха, въ янв. 947 г. занялъ Бухару, но

чрезъ два мѣсяца вражда жителей заставила его удалиться въ родной Саганіанъ.

Нухъ вѣроломно расправился со своимъ дядей и двумя братьями — сторонниками Абу-Али, лишивъ ихъ зрѣнія, послѣ того какъ тѣ пустили его въ Бухару.

Абу-Али, узнавъ, что Нухъ собираетъ противъ него войско, удалился въ Балхъ и оттуда вторично пошелъ на Бухару, но былъ разбитъ.

Дальнѣйшія дѣйствія Абу-Али показываютъ, что ему удалось побудить къ возстанію противъ центральнаго правительства всѣхъ вассальныхъ владѣтелей въ областяхъ по верхнему теченію Аму-дарьи.

Въ самомъ концѣ 948 г. обѣ стороны согласились на миръ, и Абу-Али отправилъ своего сына въ Бухару въ качествѣ заложника; что побѣда была на сторонѣ мятежниковъ, видно уже изъ тѣхъ почестей, которыхъ удостоился сынъ Абу-Али.

Въ 951 г. Абу-Али былъ назначенъ намѣстникомъ Хорасана, за смертью прежняго, возобновилъ тамъ и въ Хорезмѣ порядокъ и началъ войну съ Буидами. Война окончилась миромъ, который возбудилъ неудовольствіе Нуха, и Абу-Али былъ низложенъ.

28 мая 954 г. Нухъ умеръ.

Послѣ Нуха осталось пять сыновей: Абд-аль-Меликъ, Мансуръ, Насръ, Ахмедъ и Абд-аль-Азизъ; подобно нѣкоторымъ изъ халифовъ Нухъ при жизни заставилъ населеніе присягнуть царевичамъ, которые должны были царствовать одинъ за другимъ.

На престолъ вступилъ Абд-аль-Меликъ. Обстоятельства, повидимому, не были благопріятны для Абу-Али, такъ какъ онъ понялъ, что не будетъ въ состояніи ни остаться въ Хорасанѣ—Абд-аль-Меликъ утвердилъ приказъ предшественника объ его низложеніи,—ни вернуться въ Саганіанъ. И дѣйствительно, несмотря на помощь со стороны Буидовъ и на присланную халифомъ инвестиру, Абу-Али не удалось утвердиться въ Хорасанѣ; въ Саганіанъ вернулся только его трупъ въ ноябрѣ 955 г.

Господство перешло въ руки военной партіи во главѣ съ „военнымъ начальникомъ“ Алпъ-тегиномъ. Абд-аль-Меликъ дѣлалъ попытки избавиться отъ господства этой партіи, но неудачно и скоропостижно скончался въ 961 г.

Начались придворныя интриги и безпорядки.

Одинъ день царствовалъ младшій сынъ покойнаго, Насръ; затѣмъ престолъ перешелъ къ Абу-Салиху Мансуру б. Нуху при содѣйствіи Фаика, съ малолѣтства приставленнаго къ Мансуру.

Алпъ-тегинъ, повидимому, былъ оставленъ всѣми и удалился въ Газну, гдѣ, низложивъ мѣстнаго владѣтеля, основалъ собственное государство въ 962 г., а въ слѣдующемъ году умеръ.

Его сынъ былъ свергнутъ прежнимъ владѣтелемъ, но возстановленъ во власти при помощи Саманидовъ, имя которыхъ послѣ этого чеканилось на газневидскихъ монетахъ рядомъ съ именемъ туземнаго правителя.

Для добычи денегъ одинъ изъ намѣстниковъ Хорасана при Мансурѣ успѣшно воевалъ съ Буидами и Зіяридами.

Мансуръ скончался въ іюнѣ 976 г.

Сыну и преемнику Мансура, Абу-ль-Касиму Нуху, было всего 13 лѣтъ; государствомъ вмѣсто него управляла мать и везиръ Абу-ль-Хусейнъ Абдаллахъ б. Ахмедъ Утби.

Честолюбивый везиръ, укрѣпивъ свою власть, принялъ рѣшеніе возстановить первенство бюрократіи и подчинить себѣ военачальниковъ; „главнаго военачальника“ онъ сослалъ въ его удѣлъ, а другихъ вліятельныхъ гвардейцевъ, въ томъ числѣ Фаика, отправилъ на войну съ Буидами.

Торжество везира продолжалось не долго; въ мартѣ 982 г. хорасанскія войска были разбиты Буидами, и послѣдніе едва не овладѣли этой провинціей. Везиръ палъ отъ руки убійцы, подкупленныхъ Фаикомъ и Абу-ль-Хасаномъ Симджури, бывшимъ царскимъ фаворитомъ и сипехсаларомъ.

Историкъ Утби основательно называетъ своего родственника послѣднимъ везиремъ, достойнымъ этого имени; его преемники не имѣли никакой власти и даже не пытались вступить въ борьбу съ представителями дергаха.

Послѣдніе везиры, по словамъ Утби, уже не могли возстановить порядка: „области большею частью находились во власти мятежниковъ, доходы правительства сократились, войны осмѣливались притѣснять населеніе; господство перешло въ руки тюрковъ, и рѣшенія везировъ потеряли силу“.

Абу-Али, сынъ сипехсалара Абу-ль-Хасана Симджури, принимавшій участіе въ партійной борьбѣ, изъявилъ покорность Нуху и скоро сдѣлался, въ качествѣ намѣстника областей на югъ отъ Аму-дарьи, полновластнымъ правителемъ.

Его соперникъ Фаикъ, послѣ неудачнаго похода на Буидовъ, овладѣлъ Балхомъ.

Государство Саманидовъ пришло въ полное разстройство и сдѣлалось легкой добычей завоевателя, войска котораго въ это время подошли къ сѣвернымъ границамъ Мавераннагра.

К а р а х а н и д ы .

Мы не имѣемъ извѣстій о томъ, какъ образовалось государство тюркскихъ хановъ, положившихъ конецъ господству Саманидовъ; даже вопросъ о томъ, къ какому тюркскому племени принадлежали эти ханы, остается спорнымъ.

О принятіи ислама Караханидами мы также имѣемъ только легендарныя извѣстія. При тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ, всегда существовавшихъ между Мавераннагромъ и степью, среди кочевниковъ должны были распространяться религіи, имѣвшія послѣдователей въ Мавераннагрѣ (см. выше). Мусульманская пропаганда дѣйствовала въ степи еще при Омейядахъ, хотя и безъ большого успѣха. На исламъ въ его официальной формѣ, т. е. на ученіе мусульманскихъ законовѣдовъ, кочевники, не исключая арабовъ, всегда смотрѣли какъ на религію, совершенно не приноровленную къ ихъ потребностямъ; несравненно большее вліяніе имѣли шейхи и другіе представители мусульманскаго мистицизма, которые и теперь еще находятъ въ степи наибольшее число приверженцевъ.

О пропагандѣ ислама среди тюрковъ въ эпоху Саманидовъ мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій.

Что касается политическихъ отношеній между Саманидами и тюрками, то мы видѣли, что въ IX в. и въ первой половинѣ X в. Саманиды сами отправляли войска въ степь для подчиненія тюрковъ (завоеваніе Исфиджаба Нухомъ б. Асадомъ, походъ Исмаила на Таразъ и т. п.).

Нуждаясь въ произведеніяхъ культурной страны и въ то время, вслѣдствіе могущества саманидскаго правительства, не имѣя возможности добывать ихъ путемъ

набѣговъ, кочевники, какъ всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ, въ большомъ числѣ приходили въ пограничные города для торговыхъ сношеній; кромѣ того нѣкоторыя орды огузовъ, по неизвѣстнымъ причинамъ покинувшия свою родину, съ согласія правительства заняли въ Мавераннагрѣ часть земель, удобныхъ только для кочевниковъ, и за это обѣщались защищать границу отъ всякихъ набѣговъ.

Выше (см. геогр. обзоръ) мы говорили о туркменахъ (огузахъ), поселившихся въ мѣстности къ западу и къ юго-западу отъ Исфиджаба. Другая вѣтвь туркменъ, подъ начальствомъ Сельджука, отдѣлилась отъ своихъ соплеменниковъ у низовьевъ Сыръ-дарьи. Сельджукъ принялъ исламъ и былъ похороненъ въ Джендѣ. Его преемники, повидимому, поссорились съ мусульманскимъ населеніемъ города и ушли на югъ. Въ XI в. мы видимъ въ Джендѣ мусульманскаго правителя, находившагося въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ къ потомкамъ Сельджука; послѣдніе были приняты Саманидами и поселились въ окрестностяхъ деревни Нуръ (нынѣ Нуръ-ата къ сѣверо-востоку отъ Бухары). Хамдаллахъ Казвини относитъ этотъ фактъ къ 375=985 г.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Исфиджабъ былъ занятъ баласагунскимъ ханомъ Богра-ханъ Харуномъ б. Муса, внукомъ Сатука (караханидомъ).

Въ борьбѣ между нимъ и Саманидами туркмены также приняли нѣкоторое участіе.

Богра-ханъ, носившій титулъ „свѣта державы и опоры призыва къ вѣрѣ“, не встрѣтилъ въ Мавераннагрѣ почти никакого сопротивленія. Абу-Али заключилъ съ нимъ тайный договоръ о раздѣленіи владѣній Саманидовъ, по которому Богра-хану представлялось занять Мавераннагръ, а области къ югу отъ Аму-дарьи должны были остаться во власти Абу-Али. Кромѣ того Богра-хана приглашали многіе дикканы, которые играли въ государствѣ довольно значительную роль, но всетаки были недовольны правительствомъ.

Извѣстія о благочестіи Богра-хана и его сторонниковъ, Фаика и Абу-Али, заставляютъ полагать, что онъ былъ встрѣченъ духовенствомъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ въ послѣдствіи Насръ.

Меньше всего мы знаемъ объ отношеніяхъ народ-

ныхъ массъ къ этой борьбѣ между старой династіей и завоевателями. Очень вѣроятно, что народъ, болѣе всего страдавшій отъ постоянныхъ смуть, отнесся къ перемѣнѣ династіи довольно равнодушно.

Послѣ перваго пораженія саманидскихъ войскъ Бограханомъ, противъ него былъ посланъ только-что помилованный Фаикъ; онъ былъ тоже разбитъ, что, вѣроятно не безъ основаній, объясняется его измѣной. Нухъ покинулъ столицу, и въ маѣ 992 г. Бограханъ вступилъ въ Бухару. Фаикъ вышелъ навстрѣчу побѣдителю, подчинился ему и былъ назначенъ намѣстникомъ Тармиза и Балха.

Вскорѣ, вслѣдствіе болѣзни (гемороя), вызванной бухарскими плодами и климатомъ, а также возможнаго паденія туркменъ, ставшихъ на сторону Нуха, Бограханъ удалился сначала въ Самаркандъ, оставивъ въ Бухарѣ Абд-аль-Азиза б. Нуха, сына Нуха б. Насра.

Туркмены и туземцы преслѣдовали отступавшихъ и грабили ихъ отряды. 17 авг. 992 г. Нухъ вернулся въ Бухару. Абд-аль-Азизъ былъ лишенъ зрѣнія.

Ханъ скончался на пути въ Туркестанъ.

Такимъ образомъ власть Саманидовъ была восстановлена, по крайней мѣрѣ въ бассейнѣ Заряфшана.

Лишившись своего покровителя, Фаикъ предложилъ помощь своему прежнему врагу Абу-Али.

Противъ союза двухъ могущественныхъ вассаловъ правительство не нашло другого средства, какъ прибѣгнуть къ третьему, который до тѣхъ поръ не принималъ участія въ событіяхъ, но воспользовался смутнымъ временемъ, чтобы утвердить свою власть въ южномъ Афганистанѣ.

Себукъ-тегинъ былъ привезенъ въ Хорасанъ въ качествѣ невѣрнаго тюрка—плѣнника торговцемъ рабами и купленъ въ Нишапурѣ сипехсаларомъ Алпъ-тегиномъ.

Достоинства молодого гуляма обратили на себя вниманіе его хозяина, вслѣдствіе чего возвышеніе Себукъ-тегина шло гораздо скорѣе обыкновеннаго. Послѣ воцаренія Мансура Себукъ-тегинъ послѣдовалъ за Алпъ-тегиномъ въ Газну, гдѣ оказалъ существенныя услуги ему и его преемникамъ; 20 апр. 977 г. онъ былъ провозглашенъ эмиромъ Газны.

Теперь Себукъ-тегинъ, уже прославившійся своими

побѣдами въ Афганистанѣ и Индіи, по приглашенію Нуха, явился въ Мавераннагръ.

Въ 994 г. въ Хорасанѣ саманидское войско при содѣйствіи Себукъ-тегина одержало побѣду надъ Абу-Аліемъ; послѣдній вмѣстѣ съ Фаикомъ удалился въ Гурганъ, его мѣсто въ Нишапурѣ занялъ сынъ Себукъ-тегина, знаменитый Абу-ль-Касимъ Махмудъ.

Абу-Али и Фаикъ нашли убѣжище во владѣніяхъ Буидовъ; имъ была отдана часть доходовъ области Гурганъ, но въ дальнѣйшей поддержкѣ имъ было рѣшительно отказано.

Весной 995 г. по желанію Фаика и вопреки совѣту Абу-Али было рѣшено снова итти на Хорасанъ. Имъ удалось разбить Махмуда, занять Нишапуръ, Тусъ и нѣкоторые другіе города, но послѣ рѣшительной битвы при Тусѣ, кончившейся полной побѣдой Себукъ-тегина и его союзниковъ, оба зачинщика бѣжали чрезъ Серахсъ въ Амудъ.

Нухъ въ цѣляхъ разъединенія силъ мятежниковъ только отъ Абу-Али принялъ покорность и отправилъ его въ Хорезмъ къ эмиру Гурганджа. Фаикъ чрезъ Мавераннагръ прошелъ безпрепятственно къ Караханидамъ.

Эмиръ Гурганджа Мамунъ воспользовался плѣненіемъ Абу-Али хорезмшахомъ (995 г.), старымъ врагомъ эмира, для того, чтобы покончить съ нимъ. Хорезмшахъ былъ взятъ въ плѣнъ, его владѣнія и титулъ перешли къ Мамуну.

При его посредствѣ Абу-Али былъ возвращенъ въ Бухару, торжественно принятъ тамъ, но затѣмъ по приказанію Нуха заключенъ въ цитадель вмѣстѣ съ 18 челоуѣками изъ братьевъ его и военачальниковъ.

Въ томъ же году произошло новое нашествіе Караханидовъ. Нухъ призвалъ Себукъ-тегина, который явился съ многочисленнымъ войскомъ. По совѣту везира Нухъ уклонился было отъ присоединенія къ войскамъ газневидскаго эмира со своимъ малочисленнымъ отрядомъ. Себукъ-тегинъ оказалъ давленіе, и саманидское правительство пошло на всѣ уступки; везиръ былъ замѣненъ приверженцемъ Себукъ-тегина.

Съ Караханидами газневидскій эмиръ заключилъ миръ, по которому границей между владѣніями Саманидовъ и Караханидовъ была признана Катванская степь, такъ

что весь бассейнъ Сыръ-дарьи остался во власти Караханидовъ; по ихъ желанію Фаикъ былъ назначенъ намѣстникомъ Самарканда.

Себукъ-тегинъ остался полнымъ хозяиномъ всѣхъ областей къ югу отъ Аму-дарьи, и Нухъ уже не вмѣшивался въ событія, происходившія въ Хорасанѣ.

Нухъ умеръ въ пятницу 14 реджеба 387 (23 июля 997 г.). Его сынъ и преемникъ Абу-ль-Харисъ Мансуръ отличался, по словамъ Бейхаки, большими достоинствами ума и характера: онъ строгостью на время возстановилъ порядокъ въ своихъ владѣніяхъ, но уже не могъ спасти династіи.

Въ этомъ же году ему пришлось временно покинуть Бухару подъ давленіемъ силъ караханидскаго правителя Мавераннагра, илека Насра, призваннаго мятежными вельможами; возвращеніемъ своимъ обратно Мансуръ былъ обязанъ Фаику.

Другой хаджибъ, Бегтузунъ, былъ отправленъ сипехсаларомъ въ Хорасанъ, откуда Махмудъ долженъ былъ удалиться послѣ смерти своего отца (997 г.) и вступленія на престолъ своего младшаго брата Исмаила, не хотѣвшаго уступить власть старшему.

Чтобы предотвратить междуусобную войну, Мансуръ старался возстановить согласіе между главными вельможами, особенно между Фаикомъ и Бегтузуномъ.

Но труднѣе всего было примирить интересы Бегтузуна съ интересами Махмуда, который къ этому времени одержалъ побѣду надъ своимъ братомъ Исмаиломъ, овладѣлъ Газной и теперь не хотѣлъ отказаться въ пользу Бегтузуна отъ хорасанскаго намѣстничества. Тщетно старался Мансуръ удовлетворить Махмуда тѣмъ, что назначилъ его намѣстникомъ Балха, Тармиза, Герата и другихъ городовъ; Махмудъ требовалъ всего хорасанскаго намѣстничества и силою заставилъ соперника очистить Нишапуръ.

Фаикъ и Бегтузунъ, боясь, что нерѣшительныя дѣйствія Мансура связаны съ его тайнымъ намѣреніемъ вступить въ соглашеніе съ Махмудомъ, низложили эмира въ среду 1 февраля 999 года и, лишивъ его зрѣнія, отправили его въ Бухару изъ Хорасана, куда онъ былъ для улаживанія дѣла съ Махмудомъ.

Его преемникомъ былъ провозглашенъ его младшій братъ Абу-ль-Фаварисъ Абд-аль-Меликъ.

Опасаясь численнаго превосходства враговъ, Махмудъ принялъ было тѣ же условія, которыя ему предложилъ Мансуръ, т. е. оставить за собой только Балхъ и Герать, но послѣ того, какъ его арріергардъ подвергся вѣроломному нападенію, война возобновилась, и Махмуду удалось одержать блестящую побѣду, которая отдала въ его власть весь Хорасанъ.

Махмудъ „наслѣдовалъ державу Саманидовъ“ (выраженіе Утби) въ областяхъ къ югу отъ Аму-дарьи.

Абд-аль-Меликъ, Фаикъ и Бегтузунъ бѣжали въ Бухару.

Лѣтомъ того же года умеръ Фаикъ, послѣ чего илекъ Насръ рѣшилъ покончить съ послѣдними остатками господства Саманидовъ въ Мавераннагрѣ.

Саманиды рѣшили оказать врагамъ отчаянное сопротивленіе; по приказанію правительства, хатибы бухарскихъ мечетей убѣждали народъ взяться за оружіе для защиты своей династїи. Въ то время бухарцы, какъ вообще жители Мавераннагра, носили оружіе. Если бы Саманидамъ удалось организовать народное движеніе въ свою пользу, то это причинило бы Караханидамъ серьезное затрудненіе, хотя едва ли могло бы предотвратить паденіе династїи. Проповѣди хатибовъ не имѣли никакого успѣха; Саманиды, не исключая самого Исмаила, никогда не старались прїобрѣсти довѣріе народныхъ массъ и сдѣлать ихъ опорой своего престола; о томъ же свидѣтельствуетъ преслѣдованіе шїтскихъ движеній, несомнѣнно имѣвшихъ демократическій характеръ. Сочувствіе суннитскаго духовенства, не смотря на всѣ заботы Саманидовъ о религіи и ея представителяхъ, также находилось не на сторонѣ династїи, а на сторонѣ ея враговъ, какъ Фаикъ и Абу-Али. Населеніе, не убѣжденное проповѣдью хатибовъ, обратилось къ представителямъ неоффіціального духовенства, всегда имѣвшаго на населеніе больше вліянїя, чѣмъ назначенные хатибы и имамы. Населеніе послѣдовало совѣту своихъ учителей и рѣшило, что „когда борьба идетъ изъ-за благъ сего міра“, то мусульманамъ нѣтъ надобности „подставлять себя для убїенїя“.

Илекъ объявилъ, что идетъ въ Бухару только въ

качествѣ друга и защитника Саманидовъ; население встрѣтило завоевателя совершенно пассивно; предводители военныхъ бухарскихъ силъ добровольно явились въ лагерь завоевателя и были задержаны.

23 окт. 999 года илекъ безъ сопротивленія занялъ Бухару и овладѣлъ казной Саманидовъ.

Абд-аль-Меликъ и прочіе члены династіи были отправлены въ Узгентъ, куда вернулся и самъ илекъ, оставивъ въ Бухарѣ и Самаркандѣ своихъ намѣстниковъ.

Такъ, при всеобщемъ равнодушіи, совершилось паденіе знаменитой династіи. Едва ли кто-нибудь въ то время сознавалъ значеніе историческаго событія, навсегда положившаго конецъ господству туземнаго арійскаго племени.

Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса, кто послѣ смерти Богра-хана Харуна стоялъ во главѣ династіи Караханидовъ.

Насръ, носившій титулъ Арсланъ-илека, былъ только удѣльнымъ правителемъ Мавераннагра, жившимъ въ Узгентѣ.

Въ государствѣ Караханидовъ, какъ во всѣхъ кочевыхъ имперіяхъ, понятіе о родовой собственности было перенесено изъ области частнопровыхъ отношеній въ область государственнаго права. Государство считалось собственностью всего ханскаго рода и раздѣлялось на множество удѣловъ; крупные удѣлы въ свою очередь дѣлились на множество мелкихъ; власть главы государства иногда совсѣмъ не признавалась могущественными вассалами. Удѣльная система, какъ всегда, была причиной частыхъ междуусобій и постоянной смѣны правителей; оттого нѣтъ никакой возможности точно установить хронологію царствованій отдѣльныхъ членовъ династіи, хотя бы по монетамъ.

Въ первые годы XI в. Караханидамъ въ Мавераннагрѣ пришлось подавить возстаніе, вызванное саманидомъ Абу-Ибрагимомъ Исмаиломъ, однимъ изъ братьевъ Мансура и Абд-аль-Мелика. Ему удалось убѣжать изъ Узгента; принявъ титулъ „Мунтасиръ“ (побѣдоносный), онъ набралъ войско, прогналъ Караханидовъ изъ Бухары и Самарканда за Заряфшанъ и вернулся въ Бухару, но при приближеніи главныхъ силъ илека бѣжалъ чрезъ Амуль въ Персію. Его борьба съ Махмудомъ и Насромъ, братомъ Махмуда, была также неудачна. Когда послѣднія

силы Мунтасира были уничтожены Насромъ, претендентъ въ 1003 г. вернулся въ Мавераннагръ и прибѣгъ къ помощи гузовъ (туркменъ). Разсчитывая на богатую добычу, гузы охотно присоединились къ Мунтасиру и помогли разбить войско Караханидовъ на берегахъ Заряфшана и у Самарканда (лѣтомъ 1003 г.), но въ надеждѣ получить выкупъ не выдали Мунтасиру плѣнныхъ военачальниковъ караханидскихъ. Мунтасиръ заподозрилъ ихъ въ измѣнѣ, покинулъ ихъ и поздней осенью 1003 г. по льду переправился чрезъ Аму-дарью въ Амуль. Въ 1004 г. онъ сдѣлалъ попытку утвердиться въ Неса и Абивердѣ, но былъ разбитъ отрядомъ хорезмшаха, посланнымъ по просьбѣ жителей. Въ третій разъ съ остатками своего войска явился Мунтасиръ въ Мавераннагръ, укрѣпился въ Нурѣ, послѣ того какъ разбилъ бухарскаго намѣстника, и побѣдилъ врага у Дебуси.

Тогда наконецъ произошло народное движеніе въ пользу Саманидовъ: глава самаркандскихъ газіевъ и шейхи снарядили отряды: гузы тоже присоединились къ войску Мунтасира, который въ маѣ—іюнѣ 1004 г. разбилъ главныя силы илека при Бурнемедѣ. Но ханъ вернулся съ новыми силами; гузы, довольные прежней добычей, вернулись на кочевья, и—послѣ битвы въ Голодной степи между Дизакомъ и Хавасомъ—Мунтасиръ, покинутый во время сраженія однимъ изъ военачальниковъ съ пяти-тысячнымъ отрядомъ, бѣжалъ въ Хорасанъ.

Въ четвертый разъ Мунтасиръ вернулся въ Мавераннагръ по просьбѣ одного своего родственника, вступившаго съ илекомъ въ тайное соглашеніе. По дорогѣ часть его воиновъ бѣжала, часть была окружена врагомъ, но Мунтасиръ спасся съ 8 спутниками. Въ началѣ 1005 г. онъ былъ убитъ предводителемъ одного изъ арабскихъ племенъ, жившихъ въ окрестностяхъ Мерва.

Послѣ смерти послѣдняго представителя династїи Саманидовъ оставался только вопросъ о раздѣленїи наслѣдства между Караханидами и Махмудомъ.

Г а з н е в и д ы .

Торжественное вступленіе на престолъ Махмуда, въ качествѣ независимаго правителя, произошло въ октябрѣ — ноябрѣ 999 г. Новый „приближенный (вели) повелителя правовѣрныхъ“ получилъ отъ халифа Кадира

дипломъ на Хорасанъ, вѣнецъ и почетный титулъ „десницы державы и довѣреннаго лица религіозной общины“; со своей стороны Махмудъ ввелъ въ Хорасанъ хутбу на имя халифа Кадира, который былъ возведенъ на престолъ Буидами еще въ 991 г., но не былъ признанъ Саманидами.

Махмудъ окружилъ себя еще большей внѣшней пышностью, чѣмъ Саманиды; при немъ, по крайней мѣрѣ въ придворной жизни, былъ введенъ титулъ „султанъ“.

„Кліентами повелителя правовѣрныхъ“ признали себя также Караханиды, по крайней мѣрѣ въ Мавераннагрѣ, гдѣ съ первыхъ лѣтъ господства династіи стали чеканить монеты съ именемъ халифа Кадира.

Соглашеніе между Насромъ и Махмудомъ произошло еще во время борьбы съ Мунтасиромъ. Махмудъ въ 1001 г. отправилъ въ Узгентъ пословъ; плекъ Насръ дружелюбно принялъ ихъ и отпустилъ съ ними къ султану драгоценные подарки.

Махмудъ взялъ себѣ въ жены дочь Насра; былъ заключенъ договоръ на тѣхъ же условіяхъ, какъ прежде между Богра-ханомъ и Абу-Али, т. е. границей между обоими государствами была признана Аму-дарья.

Договоръ скоро былъ нарушенъ Караханидами. Махмудъ взялъ на себя обязанность ежегодно совершать газавать въ Индіи. Во время одного изъ такихъ походовъ, въ 1006 г., Караханиды отправили на Хорасанъ два отряда: одинъ занялъ Нишапуръ, другой Балхъ. Махмудъ, получивъ извѣстіе о нашествіи, быстро вернулся въ Газну и откинулъ отряды за Аму-дарью. На упреки илека его военачальники будто отвѣтили: „нѣтъ возможности бороться съ этими слонами, этимъ вооруженіемъ и этими людьми“.

Илекъ рѣшилъ отомстить Махмуду за поражение и въ слѣдующемъ году возобновилъ походъ съ болѣе значительными силами, заключивъ союзъ со своимъ родственникомъ Кадыръ-ханомъ Юсуфомъ, владѣтелемъ Хотана. Битва произошла въ 2—4 фарсахъ отъ Балха 4 января 1008 г. Въ войскѣ Махмуда было 500 слоновъ, съ которыми тюрки не умѣли сражаться и которые, главнымъ образомъ, рѣшили исходъ битвы. Войско Караханидовъ было совершенно разбито.

Этой битвой прекратилось наступательное движеніе

Караханидовъ на Хорасанъ. Дальнѣйшія совмѣстныя дѣйствія были невозможны уже вслѣдствіе раздоровъ среди самихъ Караханидовъ. Старшій братъ илека, Туганъ-ханъ кашгарскій заключилъ союзъ съ Махмудомъ противъ брата. Илекъ хотѣлъ совершить походъ изъ Узгента на Кашгаръ, но глубокой снѣгъ заставилъ его вернуться назадъ. Послѣ этого обѣ стороны отправили пословъ къ Махмуду, который съ успѣхомъ принялъ роль посредника въ ихъ спорѣ.

По словамъ Утби илекъ умеръ въ 403 г. (1012—3); ему наслѣдовалъ въ Мавераннагрѣ Туганъ-ханъ. Номинально онъ, какъ „старшій“ братъ, вѣроятно, былъ главой династіи еще при жизни Насра, котораго Гардизи въ рассказѣ о завоеваніи Мавераннагра называетъ „братомъ хана“.

О томъ, какъ Махмудъ завладѣлъ Хорезмомъ, мы находимъ у Бейхаки очень подробный рассказъ, извлеченный изъ „Исторіи Хорезма“ знаменитаго Бируни.

Хорезмъ-шаху Мамуну наслѣдовалъ его сынъ Абу-ль-Хасанъ Али. Онъ нѣкоторое время находился въ зависимости отъ Караханидовъ. Его сближеніе съ Махмудомъ, вѣроятно, было вызвано пораженіемъ илека и его союзниковъ. Али женился на сестрѣ Махмуда.

Такимъ же союзникомъ Махмуда былъ братъ и преемникъ Али, Абу-ль-Аббасъ Мамунъ б. Мамунъ, за котораго также была выдана сестра султана. Когда халифъ Кадиръ прислалъ Мамуну почетную одежду, дипломъ, знамя и титулъ „ока державы и украшенія религіозной общины“, то Мамунъ, боясь неудовольствія Махмуда, не рѣшился принять пословъ въ столицѣ, а выслалъ къ нимъ на встрѣчу Бируни.

Хорезмъ шахъ рѣшительно отказался присоединиться къ мирному договору, заключенному Махмудомъ съ Туганъ-ханомъ, и это вызвало охлажденіе между обоими государствами. Для испытанія вѣрности Мамуна Махмудъ чрезъ везиря дважды выразилъ желаніе, чтобы въ Хорезмѣ читалась хутба на имя султана. Мамунъ созвалъ военачальниковъ и наиболѣе почетныхъ представителей населенія, передалъ имъ требованіе Махмуда и сказалъ, что намѣренъ исполнить его, такъ какъ въ противномъ случаѣ погубить себя и страну. Вельможи рѣшительно отказались, вышли изъ дворца, развернули знамена и

обнажили оружіе; чтобы успокоить недовольныхъ, Мамунъ заявилъ, что хотѣлъ только испытать ихъ. Вельможи раскаялись и извинились передъ государемъ.

Въ то же время хорезмъ-шахъ, по совѣту Бируни, предложилъ свое посредничество воевавшимъ между собой Караханидамъ, примирилъ ихъ и заключилъ съ ними союзъ. Махмудъ чрезъ посольство изъ Балха выразилъ „хану и илеку“ по этому случаю свое неудовольствіе; они отвѣтили, что считали хорезмъ-шаха другомъ и зятемъ Махмуда и, согласно прежнему желанію султана, смотрѣли на договоръ съ Мамуномъ, какъ на дополненіе договора съ Махмудомъ; если между султаномъ и хорезмъ-шахомъ существуютъ какія-нибудь недоразумѣнія, то они де предлагаютъ свое посредничество. Отвѣта не послѣдовало. Караханиды отвѣтили хорезмъ-шаху рѣшительнымъ отказомъ на его предложеніе отправить въ Хорасанъ нѣсколько отрядовъ для партизанской войны исключительно въ цѣляхъ возстановленія мира, но возобновили предложеніе о посредничествѣ, которое было принято Мамуномъ. Зимой 1016—7 г. Махмудъ принялъ въ Балхѣ пословъ хана и илека и отпустилъ ихъ съ отвѣтомъ, что заступничество Караханидовъ вполнѣ устранило рознь между нимъ и хорезмъ-шахомъ. Вслѣдъ за тѣмъ Мамунъ получилъ отъ Махмуда письмо, въ которомъ султанъ, упомянувъ, что онъ въ цѣляхъ наказанія мятежниковъ, оказавшихъ сопротивленіе волѣ своего государя и для того, чтобы показать брату и зятю, какъ надо управлять государствомъ, собралъ въ Балхѣ войско, заявилъ, что вернется въ Газну только послѣ исполненія Мамуномъ одного изъ слѣдующихъ трехъ условій: 1) ввести хутбу на имя султана; 2) прислать деньги и подарки; 3) прислать съ просьбой о милости вельможъ, имамовъ и факиховъ.

Мамунъ понялъ ультиматумъ въ томъ смыслѣ, что требовалось исполненіе всѣхъ трехъ условій; поэтому онъ ввелъ хутбу на имя султана въ своихъ хорасанскихъ владѣніяхъ и другихъ городахъ, кромѣ столицъ (Кятъ и Гурганджъ); были отправлены въ Балхъ шейхи, казіи и вельможи съ подарками.

Войско хорезмъ-шаха подъ начальствомъ главнаго хаджиба Алпъ-тегина бухарскаго, стоявшее у Хазараспа, обратилось противъ собственнаго государя. Везиръ и нѣ-

которые другіе совѣтники хорезмъ-шаха были убиты, самъ Мамунъ заперся въ замкѣ; мятежники подожгли замокъ и убили Мамуна въ среду 20 марта 1017 г.

На престолъ былъ возведенъ семнадцатилѣтній племянникъ Мамуна Абд-ль-Харисъ Мухаммедъ б. Али, но фактически правили Алпъ-тегинъ и назначенный имъ везирь; мятежники дѣлали, что хотѣли.

По требованію Махмуда хорезмійцы немедленно отправили въ Хорасанъ вдову Мамуна, сестру султана, и посадили въ тюрьму 5—6 случайныхъ людей, объявивъ ихъ убійцами эмира, при чемъ обязались выдать ихъ по заключенію договора, а также прислать Махмуду подарки.

Все это время Махмудъ употребилъ на военныя приготовленія, снаряжая корабли въ Хутталъ, Кувадіанъ и Тармизъ и запасая провіантъ для войска въ Амулѣ.

Въ Газнѣ Махмудъ далъ хорезмійскимъ посламъ рѣшительный отвѣтъ, требуя выдачи Алпъ-тегина и другихъ вельможъ. Хорезмійцы приготовились къ отчаянному сопротивленію и собрали до 50.000 всадниковъ. Отправляясь въ походъ, Махмудъ предупредилъ „илека и хана туркестанскаго“, что идетъ отомстить за смерть зятя и подчинить себѣ область, бывшую, какъ для него, такъ и для нихъ, только предметомъ безпокойства. Понимая невыгодность для себя предстоящаго событія, Караханиды всетаки не рѣшились нарушить договора и даже одобрили намѣреніе Махмуда наказать мятежниковъ.

Предоставленные собственнымъ силамъ, хорезмійцы недолго могли сопротивляться султану, выступившему въ походъ изъ Амуля, очевидно, вдоль лѣваго берега Амударьи. Кятъ былъ взятъ 3 іюля 1017 г. Три предводителя возстанія были растоптаны ногами слоновъ; трупы ихъ положили на клыки слоновъ и несли по городу, провозглашая, что такова участь цареубійць. Другіе мятежники были наказаны соразмѣрно ихъ винѣ. Молодой хорезмъ-шахъ и всѣ члены его династіи послѣдовали за Махмудомъ въ его владѣнія и были заключены въ разныя крѣпости. Отряды хорезмійскаго войска въ цѣпяхъ были отведены въ Газну и употреблены въ дѣло при индійскихъ походахъ.

Хорезмъ-шахомъ былъ назначенъ главный хаджибъ Махмудъ Алтунташъ; до окончательнаго умиротворенія страны при немъ оставленъ былъ отрядъ изъ войскъ Махмуда.

Обладаніе Хорезмомъ давало Махмуду перевѣсъ надъ Караханидами; къ тому же междуусобія въ странѣ послѣднихъ лишали ихъ возможности предпринимать завоевательные походы. Наши свѣдѣнія объ исторіи Мавераннагра въ эту эпоху довольно смутны.

По расскажемъ Утби и Ибнъ-аль-Асира Туганъ-ханъ, вѣрный союзникъ Махмуда, умеръ въ 408=1017—8 г., вскорѣ послѣ большой побѣды надъ многочисленнымъ войскомъ, пришедшимъ со стороны Китая.

Его братъ и преемникъ Арсланъ-ханъ Абу-Мансуръ Мухаммедъ б. Али, „глухой“, продолжалъ дружбу съ Махмудомъ. Махмудъ обратился къ нему и къ „его брату илеку“ съ просьбой выдать ихъ родственницу за старшаго сына Махмуда Мас'уда; царевна была принята въ Балхѣ съ большимъ почетомъ.

Ибнъ-аль-Асиръ рассказываетъ, что въ плѣну у Арсланъ-хана находился Али-тегинъ, братъ илека Насра, завоевателя Мавераннагра; ему удалось бѣжать въ Бухару, гдѣ онъ овладѣлъ городомъ и заключилъ союзъ съ Арсланомъ, сыномъ Сельджука. Дурные поступки Али-тегина вызвали походъ Махмуда (см. ниже).

Утби въ рассказѣ о войнѣ 1007—8 гг. называетъ Кадыръ-хана владѣтелемъ Хотана. Очень вѣроятно, что послѣ смерти Богра-хана Харуна и перехода господства къ другой вѣтви Караханидовъ сынъ Богра-хана Юсуфъ не получилъ удѣла, но сумѣлъ привлечь на свою сторону непокойные элементы и съ ихъ помощью создалъ себѣ владѣніе. Послѣ этого онъ постепенно вытѣснилъ своихъ соперниковъ изъ остальныхъ городовъ Восточнаго Туркестана; уже въ 404=1013—4 г. въ Яркендѣ, въ 405 г. также въ Кашгарѣ чеканились монеты съ именемъ халифа Кадира и Кадыръ-ханъ-Юсуфа.

Лишившись Восточнаго Туркестана, Туганъ-ханъ оставался только правителемъ Семирѣчья, можетъ быть также верховнымъ владѣтелемъ Мавераннагра.

Его братъ Мухаммедъ б. Али при жизни Туганъ-хана былъ удѣльнымъ княземъ Мавераннагра до Тараза включительно; послѣ смерти брата онъ принялъ титулъ Арсланъ-хана и правилъ до 415=1024—5 г. Въ это время произошли безпорядки, которыми воспользовался Али-тегинъ.

Смутами въ государствѣ Караханидовъ Махмудъ вос-

пользовался для того, чтобы вступить съ войскомъ въ Мавераннагръ; предложомъ къ войнѣ было то, что въ Балхъ часто приходили жители Мавераннагра съ жалобами на Али-тегина и что Али-тегинъ не пропускалъ пословъ Махмуда, отправлявшихся къ правителямъ В. Туркестана. Въ 1025 г. Махмудъ переправился чрезъ Аму-дарью. Изъ владѣтелей Мавераннагра первымъ къ нему присоединился саганіанскій эмиръ, потомъ хорезмъ-шахъ Алтунташъ. Въ то же время со стороны Кашгара вступилъ въ Мавераннагръ Кадыръ-ханъ, дошелъ до Самарканда, извѣстилъ Махмуда о своемъ прибытіи и выразилъ желаніе увидѣться съ нимъ. (Махмудъ стоялъ лагеремъ значительно южнѣе Самарканда). Махмудъ назначилъ мѣсто для свиданія. Разсказъ Гардизи даетъ полное понятіе о церемоніалѣ, соблюдавшемся въ эту эпоху при свиданіи между независимыми и одинаково могущественными государями.

При первомъ свиданіи государи обмѣнялись драгоценными камнями; на другой день Махмудъ далъ въ честь Кадыръ-хана блестящій парадный обѣдъ съ музыкой и поднесъ ему драгоценные, рѣдкіе подарки, приведшіе тюркскаго владыку въ изумленіе; онъ отплатилъ султану произведеніями Туркестана и большой суммой денегъ. Что касается политическихъ результатовъ свиданія, то было рѣшено общими силами отнять у Али-тегина Мавераннагръ и отдать его Иганъ-тегину, второму сыну Кадыръ-хана, который долженъ былъ жениться на дочери Махмуда, Зейнабъ. Кадыръ-ханъ обязался выдать свою дочь за эмира Мухаммеда, второго сына Махмуда, котораго отецъ, недовольный старшимъ сыномъ, Мас'удомъ, прочилъ себѣ въ наслѣдники.

Эти предположенія однако не осуществились. Махмудъ прежде всего обратился на союзныхъ съ Али-тегиномъ туркменъ и взялъ въ плѣнъ ихъ предводителя, сына Сельджука Исраила (по Ибн-аль-Асиру Арслана); его орды были частью истреблены, частью отложились отъ своихъ начальниковъ и съ позволенія Махмуда переселились въ Хорасанъ. Али-тегинъ покинулъ Самаркандъ и Бухару и бѣжалъ въ степь.

Махмудъ вернулся въ Балхъ и оттуда въ Газну, не принявъ никакихъ мѣръ къ обезпеченію интересовъ своихъ союзниковъ. Очевидно, въ его планы не входило

уничтоженіе одной изъ двухъ главныхъ вѣтвей Караханидовъ, которое сдѣлало бы Кадыръ-хана полновластнымъ правителемъ всего Туркестана. Подъ предлогомъ похода въ Индію Махмудъ отклонилъ пріѣздъ Тиганъ-тегина въ Газну за невѣстой.

Кадыръ-хану и его сыновьямъ удалось побѣдить Туганъ-хана, брата Али-тегина, и отнять у него Баласагунъ. Послѣ ряда военныхъ дѣйствій Али-тегинъ остался правителемъ Бухары и Самарканда. Въ южной части Ферганы, въ Узгентѣ, уже съ 416=1025 г. чеканились монеты съ именемъ Кадыръ-хана, а съ 420 и въ Ахси-кетѣ.

Въ 1026 г. Махмудъ принималъ пословъ халифа Кадира, принесшихъ ему дипломъ на завоеванныя имъ области и новые титулы для него, его сыновей и брата Юсуфа. Въ своихъ сношеніяхъ съ халифомъ Махмудъ выставлялъ себя истиннымъ преемникомъ Саманидовъ, верховнымъ властителемъ всего востока; между нимъ и халифомъ былъ заключенъ договоръ, по которому халифъ обязался не имѣть сношеній съ Караханидами иначе, какъ чрезъ посредство Махмуда.

Отношенія между Караханидами и Газневидами нѣсколько измѣнились по смерти Махмуда, послѣдовавшей въ четвергъ 30 апр. 1030 г.

Царствованіе Махмуда имѣетъ большое значеніе въ исторіи всего востока, такъ какъ при немъ получили полное развитіе основы восточно-мусульманской правительственной системы; сторонники ея, какъ Низамъ-уль-Мулькъ, чаще всего ссылаются на Махмуда.

Индійскіе походы доставляли огромную добычу самому Махмуду, его гвардіи и многочисленнымъ „добровольцамъ“; иногда Махмудъ воздвигалъ на эти средства великолѣпныя постройки, но для народныхъ массъ эти походы были только источникомъ разоренія. Махмуду для его походовъ постоянно нужны были деньги; передъ однимъ изъ походовъ онъ велѣлъ въ два дня собрать необходимую сумму, что и было исполнено. Отъ разорительныхъ налоговъ „земельные участки были, большею частью, запущены, искусственное орошеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришло въ упадокъ, въ другихъ прекратилось совсѣмъ“ (слова Утби). При такихъ обстоятельствахъ наступилъ голодный годъ (401=1010—11).

Въ одномъ Нишапурѣ будто-бы погибло до 100.000 чело-
вѣкъ. Собаки и кошки были почти истреблены; были
случаи людоѣдства. Между тѣмъ въ Нишапурѣ хлѣбъ
имѣлся въ достаточномъ количествѣ, а султанъ ограни-
чивался тѣмъ, что велѣлъ своимъ намѣстникамъ разда-
вать бѣднѣйшимъ жителямъ деньги.

Великолѣпныя постройки воздвигались Махмудомъ на
средства, добытыя въ Индіи, но содержаніе ихъ также
ложилось тяжелымъ бременемъ на населеніе.

Итакъ въ смыслѣ заботъ о благѣ народа Махмуда
никакъ нельзя причислить къ просвѣщеннымъ деспотамъ.
Что касается покровительства, которымъ пользовались
при его дворѣ поэты и ученые, то здѣсь видно только
тщеславное желаніе сдѣлать свой дворъ средоточіемъ
всего блестящаго и выдающагося, не искренняя любовь
къ просвѣщенію.

Забота о дѣлахъ вѣры также не можетъ быть при-
знана доказательствомъ искренняго благочестія. Махмудъ
не могъ не понять связи между политическимъ консер-
ватизмомъ и религіознымъ; оттого онъ оказывалъ покрови-
тельство улемамъ и шейхамъ, но только до тѣхъ поръ,
пока они оставались послушнымъ орудіемъ его политики.
Религіозныя войны Махмуда вполнѣ объясняются его
стремленіемъ овладѣть богатствами Индіи, и нѣтъ ника-
кихъ основаній видѣть въ нихъ проявленіе религіознаго
фанатизма. Преслѣдованіе еретиковъ также объясняется
политическими мотивами; иногда обвиненіе въ ереси было
только предлогомъ для захвата имущества обвиненнаго.
Ошибочно было бы видѣть въ Махмудѣ покровителя
персидскихъ національныхъ стремленій, хотя ему было
посвящено произведеніе Фирдауси. Военныя силы Махмуда
исключительно состояли изъ купленныхъ рабовъ и наем-
никовъ; всѣ остальные подданные въ глазахъ султана
были только платежной силой, и проявленіе ими какого-
нибудь патриотизма было совершенно неумѣстно.

Что эпоха Махмуда не была эпохой торжества пер-
сидскаго языка и литературы, видно уже изъ попытки
одного его везира сдѣлать снова арабскій языкъ язы-
комъ оффиціальныхъ бумагъ. Повидимому, съ этого вре-
мени начинается дѣленіе народа на войско, которому
царь платитъ жалованье и за это требуетъ вѣрной службы,
и подданныхъ, которыхъ царь защищаетъ отъ внѣшнихъ

и внутреннихъ враговъ и за это требуетъ безусловнаго повиновенія и непрекословной уплаты податей. Ни воины, ни подданные не имѣютъ права противопоставлять свои желанія волѣ государя.

Развитіе деспотизма, какъ всегда, было связано съ широкимъ развитіемъ системы шпіонства; Махмудъ приставилъ шпіоновъ даже къ своему сыну Мас'уду.

Царствованіе Махмуда несомнѣнно было очень тяжело для его подданныхъ; если самому Махмуду еще не пришлось испытать на себѣ печальныя послѣдствія своей системы, и если авторитетъ престола при немъ еще не былъ поколебленъ, то это объясняется его личными качествами: твердая воля и геніальный умъ Махмуда дѣлали невозможнымъ слишкомъ рѣзкое проявленіе чертъ деспота-самодура. Противорѣчіе страшно раздражало султана, что заставляло говорившихъ съ нимъ переживать очень непріятныя минуты, но не мѣшало государю принимать въ концѣ концовъ всетаки правильное рѣшеніе. Положеніе везира при такихъ условіяхъ было очень тяжело.

Случаи смертной казни встрѣчались въ царствованіе Махмуда сравнительно рѣдко; по словамъ Утби, султанъ держался взгляда, что царь въ минуту гнѣва можетъ отнимать у подданныхъ только то, что можетъ возвратить имъ въ минуту милости, т. е. имущество и свободу, но не жизнь.

Чувство законности въ эпоху Газневидовъ было еще такъ сильно, что даже конфискаціи имущества опальныхъ старалась придать характеръ законной покупки.

Послѣ кратковременнаго царствованія младшаго сына Махмуда, Мухаммеда, власть перешла къ старшему, Мас'уду (1030—41), который наслѣдовалъ только недостатки отца.

Обремененіе жителей налогами при немъ достигло крайней степени.

По отношенію къ Караханидамъ Мас'удъ продолжалъ политику отца. Въ концѣ 1031 г. былъ возобновленъ договоръ съ халифомъ, по которому послѣдній могъ сноситься съ Караханидами только чрезъ Газневидовъ.

Въ то же время Мас'удъ продолжалъ сноситься съ главой Карахидовъ, какъ равный съ равнымъ. Газневиды, по совѣту Алтунташа, старались поддерживать

миръ, какъ съ Кадыръ-ханомъ, такъ и съ Али-тегиномъ. Весной 1031 г. Мас'удъ отправилъ въ Кашгаръ пословъ, чтобы извѣстить Кадыръ-хана о вступленіи Мас'уда на престолъ, передать хану увѣренія дружбы и просить руки дочери Кадыръ-хана для Мас'уда и руки дочери Богра-тегина для сына и наслѣдника Мас'уда, Маудуда. Въ 1032 г. ходъ переговоровъ былъ задержанъ смертью Кадыръ-хана, которому наслѣдовалъ Богра-тегинъ Сулейманъ, принявшій титулъ Арсланъ-хана. Второй сынъ, Иганъ-тегинъ Мухаммедъ принялъ титулъ Богра-хана. Только 6 сентября 1036 г. послы вернулись въ Газну, успѣшно выполнивъ порученіе.

Переговоры съ Али-тегиномъ не привели ни къ какому результату.

Противъ совѣта Алтунташа, предлагавшаго только оборонительную политику, Мас'удъ возобновилъ планъ своего отца — помочь второму сыну Кадыръ-хана отнять Мавераннагръ у Али-тегина. Весной 1032 г. Алтунташъ, по приказанію султана, вступилъ въ Мавераннагръ. Али-тегинъ отступилъ къ Дебусіи. Цитадель Бухары была взята приступомъ, послѣ того какъ добровольцы и населеніе выразили покорность Мас'уду. Къ Али-тегину въ Дебусіи присоединились туркмены съ Сельджукидами во главѣ; битва была нерѣшительна. Алтунташъ былъ смертельно раненъ, но войско его благополучно вернулось въ Хорезмъ.

Походъ Мас'уда, вѣроятно, заставилъ Али-тегина тѣснѣе сблизиться со своими родственниками и признать надъ собой ихъ главенство; въ Бухарѣ и Самаркандѣ стали чеканиться монеты съ именами Арсланъ-хана и Богра-хана. Кромѣ того чрезъ два года Али-тегинъ нашелъ себѣ союзника въ лицѣ правителя Хорезма.

По своему географическому положенію Хорезмъ всегда былъ фактически независимымъ государствомъ, особенно когда во главѣ области стоялъ такой опытный военачальникъ и правитель, какъ Алтунташъ.

Послѣ его смерти Мас'удъ не рѣшился отнять власть у его потомковъ, хотя и принялъ мѣры къ уменьшенію этой власти. Титулъ хорезмъ-шаха получилъ сынъ Мас'уда, и Харунъ, сынъ Алтунташа, долженъ былъ править Хорезмомъ только въ качествѣ представителя царевича.

Весной 1034 г. Харунъ сталъ обнаруживать непокорность; внѣшнимъ поводомъ къ тому была смерть его брата, жившаго у Мас'уда; „злонамѣренные люди“ написали Харуну, что его братъ былъ сброшенъ съ крыши по приказанію султана.

Харунъ вступилъ въ соглашеніе съ Али-тегиномъ и Сельджукидами и въ августѣ 1034 г. открыто отложился отъ султана, отмѣнивъ хутбу на его имя.

Харунъ былъ убитъ гулямами, подкупленными газневидскимъ правительствомъ, въ началѣ похода, который онъ рѣшилъ предпринять во владѣнія Газневидовъ въ союзѣ съ сыновьями Али-тегина, умершаго лѣтомъ или осенью 1034 г. Сыновьямъ его пришлось извиниться предъ Мас'удомъ за набѣги. Въ декабрѣ 1036 г. добрыя отношенія между ними и Мас'удомъ возстановились; ихъ послы добились того, что сестра илека была выдана за Се'ида, сына Мас'уда, а племянница Махмула, дочь Насра, за илека; илекъ выразилъ желаніе, чтобы Мас'удъ выступилъ посредникомъ между нимъ и главой династїи Караханидовъ, Арсланъ-ханомъ; со своей стороны илекъ обѣщалъ султану вооруженную помощь въ его борьбѣ съ Сельджукидами.

Въ 1038 г. въ Мавераннагрѣ выступилъ Абу-Исхакъ Ибрагимъ, сынъ перваго илека Насра, въ то время носившій титулъ Бури-тегина. Ему удалось избавиться отъ плѣна, въ которомъ онъ находился у сынової Али-тегина. Царевичъ удалился въ страну горцевъ-кумиджїевъ и тамъ набралъ себѣ трехтысячный отрядъ, съ которымъ началъ производить опустошенія въ Вахшѣ и Хутталѣ. Мас'удъ рѣшилъ лично совершить походъ въ Мавераннагръ и въ ту же зиму покончить съ Бури-тегиномъ, чтобы весной выступить противъ туркменъ. Тщетно везирь доказывалъ, что походы предпринимаются или весной, когда выросла свѣжая трава, или осенью, когда собрана жатва; что совершенно достаточно поручить правителю Саганіана и сыновьямъ Али-тегина войну съ Бури-тегиномъ.

Султанъ не внялъ никакимъ совѣтамъ; по разсказу Гардизи, онъ думалъ воспользоваться наступившими въ Мавераннагрѣ беспорядками, чтобы присоединить эту страну къ своимъ владѣніямъ. Войско султана переправилось черезъ рѣку 18 декабря, 31 прибыло въ Сага-

ніанъ, нигдѣ не встрѣтивъ врага; за то оно много претерпѣло отъ холода и снѣга. 9 января, когда войско дошло до ущелья Шуніанъ, пришло извѣстіе отъ везира, что Сельджукиды выступили изъ Серакса къ Гузгану; предполагалось, что, дойдя до Тармиза, они разрушатъ мостъ и отрѣжутъ султана отъ его владѣній. Султанъ отступилъ 12 января, а 26 былъ въ Тармизѣ. Бури-тегинъ преслѣдовалъ отступавшихъ и отнялъ часть обоза.

Неудача Мас'уда подняла значеніе Бури-тегина, который съ помощью туркменъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ сыновьями Али-тегина и уже почти отнялъ у нихъ Мавераннагръ.

Между тѣмъ Сельджукиды постепенно успѣшно завоевывали Хорасанъ благодаря легкости передвиженія отрядовъ кочевниковъ, для которыхъ степь была „отцомъ и матерью“ (выраженіе Бейхаки). Отъ нападеній съ тыла они были совершенно въ безопасности, такъ какъ въ Хорезмѣ со смертью Харуна власть перешла къ его брату Исмаилу Хандану, тоже врагу Газневидовъ.

Рѣшительная побѣда Сельджукидовъ надъ Мас'удомъ произошла еще до похода Шахъ-Мелика, владѣтеля Дженда, которому Мас'удъ въ 1038 г., чтобы избавиться отъ Исмаила, послалъ дипломъ на Хорезмъ; походъ былъ предпринятъ зимой 1040—1 г., Исмаиль бѣжалъ къ Сельджукидамъ, въ апрѣлѣ столица его была занята Шахъ-Меликомъ.

Битва при Денданканѣ (въ 60 верст. отъ Мерва) въ маѣ 1040 г. навсегда покончила съ владычествомъ Газневидовъ въ Хорасанѣ.

Всѣ присягнули Тогрулу, внуку Сельджука, какъ эмиру Хорасана.

Мас'удъ былъ увѣренъ, что будетъ вынужденъ отказаться не только отъ Балха, но и отъ Газны, и удалился въ Индію, пославъ Бури-тегину дипломъ на Балхъ и Тохаристанъ, чтобы поссорить его съ Сельджукидами, и давъ оставшимся въ Газнѣ вельможамъ позволеніе поступить на службу Сельджукидовъ въ случаѣ ихъ прибытія.

Отчаяніе Мас'уда было преждевременно. Послѣ низложенія и смерти султана (1041 г.) и кратковременнаго царствованія его брата Мухаммеда престолъ перешелъ въ

томъ же году къ энергичному сыну Мас'уда, Маудуду, при которомъ обстоятельства снова приняли благоприятный для Газневидовъ оборотъ.

Сельджукиды.

Въ 1043 г. Сельджукиды овладѣли Хорезмомъ; Шахъ-Меликъ бѣжалъ въ Персію, гдѣ былъ взятъ въ плѣнъ и умеръ въ Мекранѣ. Окончательный переходъ Балха во власть Сельджукидовъ и слѣдовательно окончательное прекращеніе связи между Газневидами и Мавераннагромъ произошло только въ 1059 г. по договору между Давудомъ, братомъ Тогрула, и газневидскимъ султаномъ Ибрагимомъ.

За это время Бури-тегинъ Ибрагимъ прочно утвердилъ свою власть въ Мавераннагрѣ и основалъ независимое государство. На монетѣ 438=1046—7 г., вѣроятно чеканенной въ Самаркандѣ, мы уже находимъ полный титулъ Ибрагима: „опора державы, вѣнецъ общины, мечъ намѣстника Божьяго Тамгачъ-ханъ Ибрагимъ“. Титулъ Тамгачъ-хана, принятый Ибрагимомъ и до него Бограханомъ, указываетъ на подражаніе китайскимъ императорамъ.

Успѣхи Ибрагима были облегчены междуусобіями среди туркестанскихъ Караханидовъ. Кромѣ того еще при Богра-ханѣ, въ 436 (1045) г., въ Мавераннагрѣ произошло шіитское движеніе, едва-ли не послѣднее изъ движеній этого рода.

Отношенія между Арсланъ-ханомъ и его братомъ скоро приняли враждебный характеръ. Богра-ханъ около 1056 г. взялъ въ плѣнъ Арсланъ-хана и захватилъ его владѣнія, но уже черезъ 15 мѣсяцевъ былъ отравленъ своей женой въ 449=1057-8 г. Убіеніе его было вызвано тѣмъ, что онъ хотѣлъ назначить наслѣдникомъ своего старшаго сына, а жена—малолѣтняго Ибрагима. Съ 451 до 467 (1059—1074-5 г.) въ Кашгарѣ и Баласагунѣ правилъ другой сынъ Кадыръ-хана, Торгуль Кара-ханъ Юсуфъ, совместно съ братомъ, Богра-ханомъ Харуномъ. Они вели войну съ Шемсъ-уль-Мулькомъ Насромъ, владѣтелемъ Мавераннагра, внукомъ перваго илека Насра; война кончилась миромъ, по которому границей между Мавераннагромъ и владѣніями туркестанскихъ Караханидовъ былъ признанъ Ходжентъ, т. е. вѣроятно Сыръ-дарья.

Послѣ Тогруль-хана правилъ его сынъ Тогруль-тегинъ; послѣ него Богра-ханъ Харунъ еще 29 лѣтъ.

(1074-5—1102-3) владѣль Кашгаромъ, Баласагуномъ и Хотаномъ.

Для этого Богра-хана въ 1069 г. была написана въ Кашгарѣ дидактическая поэма Кудатку-биликъ; первое литературное произведеніе на тюркскомъ языкѣ; авторъ поэмы былъ уроженцемъ Баласагуна.

Въ 1089 г. сельджукскій султанъ Меликъ-шахъ захватилъ Самаркандъ и дошелъ до Узгента; кашгарскій ханъ также долженъ былъ признать себя его вассаломъ.

Въ 1102 г., т. е. тотчасъ послѣ смерти Богра-хана Харуна, на Мавераннагрѣ сдѣлалъ нашествіе владѣтель Баласагуна и Таласа Кадыръ-ханъ Джibraиль, сынъ Кара-хана Омара и внукъ Богра-хана Мухаммеда; онъ овладѣлъ всей страной до Аму-дарьи, но на берегу этой рѣки былъ разбитъ сельджукскимъ султаномъ Санджаромъ, взятъ въ плѣнъ и убитъ. Послѣ этого мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о Семирѣчѣ до нашествія кара-китаевъ.

Нѣкоторые культурные термины, встрѣчающіеся въ поэмѣ Кудатку-биликъ, сходны съ употреблявшимися у монголовъ и несомнѣнно заимствованы какъ Караханидами, такъ и монголами у уйгуровъ. Вѣтвь этого тюркскаго народа, поселившаяся въ пограничной съ Китаемъ части В. Туркестана, уже въ V в. по Р. Хр. достигла значительной степени культуры. Усвоеніе Караханидами титула Тамгачъ и „царь Востока и Китая“ свидѣлствуютъ о томъ, что эта династія находилась подъ обаяніемъ китайской культуры и двора.

Въ исторіи Мавераннагра эпоха Караханидовъ, первой тюркской династіи, непосредственно управлявшей всей страной, несомнѣнно имѣетъ важное значеніе. За краткостью дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ этой эпохѣ, нельзя прослѣдить, какія измѣненія были внесены въ порядокъ, установленный Саманидами, и какъ образовалось то положеніе, въ какомъ застали страну монголы. Нѣсколько больше извѣстно о перемѣнахъ, произведенныхъ Сельджукидами въ Персіи. Въ значительной степени одинаковыя обстоятельства (завоеваніе тюркскими кочевниками страны, гдѣ дѣйствовала восточно-мусульманская политическая организація) должны были имѣть одинаковыя послѣдствія; кромѣ того устройство Сельджукидской имперіи имѣло значеніе и для Мавераннагра, такъ какъ

въ составъ ея входилъ Хорезмъ, и хорезмъ-шахи, въ XIII в. подчинившіе себѣ Мавераннагръ, первоначально были сельджукскими намѣстниками. Поэтому вкратцѣ рассмотримъ, какія черты отличали Сельджукидовъ отъ ихъ предшественниковъ.

На противоположность между характеромъ тюркскаго народа и тюркскихъ государей обратили вниманіе еще въ средніе вѣка, какъ показываетъ любопытное замѣчаніе Идриси о тюркахъ: „ихъ князья воинственны, предусмотрительны, тверды, справедливы и отличаются хорошими нравами; народъ жестокъ, дикъ, грубъ и невѣжественъ“.

Предводитель кочевого народа, едва отличившійся отъ своихъ воиновъ по одеждѣ, дѣлившій съ ними всѣ труды, не могъ сразу обратиться въ деспота того типа, какъ Махмудъ и Мас'удъ. Очень характерно, что отвратительная должность сахибъ-хараса потеряла при Сельджукидахъ всякое значеніе; не замѣщалась также должность сахибъ-хабара. Система шпіонства возмущала нравственное чувство дикарей. Но правъ и Низамъ-уль-Мулькъ, считавшій должность сахибъ-хабара однимъ изъ устоевъ государственнаго порядка; уничтоженіе системы шпіонства, безъ замѣны ея болѣе дѣйствительнымъ контролемъ, могло только увеличить произволъ отдѣльныхъ князей и намѣстниковъ.

Персидскій взглядъ на монарха, какъ на единодержавнаго правителя, также былъ чуждъ кочевникамъ, въ глазахъ которыхъ имперія была собственностью всего ханскаго рода. Удѣльная система и неизбѣжныя при ней междуусобія получили широкое распространеніе какъ у Сельджукидовъ, такъ и у Караханидовъ. Столь же вредно должна была отозваться на интересахъ населенія система военныхъ леновъ, т. е. земельныхъ надѣловъ, раздававшихся войску взаменъ жалованья или части его.

Отъ беспорядковъ, вызванныхъ удѣльной системой, вѣроятно также системой земельныхъ надѣловъ, преимущественно страдалъ классъ землевладѣльцевъ, при томъ, какъ показываютъ факты, въ Мавераннагрѣ больше, чѣмъ въ Хорасанѣ. Въ разсказахъ о монгольскихъ завоеваніяхъ мы уже не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій о значеніи класса дихкановъ въ Мавераннагрѣ, тогда какъ

въ Хорасанѣ по прежнему упоминаются землевладѣльцы, жившіе въ замкахъ.

Идеаль самодержавнаго властителя, господствовавшій въ покоренныхъ областяхъ, не могъ остаться безъ вліянія на завоевателей. Деспотическія стремленія властителей должны были отдалить отъ нихъ ихъ соплеменниковъ и съ другой стороны сблизить ихъ съ представителями персидской бюрократіи. Совершенно уподобиться Саманидамъ и Газневидамъ Сельджукиды не могли уже потому, что до конца остались чуждыми всякому образованию.

Неграмотный государь не могъ слѣдить за сложнымъ бюрократическимъ управленіемъ своихъ обширныхъ владѣній, и эта обязанность лежала исключительно на везирѣ; оттого мы видимъ въ эпоху Сельджукидовъ такихъ могущественныхъ везировъ, какихъ раньше не было и какимъ былъ Низамъ-уль-Мулькъ.

Самымъ сложнымъ вопросомъ для бюрократіи была судьба тюркскихъ завоевателей, пришедшихъ въ страну вмѣстѣ съ государемъ; представители персидской бюрократіи естественно желали причислить ихъ къ „гвардіи“ (хишамъ), но не такъ легко было превратить сыновъ степи въ „гулямовъ дворца“. Еще труднѣе было примирить интересы осѣдлаго населенія съ интересами завоевателей, не желавшихъ отказаться отъ кочевой жизни. По мѣрѣ превращенія государей изъ тюркскихъ хановъ въ персидскихъ деспотовъ кочевники должны были или переходить къ осѣдлой жизни, или бѣдствовать въ завоеванной ими странѣ.

Въ государствѣ Караханидовъ мы находимъ еще одно явленіе, которое въ государствѣ Сельджукидовъ, видимо, не имѣло такого значенія, именно борьбу свѣтской власти съ духовенствомъ, но наши источники не даютъ возможности выяснить причины этихъ столкновеній.

Тамгачъ-ханъ Ибрагимъ отличался рѣдкимъ благочестіемъ, и его уваженіе къ духовенству было такъ велико, что разъ онъ чуть не отказался отъ престола только потому, что одинъ проповѣдникъ сказалъ ему: „ты не достоинъ быть царемъ“!

Ауфи, выставляя Ибрагима идеаломъ справедливаго царя, приводитъ его письменныя резолюціи; и такъ Ка-

раханиды, повидимому, были образованнѣе Сельджукидовъ, что вполне естественно, такъ какъ въ В. Туркестанѣ они несомнѣнно подверглись вліянію китайской цивилизаціи, по крайней мѣрѣ чрезъ посредство уйгурской.

Тамгачъ-ханъ прежде всего заботился объ установленіи въ своихъ владѣніяхъ полного порядка и безопасности; каждое нарушеніе собственности каралось безъ милосердія. Однажды разбойники написали на воротахъ самаркандской цитадели: „мы подобны луку; чѣмъ больше насъ срѣзаютъ, тѣмъ больше мы вырастаемъ“. Ханъ велѣлъ написать подъ этими словами: „я стою здѣсь подобно садовнику; сколько бы не выросло васъ, я васъ вырываю“.

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ даже этотъ благочестивый ханъ пришелъ въ столкновение съ духовенствомъ и казнилъ одного изъ шейховъ.

Уже при Тамгачъ-ханѣ Ибрагимъ начались нападенія сельджукскихъ султановъ на Мавераннагръ.

Восточной частью сельджукской имперіи послѣ смерти Давуда управлялъ его сынъ Алпъ-Арсланъ. Въ 1064 г. онъ совершилъ походъ на Хутталъ и Саганіанъ. Послѣ потери Газневидами Балха и Тармиза и эти области подчинились Сельджукидамъ. Въ 1065 г. былъ совершенъ походъ на Джендъ и Сауранъ изъ Хорезма; ихъ владѣтель покорился. Еще прежде Алпъ-Арсланъ производилъ набѣги на владѣнія Тамгачъ-хана Ибрагима. На жалобу Ибрагимъ въ 1061 г. халифу, послѣдній могъ отвѣтить только присылкой почетныхъ одеждъ и титуловъ.

Еще при жизни Ибрагимъ († 1068 г.) отказался отъ власти въ пользу своего сына Шемсъ-аль-Мулька. При немъ продолжалась война съ сельджукскими султанами.

Ибнъ-аль-Асиръ говоритъ также и о борьбѣ между Шемсъ-аль-Мулькомъ и сыновьями Кадыръ-хана Юсуфа, Тогруль-Кара-ханомъ и Богра-ханомъ Харуномъ, окончившейся миромъ (см. выше).

Подобно своему отцу Шемсъ-аль-Мулькъ пользовался славой справедливаго государя. Онъ продолжалъ вести кочевую жизнь и только зиму проводилъ со своимъ войскомъ въ окрестностяхъ Бухары.

Не смотря на кочевой образъ жизни Караханиды „воздвигали также постройки въ городахъ, рабаты на большихъ дорогахъ“.

Борьба правительства съ духовенствомъ продолжалась и при Шемсъ-аль-Мулькѣ.

За нимъ послѣ его брата Хызра царствовалъ Ахмедъ, сынъ Хызра.

Вражда между ханомъ и духовенствомъ привела къ вмѣшательству Сельджуковъ. Меликъ-шахъ, преемникъ Алпъ-Арслана, въ 1089 г. занялъ Бухару, осадилъ Самаркандъ, послѣ упорнаго сопротивленія взялъ его, Ахмеда отправилъ въ Испагань, а самъ двинулся дальше и дошелъ до Узгента; по его требованію явился кашгарскій ханъ съ выраженіемъ покорности и сталъ читать хутбу и чеканить монету съ именемъ Меликъ-шаха. Султанъ вернулся въ Хорасанъ, оставивъ въ Самаркандѣ намѣстника.

Благодаря смутамъ, поднятымъ племенемъ джикилей, Меликъ-шаху пришлось повторить походъ до Узгента. Междуусобія среди туркестанскихъ хановъ уничтожали всякую опасность съ этой стороны, и Меликъ-шахъ могъ спокойно вернуться въ Хорасанъ.

По неизвѣстнымъ причинамъ чрезъ нѣкоторое время Меликъ-шахъ возвратилъ престолъ Ахмеду, который однако правилъ недолго и погибъ въ 1095 г. въ борьбѣ съ духовенствомъ, обвинившимъ его въ ереси. Послѣднее событіе должно быть признано самой крупной изъ побѣдъ, одержанныхъ духовенствомъ въ союзѣ съ военнымъ сословіемъ противъ правительства и народа.

Мятежники возвели на престолъ двоюроднаго брата убитаго, Мас'удъ-хана.

Въ 1097 году страна подчинилась старшему сыну Меликъ-шаха, султану Баркъяруку.

Въ самомъ началѣ XII столѣтія произошло новое нашествіе туркестанскихъ Караханидовъ на Мавераннагръ; Кадыръ-ханъ Джibraиль, внукъ Бограхана Мухаммеда (второго сына Кадыръ-хана Юсуфа) не только занялъ страну, но въ 1102 г. двинулся оттуда на владѣнія Сельджукидовъ, но былъ убитъ подъ Тармизомъ въ сраженіи съ султаномъ Санджаромъ, который вручилъ управленіе областью Караханиду Мухаммедтегину, правнуку Тамгачъ ханъ-Ибрагима, принявшему титулъ Арсланъ-хана и правившему до 1130 г. Арсланъ-ханъ болѣе всѣхъ прочихъ Караханидовъ извѣстенъ своими постройками; онъ возстановилъ бухарскую цита-

дель и городскія стѣны, построилъ въ 1121 г. великолѣпную соборную мечеть, возстановилъ городъ Пейкендъ и т. п.

Благочестіе Арсланъ-хана, кромѣ его построекъ и походовъ противъ невѣрныхъ, проявилось въ поддержкѣ подвижника Хасана б. Юсуфа аль-Бухари ас-Самани, охранявшаго Бухару отъ „людей разврата и новшества“. Но борьба съ духовенствомъ не прекращалась и въ это царствованіе.

Въ концѣ своей жизни Арсланъ-ханъ былъ разбитъ параличомъ и назначилъ себѣ соправителемъ своего сына Насра. Противъ молодого правителя былъ составленъ заговоръ, руководителями котораго были глава духовенства и реисъ города Самарканда; Насръ былъ убитъ. Его отецъ обратился за помощью къ Санджару, но спокойствіе было возстановлено до его прибытія другимъ сыномъ Арсланъ-хана, Ахмедомъ. Однако войско султана вступило въ Мавераннагръ. Между султаномъ и правителемъ страны произошла ссора. Султану удалось захватить 12 человекъ, которые сознались, что были подкуплены ханомъ съ цѣлью убить Санджара. Послѣ этого Санджаръ осадилъ Самаркандъ; городъ былъ взятъ ранней весной 1130 г. Большой ханъ былъ вынесенъ на носилкахъ къ султану и отправленъ къ своей дочери (женѣ Санджара); короткое время спустя онъ умеръ въ Балхѣ и былъ похороненъ въ Мервѣ, въ построенномъ имъ самимъ медресе.

О судьбѣ Ахмеда ничего достовѣрнаго неизвѣстно.

Преемникомъ Арслана, послѣ правленія двухъ другихъ членовъ династїи, былъ назначенъ его сынъ Рукнъ-ад-динъ (Джелаль-ад-динъ) Махмудъ, племянникъ Санджара. Махмудъ оставался вѣрнымъ подданнымъ своего дяди, который кромѣ того могъ называть своимъ ставленникомъ кашгарскаго хана.

Такимъ образомъ опять, какъ при Меликъ-шахѣ, вся мусульманская Азія подчинялась одному государю; но въ это время къ восточнымъ границамъ мусульманскаго міра уже приближался народъ, впервые заставившій мусульманскій Мавераннагръ признать надъ собой власть невѣрныхъ.

Кара-хатайцы.

Въ началѣ X в. по Р. Хр. китаи, которыхъ обыкновенно считаютъ народомъ тунгузскаго происхожденія съ примѣсю нѣкоторыхъ монгольскихъ элементовъ, основали обширную имперію, простиравшуюся отъ Великаго океана до Байкала и Тянь-шаня. Мѣстопробываніемъ династіи былъ сѣверный Китай. У китайскихъ историковъ эта династія носить названіе Ляо. Вслѣдствіе продолжительнаго своего владычества въ Китаѣ домъ Ляо подвергся большему влиянію китайской культуры, чѣмъ предшествовавшія ему инородческія династіи.

Въ 1125 г. другой тунгузскій народъ, чжурчжени, въ союзѣ съ южно-китайской династіей Сунъ положили конецъ владычеству китаевъ; остатки ихъ, подъ начальствомъ одного изъ членовъ царствующаго дома, двинулись на западъ, гдѣ основали новое государство.

Движеніе кара-китаевъ произошло по двумъ путямъ. Часть ихъ направилась чрезъ В. Туркестанъ, но потерпѣла пораженіе отъ кашгарскаго хана (между 1128 и 1133 гг.). Китайскіе источники знаютъ только это движеніе и связываютъ съ нимъ образованіе имперіи „западныхъ Ляо“.

Первымъ изъ мусульманскихъ владѣтелей подчинился китаемъ ханъ баласагунскій. По Джувейни кара-китаи чрезъ землю киргизовъ дошли до Эмиля и здѣсь построили городъ (въ области нынѣшняго Чугучака). Баласагунскій владѣтель изъ Караханидовъ призвалъ ихъ противъ кангловъ и карлуковъ; кара-китаи заняли Баласагунъ и, устранивъ слабаго правителя, основали собственное государство, простиравшееся отъ Енисея до Таласа. Послѣ этого они покорили кангловъ, подчинили себѣ В. Туркестанъ и въ 1137 г. разбили при Ходжентѣ Махмудъ-хана, владѣтеля Мавераннагра. Пораженіе навело большой страхъ на жителей Мавераннагра, но кара-китаи, занятые, вѣроятно, въ другомъ мѣстѣ, на этотъ разъ не воспользовались плодами своей побѣды.

Глава имперіи носилъ титулъ гурхана; первый гурханъ, по Ибн-аль-Асиру, пользовался среди своихъ подданныхъ большимъ авторитетомъ и поддерживалъ въ своемъ войскѣ строгую дисциплину; по религіи онъ былъ

манихеемъ; своимъ помощникамъ гурханъ не раздавалъ удѣловъ и никому не отдавалъ подъ начальство болѣе сотни всадниковъ. Главная ставка гурхана находилась къ западу отъ Или, на берегу Чу, вѣроятно недалеко отъ Баласагуна, и носила названіе Хосунъ-орду или Хото („сильная орда“ или „домъ“).

Первый гурханъ, по Ибн-аль-Асиру, умеръ въ началѣ 1143 г. Частыя регентства женщинъ и въ особенности личная жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ должны были ослабить авторитетъ престола; рассказы мусульманскихъ писателей заставляютъ думать, что могущество нѣкоторыхъ кара-китайскихъ вельможъ мало уступало могуществу самого гурхана. При такихъ условіяхъ не могъ быть поддержанъ на долгое время порядокъ, которымъ имперія кара-китаевъ, еще на своей, прежней родинѣ усвоившихъ всѣ плоды китайской цивилизаціи, отличалась отъ прочихъ государствъ кочевниковъ.

Вниманіе Санджара въ это время было поглощено борьбой съ мятежнымъ вассаломъ, хорезмъ-шахомъ Атсызомъ, наслѣдовавшимъ своему отцу (Мухаммеду) въ 1127-8 г.

Въ первые годы своего царствованія Атсызъ оставался вѣрнымъ подданнымъ Санджара и принималъ участіе въ его походахъ, но въ то же время заботился объ усиленіи своей власти посредствомъ подчиненія сосѣднихъ кочевниковъ. Для этой цѣли онъ занялъ мѣста, имѣвшія наибольшее значеніе въ жизни кочевниковъ, именно Джендъ и полуостровъ Мангышлакъ. Вскорѣ послѣ этого онъ отложился отъ Санджара.

Осенью 1138 г. Санджаръ совершилъ походъ на Хорезмъ изъ Балха съ многочисленнымъ войскомъ. Укрѣпленный лагерь Атсыза находился около Хазараспа; окружавшая лагерь мѣстность, на пространствѣ нѣсколькихъ фарсаховъ, была наводнена—средство, къ которому хорезмъ-шахи прибѣгали и при слѣдующихъ нашествіяхъ; поэтому войску Санджара пришлось итти по песчаной степи, а не по берегу; войско двигалось очень медленно, и битва произошла только 15 ноября (выступленіе изъ Балха состоялось въ сент.). Хорезмійское войско, состоявшее частью изъ невѣрныхъ тюрокъ, потерпѣло полное пораженіе. Атсызъ бѣжалъ, и страна, повидимому, безъ дальнѣйшаго сопротивленія была занята Санджаромъ,

который поставилъ здѣсь правителемъ своего племянника, оставивъ при немъ везира, атабега и хаджиба. Въ февралѣ 1139 г. Санджаръ вернулся въ Мервъ. Скоро Атсызъ вернулся въ Хорезмъ; жители, недовольные поведеніемъ войска Санджара, присоединились къ нему; правитель долженъ былъ бѣжать къ своему дядѣ. Въ 1139—40 г. Атсызъ напалъ на Бухару и разрушилъ цитадель. Не смотря на это, онъ всетаки счелъ нужнымъ подчиниться своему сюзерену и дать ему клятву вѣрности, которую однако нарушилъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ Мавераннагрѣ въ 1141 г. происходила обычная борьба между престоломъ и военнымъ сословіемъ. Махмудъ-ханъ призвалъ Санджара на помощь противъ карлуковъ, и въ іюлѣ въ страну вступило сельджукское войско. Карлуки обратились за помощью къ кара-китайскому гурхану; гурханъ на этотъ разъ принялъ сторону кочевниковъ и ходатайствовалъ за нихъ предъ Санджаромъ. Оскорбительный отвѣтъ султана вызвалъ новый походъ кара-китаевъ на Мавераннагръ; 9 сент. въ Катванской степи произошла кровопролитная битва, окончившаяся полнымъ пораженіемъ сельджукскаго войска. Санджаръ бѣжалъ въ Тармизъ; за нимъ послѣдовалъ Махмудъ-ханъ. Вся страна подчинилась кара-китайцѣмъ, которые въ томъ же 1141—2 г. заняли Бухару. Здѣсь въ это время уже возвышалась наслѣдственная династія реисовъ города, по имени своего основателя получившая названіе „домъ Бурхановъ“; реисы эти носили титулъ „садръ“.

По Джувейни владѣнія Атсыза также были разграблены отрядомъ кара-китаевъ; Атсызъ долженъ былъ заключить миръ и обязался платить кара-китайцѣмъ ежегодно, независимо отъ податей натурой, 30.000 динаровъ золотомъ.

До этого Атсызъ успѣшилъ воспользоваться пораженіемъ Санджара, устремился въ Хорасанъ и 19 ноября 1141 г. занялъ Мервъ; къ Нишапуру онъ подступилъ въ маѣ 1142 г.; можетъ быть такое замедленіе слѣдуетъ объяснить нашествіемъ кара-китаевъ. Но уже лѣтомъ того же года въ Хорасанѣ была восстановлена власть Санджара.

Въ 1143—4 г. Санджаромъ былъ совершенъ походъ на Хорезмъ, заставившій Атсыза покориться и возвра-

тять сокровища, награбленныя въ Мервѣ. Въ ноябрѣ 1147 г. Санджаръ въ третій разъ предпринялъ походъ на Хорезмъ, осадилъ Хазараспъ, взялъ его и подступилъ къ столицѣ Атсыза. По просьбѣ хорезмъ-шаха посредникомъ между воюющими сторонами выступилъ нѣкій отшельникъ. Санджаръ согласился простить мятежниковъ, если Атсызъ лично выразить покорность. Свиданіе произошло въ началѣ юня 1148 г.; Атсызъ при этомъ велъ себя непочтительно, но Санджаръ не счелъ нужнымъ изъ-за этого возобновлять войны и возвратился въ Мервъ.

Потерпѣвъ неудачу въ своемъ стремленіи основать независимое государство и овладѣть Хорасаномъ, Атсызъ снова обратилъ свои взоры къ берегамъ Сыръ-дарьи, вернулъ потерянный въ борьбѣ съ Санджаромъ Джендъ и намѣревался совершить походъ противъ кипчаковъ, центромъ владѣній которыхъ былъ городъ Сыгнакъ, но объ этомъ походѣ ничего неизвѣстно.

Правителемъ Дженда былъ назначенъ старшій сынъ Атсыза Абу-ль-Фатхъ Иль-Арсланъ. И впослѣдствіи Джендомъ управляли старшіе сыновья хорезмъ-шаховъ, изъ чего видно, какое значеніе хорезмъ-шахи придавали обладанію этимъ городомъ.

Весной 1153 г. въ Хорасанѣ снова произошли событія, благопріятныя для плановъ Атсыза. Стремленіе Санджара подчинить кочевниковъ-гузовъ власти персидскихъ чиновниковъ и сборщиковъ податей имѣло послѣдствіемъ то, что предводители гузовъ разбили войско Санджара, взяли въ плѣнъ самого государя и въ теченіе почти трехъ лѣтъ водили его съ собой. Гузы подвергли страшному разграбленію нѣкоторые города Хорасана, въ томъ числѣ Мервъ и Нишапуръ. На этотъ разъ Атсызъ не воспользовался несчастіемъ султана для провозглашенія своей независимости, но выступилъ защитникомъ законной власти.

Послѣ неудачной попытки овладѣть Амудемъ, имѣвшимъ такое-же значеніе, какъ и Джендъ, Атсызъ возобновилъ походъ противъ кипчаковъ.

Часть войска Санджара, не пожелавшая присоединиться къ гузамъ, избрала своимъ предводителемъ Махмудъ-хана, прежняго владѣтеля Мавераннагра. Махмудъ вступилъ въ переговоры съ Атсызомъ. Послѣдній двинулся съ войскомъ на Хорасанъ, но узнавъ въ пути о бѣгствѣ

Санджара отъ грузовъ, остановился въ Неса, куда къ нему прибылъ посолье Махмудъ-хана. Изъ Неса Атсызъ отправилъ письмо къ Санджару, въ которомъ поздравлялъ султана съ благополучнымъ избавленіемъ отъ плѣна и выражалъ полную готовность подчиняться распоряженіямъ государя. Въ такомъ же предупредительномъ тонѣ были составлены письма къ союзникамъ Атсыза, Махмудъ-хану, седжестанскому владѣтелю, и владѣтелю горной области Гуръ. Письмо Атсыза къ предводителю грузовъ является однимъ изъ лучшихъ образцовъ стиля восточныхъ дипломатовъ (часть I „Туркестана“, стр. 28—29).

Какovy бы ни были истинныя намѣренія хорезмъ-шаха, они не могли осуществиться: Атсызъ скончался отъ паралича 30 іюля 1156 г., проживъ 59 лѣтъ.

Хорезмъ-шахи.

Атсызъ умеръ вассаломъ сельджукскаго султана; тѣмъ не менѣе его слѣдуетъ признать основателемъ могущества хорезмійской династіи. Присоединивъ къ своимъ владѣніямъ Джендъ и Мангышлакъ, онъ привелъ въ зависимость отъ Хорезма сосѣднихъ кочевниковъ; увеличивъ свои военныя силы тюркскими наемными отрядами, онъ положилъ начало сильному и фактически независимому государству. Преемники его работали въ томъ же направленіи, съ такой же настойчивостью, искусствомъ и правильнымъ пониманіемъ интересовъ своей династіи.

22 августа произошло торжественное вступленіе на престолъ Иль-Арслана, который началъ свое царствованіе тѣмъ, что увеличилъ жалованье и земельныя надѣлы войскамъ. Въ рамазанѣ (окт.-ноябрѣ) того же года Санджаръ, вернувшись въ Мервъ, послалъ ему инвеституру.

Весной 1157 г. на 71 году жизни умеръ Санджаръ, чѣмъ фактически прекратилось верховное владычество сельджукскихъ султановъ въ восточной части Персіи.

Преемникомъ Санджара въ Хорасанѣ былъ Махмудъ-ханъ. Въ привѣтственномъ письмѣ къ нему Иль-Арсланъ называетъ себя только „искреннимъ другомъ“, а не „работомъ“, какъ Атсызъ въ письмахъ къ Санджару.

Иль-Арсланъ выступилъ посредникомъ между главой сельджукской династіи, правителемъ Ирака, Гіясъ-еддиномъ Муххамедомъ б. Махмудомъ, правнукомъ Меликъ-шаха (1153—9), который намѣревался итти на востокъ,

но былъ въ ссорѣ съ халифомъ Муктафи и багдадскимъ правительствомъ. Иль-Арсланъ писалъ везиру халифа, что только Мухаммедъ могъ бы освободить Хорасанъ отъ разбойниковъ, а Мавераннагръ отъ ига невѣрныхъ.

Такъ какъ намѣренія султана не осуществились, то Иль-Арсланъ, безспорно будучи самымъ сильнымъ государемъ восточной части мусульманскаго міра, рѣшилъ взять на себя исполненіе задачи, намѣченной имъ въ письмѣ къ багдадскому везиру. Прежде всего ему представился случай вмѣшаться въ дѣла Мавераннагра, гдѣ и при верховномъ владычествѣ кара-китаевъ продолжалась борьба между ханами и отрядами карлуковъ. Иль-Арсланъ совершилъ походъ на Мавераннагръ въ іюль 1158 г. и дошелъ до береговъ Заряфшана; кара-китаи, убѣдившись въ его превосходствѣ, попросили мира. Хорезмъ-шахъ вернулся въ Хорезмъ, потребовавъ, чтобы карлукскіе эмиры были съ почетомъ возстановлены въ своихъ должностяхъ.

Въ Хорасанѣ хорезмійское правительство при Иль-Арсланѣ не одержало существенныхъ успѣховъ. Въ главныхъ городахъ Хорасана происходила борьба между Махмудъ-ханомъ и главнымъ начальникомъ гузовъ, и порядокъ при Иль-Арсланѣ не былъ возстановленъ; при такихъ условіяхъ нельзя было думать не только о вытѣсненіи кара-китаевъ изъ Мавераннагра, но и о принятіи мѣръ противъ ихъ вторженій въ области къ югу отъ Аму-дарьи. У историковъ говорится о разграбленіи кара-китаями въ 1165 г. Балха и Андхуда. Въ 1170—1 гг. былъ совершенъ походъ кара-китаевъ на Хорезмъ, потому что хорезмъ-шахъ не платилъ въ установленный срокъ дани; предводитель хорезмійскаго авангарда былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ; Иль-Арсланъ больнымъ вернулся въ столицу и умеръ въ мартѣ 1172 г.

Въ слѣдующее царствованіе успѣхи династии были нѣсколько замедлены междуусобіями среди ея членовъ. По смерти Иль-Арслана, на престолъ вступилъ, съ помощью своей матери, младшій сынъ покойнаго, Султанъ-шахъ; старшій, Текешъ, управлявшій въ то время Джендомъ, отказался подчиниться ему и бѣжалъ къ кара-китаемъ, гдѣ правила дочь перваго гурхана и ея мужъ Фума. Съ ихъ помощью Текешъ безъ битвы занялъ столицу и въ понедѣльникъ 11 декаб. 1172 г. торжественно

вступилъ на престолъ. Султанъ-шаху не помогло заступничество гузовъ; ему пришлось бѣжать сначала къ этимъ кочевникамъ, затѣмъ онъ нашель убѣжище у гурскаго царя.

Названіе Гуръ носила горная область къ востоку отъ Герата и къ югу отъ Гарджистана и Гузгана; нарѣчіе этихъ гурцевъ существенно отличалось отъ хорасанскаго. Еще въ X в. гурцы большею частью оставались язычниками, хотя ихъ область со всѣхъ сторонъ была окружена мусульманскими владѣніями.

Завоевавъ Гуръ, газневиды оставили здѣсь туземную династію. Въ половинѣ XII в. гурскіе султаны, подобно хорезмъ-шахамъ, воспользовались упадкомъ могущества Сельджукидовъ и Газневидовъ. Въ событіяхъ, происходившихъ въ Хорасанѣ послѣ взятія въ плѣнъ Санджара, приняли участіе также владѣтели Гура. Вскорѣ послѣ этого брата Гіясъ-ед-динъ и Шихабъ-ед-динъ подняли свое государство на степень міровой державы. Газна окончательно перешла во власть Гуридовъ въ 1173—4 г. Дядя этихъ братьевъ владѣль Баміаномъ, Тохаристаномъ, Шугнаномъ и другими областями до Болора; его сынъ, по Джузджани, завладѣль Саганіаномъ и Вахшемъ, т. е. перешель Аму-дарью. Въ 1175—6 г. Гуриды заняли Гератъ, послѣ чего и въ Хорасанѣ сдѣлались соперниками хорезмъ-шаховъ, предъ которыми имѣли нѣкоторыя преимущества: кромѣ своей тюркской гвардіи, они могли опираться также на воинственныхъ горцевъ своей родной земли; они были единственными независимыми и сильными государями въ восточной части мусульманской Азіи; на нихъ естественно должны были обратить взоры мусульмане Хорасана и Мавераннагра, послѣ того какъ исчезла надежда на помощь со стороны запада. Только благодаря искусной политикѣ хорезмійскаго правительства и личнымъ дарованіямъ государей борьба кончилась въ пользу хорезмъ-шаховъ.

Возвышеніе послѣ паденія сельджукской имперіи Гуридовъ и хорезмъ-шаховъ объясняется географическими и этнографическими свойствами ихъ владѣній, представлявшихъ въ обоихъ отношеніяхъ самостоятельное цѣлое.

Вслѣдствіе высокомерія и вымогательствъ кара-китайскихъ правителей Текешъ не могъ съ ними ужиться;

этимъ обстоятельствомъ воспользовался Султанъ-шахъ и при помощи Фума неудачно попытался свергнуть своего брата, но за то имѣлъ успѣхъ въ Хорасанѣ, гдѣ овладѣлъ Мервомъ, Серахсомъ и Тусомъ.

Историки ничего не говорятъ о событіяхъ слѣдующихъ лѣтъ. Судя по нѣкоторымъ документамъ, Текешъ въ это время велъ войну съ братомъ въ Хорасанѣ, которая мѣшала осуществленію свиданія между нимъ и гурскимъ султаномъ; завязались мирныя сношенія съ кипчаками, отряды которыхъ приходили на службу въ Хорезмъ и князья которыхъ породнились съ хорезмъ-шахами; былъ совершенъ походъ въ Мавераннагръ и взята Бухара; лѣтомъ 1183 г. Текешъ снова предпринялъ походъ въ Хорасанъ: событія въ это время приняли неблагоприятный для Гіясъ-ед-дина оборотъ, и хорезмъ-шахъ думалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы обезпечить за собой первенство въ восточной части мусульманскаго міра.

Въ маѣ или іюнѣ 1187 г. Текешъ взялъ Нишапуръ, выйдя побѣдителемъ изъ борьбы, начавшейся послѣ смерти Туганъ-шаха и восшествія на престолъ его сына Санджаръ-шаха. Въ 1193 г., по смерти Султанъ-шаха, Текешъ завладѣлъ и Мервомъ и назначилъ туда намѣстника старшаго сына, Меликъ-шаха, бывшаго намѣстника Дженда и Нишапура, а намѣстникомъ Нишапура назначилъ другого сына, Мухаммеда.

Еще прежде, въ 1192 г., Текешъ имѣлъ случай вмѣшаться въ дѣла Зап. Персіи. Новый походъ произошелъ въ 1194 г. Энергичныя попытки халифа Насира расширить свое небольшое владѣніе привели къ столкновенію между нимъ и сельджукскимъ правительствомъ. Насиръ обратился за помощію къ Текешу. Сельджукскій султанъ Тогруль былъ разбитъ хорезмъ-шахомъ около Рея и послѣ храбраго сопротивленія палъ въ битвѣ. Текешъ подчинилъ себѣ Рей и Хамаданъ. Правительство халифа скоро убѣдилось, что хорезмъ-шахи будутъ для него такими же опасными противниками, какъ прежде сельджукскіе султаны. Халифъ требовалъ, чтобы Текешъ очистилъ З. Персію; хорезмъ-шахъ отвѣтилъ, что его владѣнія, даже со включеніемъ Ирака, недостаточны для содержанія его многочисленнаго войска и что поэтому онъ проситъ халифа уступить ему еще Хузистанъ. По

Ибнъ-аль-Асиру, Текешъ, какъ 'впослѣдствіи его сынъ Мухаммедъ, требоваль, чтобы въ самомъ Багдадѣ была введена хутба на его имя. Таково было начало вражды между Аббасидами и хорезмъ-шахами, оказавшейся потомъ одной изъ причинъ гибели обѣихъ династій. Въ моментъ смерти Текеша преобладаніе въ Иракѣ принадлежало Хорезму, но послѣ полученія извѣстія объ этомъ событіи жители произвели возстаніе и перебили всѣхъ находившихся въ области хорезмійскихъ воиновъ.

Текешъ умеръ 3 іюля 1200 г. Ему удалось значительно увеличить могущество своей династіи; но уже при немъ было положено начало тѣмъ сторонамъ государственной жизни Хорезма, которыя оказались столь губительными для его сына. Находясь въ открытой враждѣ съ халифомъ, хорезмъ-шахи не могли опираться на авторитетъ духовенства; принявъ къ себѣ на службу кипчакскихъ князей и вступивъ съ ними въ родство, Текешъ создалъ сильное военное сословіе, которое способствовало его военнымъ успѣхамъ, но уже при его жизни оказалось очень ненадежнымъ въ борьбѣ со степными врагами. Подъ главенствомъ такой умной женщины, какъ Турканъ-хатунъ, жены Текеша и матери Мухаммеда, вліяніе этой военной аристократіи скоро пошатнуло авторитетъ престола; кипчаки могли безпрепятственно опустошать занятая земли, хотя бы они явились туда въ качествѣ освободителей, и дѣлать имя своего государя предметомъ ненависти населенія.

Старшій сынъ Текеша, Меликъ-шахъ, умеръ еще при жизни отца; на престолъ вступилъ Мухаммедъ, получившій по смерти отца прозваніе Ала-ад-динъ. Пользуясь смертью Гіясъ-ед-дина, онъ не только вернулъ себѣ отъ гурцевъ хорасанскія владѣнія, но и приступилъ къ ихъ расширенію, разграбивъ Багдадъ и взявъ контрибуцію съ Герата (1204 г.).

Вернувшійся въ это время изъ Индіи Шихабъ-ед-динъ пошелъ съ войскомъ прямо на Хорезмъ и осадилъ Гурганджъ. Городъ былъ спасенъ, по Джувейни, благодаря храбрости жителей столицы, а по Ауфи, благодаря хитрости царицы Турканъ-хатунъ, напугавшей гурцевъ видомъ многочисленнаго войска, вооруженнаго бумажными шлемами. Гурцы воздержались отъ сраженія. Черезъ недѣлю прибылъ Мухаммедъ всего съ сотней всадниковъ;

постепенно стали стягиваться съ разныхъ сторонъ болѣе многочисленныя отряды, и городъ былъ спасенъ.

Пришедшіе на помощь Мухаммеду кара-китаи преслѣдовали разбитыхъ хорезмъ-шахомъ при Хазараспѣ гурцевъ до Андхуда, гдѣ Шихабъ-ед-динъ долженъ былъ запереться. Кара-китаи позволили гурцамъ вернуться отсюда въ свои владѣнія и только взяли съ нихъ выкупъ.

По возвращеніи въ Газну Шихабъ-ед-динъ заключилъ съ Мухаммедомъ миръ и думалъ только о томъ, какъ отомстить кара-китаямъ. Въ тоже время на немъ, какъ на „султанѣ ислама“, лежалъ долгъ освободить Мавераннагръ отъ ига невѣрныхъ Тщетно халифъ Насиръ убѣждалъ султана сначала покончить съ хорезмъ-шахомъ и даже заключить для этого союзъ съ кара-китаями, т. е. предлагалъ ему тотъ самый планъ, который уже въ слѣдующемъ году былъ осуществленъ Мухаммедомъ. Лѣтомъ того же 1205 г. намѣстникъ Балха по приказанію своего султана взялъ Тармизъ. Дальнѣйшія дѣйствія были отсрочены походомъ въ Индію съ цѣлью поправить „дѣла казны и войска“. Весной 1206 г. Шихабъ-ед-динъ вернулся въ Газну и сталъ рѣшительно готовиться къ походу на Мавераннагръ, но 13 марта 1206 г. неожиданно погибъ отъ руки убійцы.

Шихабъ-ед-динъ былъ послѣднимъ изъ мусульманскихъ владѣтелей, которые могли соперничать съ хорезмъ-шахами. При новомъ главѣ династіи, Гіясъ-ед-динѣ Махмудѣ, Мухаммедъ съ помощью кара-китаевъ занялъ Тармизъ и въ декабрѣ 1206 г. торжественно въѣхалъ въ Гератъ. Гіясъ-ед-динъ Махмудъ остался правителемъ Гура, но и здѣсь долженъ былъ признать себя вассаломъ хорезмъ-шаха.

Въ январѣ 1207 г. хорезмъ-шахъ вернулся въ свою столицу, достигнувъ завѣтной цѣли своей династіи — первенства среди восточно-мусульманскихъ владѣтелей. При такихъ обстоятельствахъ онъ не могъ оставаться вассаломъ невѣрныхъ кара-китаевъ и уже для поддержанія своего авторитета долженъ былъ принять на себя роль освободителя мусульманъ. Обстоятельства были благоприятны для него, такъ какъ именно въ это время произошло одно изъ самыхъ обширныхъ въ исторіи мусульманскихъ движеній, охватившее В. Туркестанъ, Семирѣчье, Кульджинскій край и Мавераннагръ.

О событіяхъ, происходившихъ въ Мавераннагрѣ въ концѣ XII в., мы ничего не знаемъ. Судя по монгольскимъ даннымъ, въ это время въ Самаркандѣ правили кара-китайскіе султаны (Ибрагимъ б. Хусейнъ и за нимъ его сынъ Османъ), а въ Бухарѣ династія наслѣдственныхъ хатибовъ и реисовъ, носившихъ титулъ „столповъ міра“ (садръ-джеханъ) причемъ городъ иногда подчинялся ханамъ изъ Караханидовъ.

Разказы Ауфи и Ибнъ-аль-Асира показываютъ, что садры отнюдь не вели жизни отшельниковъ и обладали огромными денежными средствами. Демократическое движеніе, произведенное въ Бухарѣ незадолго до похода хорезмъ-шаха, по всей вѣроятности, было направлено противъ садровъ; глава движенія, сынъ продавца щитовъ, овладѣлъ городомъ и держалъ въ полномъ пренебреженіи „почетныхъ лицъ“.

Въ борьбѣ со своими мятежными мусульманскими васалами кара-китайскіе правители въ началѣ имѣли полный успѣхъ; положеніе измѣнилось только тогда, когда восточную границу имперіи перешли шайки кочевниковъ, вытѣсненныхъ изъ Монголіи Чингизъ-ханомъ; во главѣ ихъ стоялъ Кучлукъ, сынъ послѣдняго хана наймановъ, самаго могущественнаго изъ западно-монгольскихъ племенъ. По однимъ извѣстіямъ Кучлукъ послѣ своего прибытія въ Семирѣчье (около 1209 г.) добровольно явился къ гуръ-хану, по другимъ — былъ взятъ въ плѣнъ кара-китайскими войсками, но сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе гуръ-хана, получилъ отъ него позволеніе собрать разсѣянные отряды и воспользовался этимъ для возстанія противъ своего благодѣтеля ¹⁾. Кучлукъ разграбилъ казну гуръ-хана, хранившуюся въ Узгентѣ. Въ то же время (1210 г.) хорезмъ-шахъ въ союзѣ съ самаркандскимъ ханомъ Османомъ напалъ на кара-китайское войско въ равнинѣ Иламишъ, около Таласа; битва была нерѣшительна, такъ какъ въ обоихъ войскахъ было разбито правое крыло; но предводитель кара-китаевъ Танику

¹⁾ Въ началѣ XIII вѣка непосредственно къ западу отъ Уйгуріи начинались области съ преобладающимъ мусульманскимъ населеніемъ; появленіе въ этихъ областяхъ отрядовъ кочевниковъ могло только усилить броженіе, начавшееся тамъ значительно раньше. Это броженіе было вызвано не только религіозными причинами, но преимущественно упадкомъ кара-китайской имперіи, ослабленіемъ авторитета престола, увеличеніемъ власти отдѣльныхъ вельможъ и произвола сборщиковъ податей.

былъ взять въ плѣнъ мусульманами, и его войско должно было отступить. Подъ вліяніемъ этого успѣха мусульманъ, преувеличеннаго молвой, жители Баласагуна, не сомнѣваясь въ скоромъ прибытіи хорезмъ-шаха, заперли ворота передъ кара-китаями. Тщетно Махмудъ-Бай, богатый мусульманинъ, находившійся на службѣ у гурь-хана, убѣждалъ ихъ покориться. Послѣ шестнадцатидневной осады городъ былъ взятъ и подвергнутъ трехдневному грабежу. Такимъ образомъ надежды семирѣченскихъ мусульманъ на помощь хорезмъ-шаха не оправдались: Мухаммедъ ограничился утвержденіемъ своей власти въ Мавераннагрѣ, гдѣ онъ въ 1211 г. долженъ былъ потоками крови подавить возстаніе Османа и самаркандцевъ.

Кучлукъ также былъ разбитъ кара-китаями около Баласагуна; казна гурь-хана очутилась въ рукахъ кара-китайскаго войска. Когда гурь-ханъ потребовалъ возвращенія этихъ денегъ, то это вызвало военное возстаніе среди самихъ кара-китаевъ, которымъ воспользовался Кучлукъ, чтобы стать во главѣ мятежнаго войска; покинутый всѣми гурь-ханъ долженъ былъ сдаться своему врагу. Кучлукъ оказалъ ему внѣшній почетъ и оставилъ ему престолъ, который онъ продолжалъ занимать еще два года, до своей смерти; но фактически власть всецѣло перешла въ руки Кучлука.

Все это произошло не позже первой половины 1211 г. Около этого времени въ сѣверной части Семирѣчья появился монгольскій отрядъ подъ начальствомъ Хубилай-нойона; Арсланъ-ханъ карлукскій велѣлъ убить кара-китайскаго намѣстника въ Каялыкѣ и призналъ себя подданнымъ Чингизъ-хана.

Въ Кульджинскомъ краѣ во время мусульманскаго движенія образовалось новое владѣніе; мусульманинъ Бузаръ, бывший разбойникъ и конокрадъ, усилился настолько, что могъ овладѣть главнымъ городомъ мѣстности, Алмалыкомъ, гдѣ принялъ титулъ Тогруль-хана. Онъ также призналъ себя вассаломъ Чингизъ-хана.

Начавшаяся въ 1211 г. война монголовъ съ Китаемъ отвлекла ихъ въ другую сторону, такъ что Кучлукъ могъ утвердить свою власть на развалинахъ имперіи гурьхановъ. Прежде всего онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ мусульманскимъ движеніемъ, которымъ онъ прежде

пользовался для своихъ цѣлей. Съ религіозной точки зрѣнія мусульмане такъ же мало могли примириться съ господствомъ Кучлука-идолопоклонника, какъ и съ господствомъ гурхана. Кромѣ того главный вождь мусульманскаго движенія, хорезмъ-шахъ несправедливо обвинялъ Кучлука въ томъ, что онъ воспользовался плодами побѣдъ хорезмійскихъ войскъ надъ кара-китаями и отнялъ у мусульманъ вѣрную добычу. Посольства хорезмъ-шаха къ Кучлуку сопровождались угрозами, которыя, однако, не имѣли никакихъ послѣдствій. Хорезмъ-шахъ не только долженъ былъ оставить въ рукахъ Кучлука восточную часть имперіи гурхановъ, но даже отказался отъ своихъ владѣній на правомъ берегу Сыръ-дарьи (кромѣ нѣкоторыхъ крѣпостей) и самъ опустошилъ ихъ, чтобы они не достались Кучлуку.

Столь же мало Мухаммедъ могъ помѣшать Кучлуку утвердить свою власть въ В. Туркестанѣ. Не предпринимая завоевательнаго похода въ эту область, Кучлукъ три или четыре года производилъ на нее опустошительные набѣги въ періодъ жатвы; разоренные жители наконецъ выразили ему покорность. Въ виду упорнаго сопротивленія мусульманъ, побѣдитель принялъ самыя рѣшительныя мѣры противъ ислама и потребовалъ, чтобы мусульмане приняли или христіанство, или буддизмъ, или по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ отказались отъ своей религіи и носили китайскую одежду. Для достиженія этой цѣли онъ прибѣгъ къ военному постою; воины Кучлука были размѣщены по домамъ мусульманъ и получили самыя широкія права надъ непокорными. Публичное мусульманское богослуженіе и преподаваніе были совершенно прекращены.

Въ сѣверо-восточной части своихъ владѣній Кучлуку удалось взять въ плѣнъ Бузара во время охоты; убивъ своего врага, войско Кучлука осадило Алмалыкъ, но должно было отступить въ виду приближенія монголовъ, движеніе которыхъ на западъ возобновилось въ 1217 г.

Итакъ, исходъ борьбы между самымъ могущественнымъ изъ мусульманскихъ царей и предводителемъ кочевниковъ былъ не въ пользу перваго. Болѣе удачны были дѣйствія Мухаммеда противъ другого степного врага, кипчаковъ. Сыгнакское владѣніе было присоединено къ государству хорезмъ-шаха. Изъ Дженда Мухаммедъ пред-

принималъ походы на сѣверъ противъ кипчаковъ, жившихъ въ киргизскихъ степяхъ; во время одного изъ такихъ походовъ произошло его первое, совершенно случайное столкновение съ войскомъ Чингизъ-хана. Это войско, въ которомъ находился старшій сынъ Чингиза, Джучи, преслѣдовало мергитовъ, бѣжавшихъ въ страну кипчаковъ. Наиболье вѣроятно, что походъ султана въ Тургайскую область былъ начать зимой 1215—6 г. и что столкновение его съ монголами произошло лѣтомъ 1216 г. По Несеви султанъ съ 10.000 арміей достигъ поля битвы, гдѣ были въ тотъ же самый день истреблены монголами мергиты; султанъ рѣшилъ преслѣдовать побѣдителей и настигъ ихъ на разсвѣтъ слѣдующаго дня. Джучи и другіе монгольскіе военачальники не хотѣли вступать въ битву, ибо Чингизъ-ханъ послалъ ихъ только противъ мергитовъ; султанъ отвѣтилъ, что считаетъ своими врагами всѣхъ невѣрныхъ и заставилъ монголовъ принять битву, исходъ которой былъ нерѣшителенъ. Правымъ крыломъ мусульманъ начальствовалъ старшій сынъ Мухаммеда, Желалъ-ед-динъ, храбрость котораго спасла мусульманъ отъ пораженія. Подъ прикрытіемъ ночи монголы отступили. Ихъ храбрость произвела на султана сильное впечатлѣніе и была одной изъ причинъ, почему онъ впослѣдствіи не рѣшился встрѣтить ихъ въ открытомъ полѣ.

Среди мусульманскихъ правителей султанъ не имѣлъ соперниковъ. Къ 1215 г. онъ окончательно присоединилъ къ своему государству всѣ бывшія владѣнія Гуридовъ и поставилъ во главѣ ихъ Желалъ-ед-дина. Въ то время какъ султанъ оставался въ Мавераннагрѣ, которому угрожало нашествіе кочевниковъ, его полководцы подчинили его власти почти всю Персію; даже въ отдаленномъ Оманѣ хутба читалась на имя Мухаммеда. Первую и единственную крупную неудачу на западѣ Мухаммедъ потерпѣлъ тогда, когда потребовалъ отъ халифа хутбы на свое имя въ Багдадѣ, т. е. чтобы халифъ отказался отъ своей свѣтской власти въ пользу хорезмъ-шаха, какъ нѣкогда въ пользу Буидовъ и Сельджукидовъ. Багдадское правительство отвѣтило рѣшительнымъ отказомъ.

По Джувейни султанъ не хотѣлъ, чтобы о немъ говорили, будто онъ „ради своихъ властолюбивыхъ стремленій совершилъ нападеніе на имама, присяга которому

составляетъ одну изъ основъ ислама, и бросилъ на вѣтеръ свою вѣру“; поэтому ему надо было придумать болѣе благовидный предлогъ для войны, чѣмъ вопросъ о хутбѣ. Въ такихъ предлогахъ не было недостатка; стремясь укрѣпить свой престолъ, халифъ Насиръ былъ такъ же неразборчивъ въ средствахъ, какъ самъ Мухаммедъ. Халифъ сблизился съ главой исмаилитовъ, получилъ отъ него нѣкоторыхъ „фидаи“ и воспользовался ими для устранения враждебныхъ ему лицъ. Наконецъ хорезмъ-шахъ объявилъ, что въ Газнѣ во время взятія города (1215 г.) были найдены документы, изъ которыхъ было видно, что халифъ постоянно подстрекалъ Гуридовъ противъ Мухаммеда. Султану удалось получить отъ „имамовъ своихъ владѣній“ фетву на низложение Насира. Султанъ объявилъ Насира низложеннымъ, отмѣнилъ упоминаніе его имени въ хутбѣ и на монетахъ и провозгласилъ халифомъ сеида Ала-аль-мулька Тармизи. Такимъ образомъ походу хорезмъ-шаха на Багдадъ былъ приданъ характеръ законности. Мухаммедъ въ 1217 г. возстановилъ свою власть въ Персіи, но зимой того же года отрядъ, посланный имъ изъ Хамадана на Багдадъ, былъ застигнутъ снѣжными буранами въ горахъ Курдистана и понесъ огромныя потери; остатки его были почти истреблены курдами; только небольшая часть отряда вернулась къ Мухаммеду.

Престижу хорезмъ-шаха былъ нанесенъ жестокій ударъ, тѣмъ болѣе, что народъ долженъ былъ видѣть въ этой катастрофѣ наказаніе свыше за святотатственный походъ.

На народные массы въ XII в. еще въ большей степени, чѣмъ прежде, смотрѣли, какъ на рабочую силу, которую слѣдуетъ держать въ повиновеніи. Наемное войско, поэтому, составляло единственную опору престола хорезмъ-шаховъ, и государь въ собственныхъ интересахъ долженъ былъ отдать ему предпочтеніе передъ гражданскими элементами. Судя по дошедшимъ до насъ официальнымъ документамъ, въ государствѣ хорезмъ-шаховъ существовали тѣ же главныя должности, какъ въ сельджукской имперіи, именно должности везира, казія и мустауфи. Продолжала существовать и система военныхъ леновъ.

Султанъ до похода на Багдадъ въ общемъ исполнялъ

всѣ желанія своей матери. Такъ, по желанію Турканъ-хатунъ онъ назначилъ везиремъ одного изъ ея гулямовъ съ титуломъ Низамъ-уль-мулькъ и Насиръ-ад-динъ, а наслѣдникомъ престола младшаго своего сына Кутбъ-ад-дина Озлагъ-шаха, мать котораго была единоплеменницей Турканъ-хатунъ. Озлагъ-шахъ былъ назначенъ правителемъ Хорезма, Хорасана и Мазандерана; настоящей правительницей этихъ областей оставалась Турканъ-хатунъ. Рѣзкое столкновение между султаномъ и его матерью произошло послѣ его возвращенія изъ Ирака. Везиря Низамъ-уль-мулька Мухаммедъ обвинилъ въ неспособности и лихоимствѣ, низложилъ его и отправилъ въ Хорезмъ. По приказанію Турканъ-хатунъ въ присутствіи всего дивана было объявлено, что султанъ утверждаетъ Низамъ-уль-мулька въ должности везира наслѣдника престола. Султанъ съ этимъ долженъ былъ помириться, изъ чего видно, что въ областяхъ, находившихся подъ управленіемъ Турканъ-хатунъ, власть Мухаммеда фактически не признавалась.

Въ своихъ непосредственныхъ владѣніяхъ хорезмъ-шахъ послѣ низложенія везира не возстановилъ значенія бюрократіи, замѣнивъ должность везира коллегіей изъ шести векилей двора. Трудно сказать, чѣмъ руководствовался Мухаммедъ при этой смѣлой реформѣ, противной традиціямъ бюрократіи. По Несеви народъ теперь жалѣлъ о времени Низамъ-уль-мулька, такъ какъ „удовлетворить одного всетаки легче, чѣмъ удовлетворить шестерыхъ“.

Такимъ образомъ восточно-мусульманскій политическій строй, созданный Аббасидами и получившій дальнѣйшее развитіе при Тахирадахъ и Саманидахъ, теперь дошелъ до полного разложенія. У бюрократіи было отнято всякое значеніе; военное сословіе, во главѣ котораго стояла мать государя, находилось въ открытой враждѣ съ носителемъ верховной власти; духовенство едва ли могло простить хорезмъ-шаху вынужденную фетву противъ халифа; народъ, освобожденный Мухаммедомъ отъ ига невѣрныхъ, возсталъ противъ своихъ освободителей и былъ усмиренъ потоками крови. Итакъ, Мухаммедъ не могъ опираться ни на одинъ элементъ правительственной системы и ни на одинъ классъ населенія. Понятенъ исходъ борьбы между такимъ государствомъ и свѣжими

силами кочевниковъ, объединенными въ это время однимъ изъ геніальнѣйшихъ организаторовъ всѣхъ временъ.

Монголы.

Быстрое образованіе обширной кочевой имперіи—явленіе, часто повторявшееся въ исторіи Ср. Азіи. Вслѣдствіе условій кочевой жизни движеніе, вызванное различными причинами, главнымъ образомъ экономическаго свойства, въ короткое время могло охватить цѣлый рядъ народовъ и распространиться на много тысячъ верстъ, останавливаясь только предъ непреодолимыми препятствіями. Успѣхи борьбы съ встрѣчными преградами и вмѣстѣ съ тѣмъ границы кочевой имперіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлялись количествомъ военныхъ силъ кочевниковъ, степенью энергіи и дарованій ихъ предводителей и степенью могущества тѣхъ политическихъ организацій, которыя имъ приходилось встрѣчать на пути.

Насколько извѣстно, только три такія имперіи простирались одновременно на восточную и западную части Ср. Азіи: имперія хунновъ во II в. до Р. Хр., имперія тюрковъ въ VI в. и имперія монголовъ въ XIII в. нашей эры.

Монгольское нашествіе разрушило цѣлый рядъ культурныхъ государствъ на всемъ пространствѣ Азіи, и имперія монголовъ своею обширностью превосходитъ всѣ до сихъ поръ существовавшія государства въ мірѣ.

Монгольскій или, какъ онъ самъ себя называлъ въ то время, татарскій народъ раздѣлялся на множество племенъ, среди которыхъ китайцы различали три группы по степени ихъ культурности: бѣлыхъ, черныхъ и дикихъ татаръ. Первые, жившіе въ южной Монголіи, около китайской стѣны, наиболѣе были проникнуты вліяніемъ китайской цивилизаціи. Черные татары, занимавшіе большую часть нынѣшней Монголіи, не находились подъ непрерывнымъ дѣйствіемъ культурныхъ народовъ, представители которыхъ проникали въ эту страну только въ качествѣ купцовъ. Дикіе татары большею частью вели бродячій образъ жизни въ лѣсахъ нынѣшней Забайкальской области и сѣверо-западной Монголіи.

На берегахъ Онона, на границѣ владѣній черныхъ и дикихъ татаръ, около 1155 г. родился Темучинъ. Ки-

тайцы причисляютъ его къ чернымъ татарамъ; по монгольскому преданію Темучинъ происходилъ изъ рода кыіотъ, принадлежавшаго къ тайджіютамъ, одному изъ лѣсныхъ племенъ. Отецъ Темучина, по Менъ-хуну, былъ простымъ десятникомъ, по монгольскому преданію—стоялъ во главѣ чуть-ли не всѣхъ монгольскихъ племенъ.

Каково бы ни было положеніе отца Темучина среди тайджіютовъ, послѣ его смерти его малолѣтніе сыновья были оставлены всѣми и нѣкоторое время вели вмѣстѣ со своей матерью (изъ бѣлыхъ татаръ) самую жалкую жизнь. Но смутное время благопріятствуетъ возвышенію даровитыхъ личностей; подвиги Темучина, можетъ быть также память о военной славѣ его отца, привлекли къ нему нѣсколько молодыхъ людей знатнаго происхожденія.

Во время малолѣтства Темучина было сокрушено могущество рода Монголь, усилившагося въ XII в. и нѣкоторое время казавшагося опаснымъ даже для манджурской династіи Цзинь, т. е. „Золотой“. Противъ монголовъ цзиньцы вооружили буирь-норскихъ татаръ; но послѣ уничтоженія общихъ враговъ татары, какъ всегда было въ степи, не замедлили стать во враждебныя отношенія къ своимъ бывшимъ союзникамъ и возобновили нападенія на Китай. Цзиньцы вооружили теперь противъ нихъ другихъ кочевыхъ владѣтелей, изъ которыхъ самымъ могущественнымъ былъ Тогруль, ханъ христіанскихъ кераитовъ.

Темучинъ со своими приверженцами присоединился къ нему и былъ его дѣятельнымъ помощникомъ въ борьбѣ съ буирь-норскими татарами, съ найманами, владѣвшими З. Монголіей, и съ мергитами, господствующимъ народомъ въ Забайкальѣ.

Первымъ лицомъ въ В. Монголіи теперь сдѣлался кераитскій ханъ, получившій отъ китайскаго императора титулъ вана, т. е. царя. Довольствуясь внѣшней покорностью Темучина, онъ не препятствовалъ его дальнѣйшему возвышенію и далъ согласіе даже тогда, когда Темучинъ объявилъ себя преемникомъ монгольскихъ кагановъ, возстановилъ названіе рода Монголь и принялъ ханскій титулъ. Темучинъ былъ возведенъ на престолъ группой аристократовъ, среди которыхъ былъ и Алтанъ, сынъ послѣдняго изъ монгольскихъ кагановъ.

Въ то время, какъ степная аристократія провозгласила своимъ предводителемъ Темучина, простой народъ, искавшій не богатства и славы, а дневного пропитанія, сплотился вокругъ Чжамухи, одного изъ начальниковъ племени Джаджиратъ.

Темучинъ и Чжамуха въ дѣтствѣ заключили между собой союзъ тѣсной дружбы и считались аньдами, т. е. названными братьями.

Темучина провозгласили ханомъ богатыри различныхъ племенъ; вокругъ Чжамухи въ 1201 г. собрались улусы, не желавшіе подчиниться ни Темучину, ни Ванъ-хану кераитскому. Чжамуха принялъ титулъ гурхана, принадлежавшій кара-китайскому императору.

Демократическое движеніе было подавлено, и предводитель его сталъ вести жизнь искателя приключеній; но вскорѣ произошли раздоры среди самой аристократіи. На сторонѣ Темучина оставались его первые приверженцы, возвысившіеся вмѣстѣ съ нимъ; но Алтанъ и другія лица, которыя по происхожденію были знатнѣе Темучина и добровольно уступили ему свое первенство, теперь почувствовали себя обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ; такой человекъ, какъ Темучинъ, не могъ править иначе, какъ самовластно. Положеніе Темучина нѣкоторое время было очень трудно; съ небольшою кучкою приверженцевъ онъ долженъ былъ удалиться къ озеру Балджуна, около низовьевъ Аргуна, гдѣ терпѣлъ большія лишения. Не безъ хитрости и вѣроломства Темучину удалось и изъ этой борьбы выйти побѣдителемъ; Ванъ-ханъ и его сыновья бѣжали въ страну наймановъ, гдѣ были убиты, и въ В. Монголіи Темучинъ уже не имѣлъ соперниковъ.

Чжамуха сдѣлалъ попытку вооружить противъ Темучина западныхъ монголовъ, наймановъ; со своей стороны найманскій ханъ предложилъ союзъ противъ Темучина онгутамъ, т. е. бѣлымъ татарамъ, которые однако предпочли добровольно покориться правителю В. Монголіи. Силы наймановъ чрезъ нѣсколько лѣтъ были сокрушены; Чжамуха сдѣлался атаманомъ разбойничей шайки и наконецъ былъ выданъ собственными людьми Темучину.

Послѣ разгрома наймановъ и плѣненія Чжамухи объединеніе монгольскаго народа и образованіе имперіи Чингизъ-хана могло считаться совершившимся фактомъ. Официальное преданіе относитъ торжественное восше-

ствіе Темучина на престолъ и принятіе имъ титула Чингизъ-хана къ 1206 г., когда, по богатырскому сказанію, Темучинъ „водрузилъ знамя съ девятью бѣлыми хвостами и возсѣлъ царемъ“. Тогда же получила окончательное устройство личная гвардія Чингизъ-хана, составлявшая главную опору его власти.

Такимъ образомъ, Чингизъ-ханъ не былъ „народнымъ вождемъ“ въ настоящемъ значеніи этого слова, и созданный имъ государственный строй носилъ строго-аристократическій характеръ.

Гвардію Чингизъ-хана составляли: 1000 кэбтэутовъ (ночная стража), 1000 тургэутовъ (дневная стража), 1000 хорчи (стрѣльцы), личную дружину хана составляла „тысяча храбрыхъ“ (бахадуровъ), въ военное время служившая авангардомъ, въ мирное—частью придворной стражи. По образцу этой тысячи въ 1206 г. было сформировано еще 6000, такъ что составъ гвардіи равнялся 10.000 человекъ. Гвардія была подчинена строгой дисциплинѣ, но съ другой стороны пользовалась большими привилегіями; такъ, начальники гвардіи не имѣли права самовольно наказывать своихъ подчиненныхъ и должны были обо всѣхъ ихъ проступкахъ доносить хану.

Изъ гвардіи Чингизъ-хана вышло большинство его военачальниковъ; такимъ образомъ, благодаря этому учрежденію, начальство надъ военными силами на всемъ пространствѣ имперіи находилось въ рукахъ людей, лично испытанныхъ ханомъ.

Народныя массы должны были быть только орудіемъ въ рукахъ избранниковъ Чингизъ-хана.

Высшую аристократію въ имперіи составляли князья, нойоны. Титулъ „великаго нойона“ носилъ младшій сынъ Чингиза, Тулуй, главный помощникъ отца въ военныхъ дѣйствіяхъ. Военная аристократія носила, какъ у тюрковъ, названіе тархановъ.

Во главѣ войска, какъ у всѣхъ кочевыхъ народовъ, задолго до Чингизъ-хана, стояли десятники, сотники, тысячники и темники. При Чингизъ-ханѣ было три главныхъ темника: одинъ стоялъ во главѣ лѣвой, восточной стороны; другой — во главѣ правой, западной; третій во главѣ „средней рати“.

Точныя правила были установлены для царской охоты, которая въ монгольскихъ государствахъ была не только

забавой, но прежде всего источником продовольствія; кромѣ того, она имѣла значеніе маневровъ.

Съ большими трудностями было сопряжено устройство гражданскаго управленія. Монголы Чингизъ-хана находились на очень низкой степени культуры даже по сравненію со своими соплеменниками, кераитами и найманами; оттого, тотчасъ послѣ объединенія Монголіи, явилась необходимость сдѣлать заимствованія у покоренныхъ народовъ.

Первыми представителями культуры при дворѣ Чингизъ-хана (еще до 1203 г.), о которыхъ до насъ дошли свѣдѣнія, были мусульманскіе купцы. Письменное производство возникло въ государствѣ Чингизъ-хана послѣ покоренія наймановъ (1206 г.); уйгуръ—хранитель печати найманскаго хана занялъ ту-же должность при дворѣ Чингизъ-хана; ему-же было поручено обучать уйгурской грамотѣ сыновей хана.

Такимъ образомъ первыми учителями монголовъ и первыми чиновниками монгольской имперіи были уйгуры. Несомнѣнно, что цивилизація начала проникать въ Притяньшань очень рано и съ разныхъ сторонъ: изъ Китая, Индіи (буддизмъ) и Туркестана (манихеи и несториане); но отсутствіе внѣшней безопасности не позволяло уйгурамъ воспользоваться уроками своихъ учителей для образованія прочной національной культуры.

Чингизъ-ханъ и его ближайшіе преемники не подчинялись всецѣло вліянію своихъ культурныхъ совѣтниковъ, но видѣли въ нихъ только орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Первымъ послѣдствіемъ принятія уйгурской письменности была кодификація монгольскаго обычнаго права (яса), которое вмѣстѣ съ изреченіями Чингизъ-хана (биликъ) долго оставалось для монгольскихъ государей высшимъ авторитетомъ.

Не смотря на свое сближеніе съ представителями культуры, Чингизъ-ханъ остался вѣрнымъ шаманистомъ; устроивъ военное и гражданское управленіе, онъ замѣстилъ также должность бики (повидимому, первосвященникъ, высшій религіозный авторитетъ).

Подчиняясь народному обычаю, Чингизъ-ханъ еще при жизни назначилъ удѣлы своимъ сыновьямъ и другимъ родичамъ. Первымъ былъ выдѣленъ старшій сынъ, Джучи; отецъ подарилъ ему „лѣсные народы“ между Се-

ленгой и Енисеемъ и въ бассейнѣ послѣдняго, покоренные въ 1207—8 г. Повидимому, монгольскій обычай не только требовалъ, чтобы коренныя владѣнія отца перешли къ младшему сыну, но также, чтобы степень отдаленности удѣла каждаго сына соответствовала его возрасту. О томъ, когда были выдѣлены два другихъ сына, Джагатай и Угедей, мы не имѣемъ свѣдѣній. Въ 1221 г. орда Джагатая уже находилась къ югу отъ Или. По Джувейни юртъ Угедея при жизни его отца находился въ предѣлахъ Эмиля и Кобука; въ составъ его юрта входилъ также, по даннымъ Рашидъ-ед-дина, бассейнъ верхняго Иртыша.

Уже въ 1211 г. монгольскіе отряды доходили на западъ до Семирѣчья и присоединили къ монгольской имперіи сѣверную часть этой области; но въ томъ же году началась война съ Китаемъ, заставившая Чингизъ-хана оставить въ покоѣ бѣжавшихъ на западъ наймановъ и мергитовъ. Въ 1215 г. былъ взятъ Пекинъ.

Богатства Китая всегда были предметомъ увлеченія мусульманъ. Естественно, что послѣ побѣды надъ гурханомъ хорезмъ-шахъ сталъ мечтать о завоеваніи Китая; въ это время до него дошли слухи, что его предупредилъ монгольскій завоеватель. Желаніе провѣрить эти слухи и получить подробныя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ силахъ завоевателя было, по Джузджани, причиной отправленія хорезмъ-шахомъ посольства къ Чингизъ-хану.

Чингизъ-ханъ милостиво принялъ пословъ и велѣлъ передать хорезмъ-шаху, что считаетъ его владыкой запада, какъ себя—владыкой востока, и желаетъ, чтобы между ними были миръ и дружба и чтобы купцы свободно переѣзжали изъ одной страны въ другую.

Торговля съ осѣдлыми народами всегда имѣла большое значеніе для кочевниковъ, преимущественно ради одежды. Интересы Чингизъ-хана въ этомъ случаѣ вполне совпадали съ интересами мусульманскихъ капиталистовъ. Подобной гармоніи не было между политическими стремленіями Мухаммеда и интересами купцовъ его государства. Отправляя посольство къ Чингизъ-хану, хорезмъ-шахъ хотѣлъ только получить достовѣрныя свѣдѣнія объ этомъ завоевателѣ, въ которомъ видѣлъ опаснаго врага, и не имѣлъ въ виду коммерческихъ интересовъ своихъ подданныхъ, хотя эти интересы были очень значительны.

Въ началѣ XIII в. сухопутная торговля съ Китаемъ получила еще большее значеніе, чѣмъ прежде, такъ какъ морская торговля была затруднена ссорой между владѣтелями двухъ гаваней въ Персидскомъ заливѣ, Ормуза и Киша; каждый изъ нихъ препятствовалъ купцамъ отправляться изъ гавани другого. Кромѣ того, послѣ походовъ Мухаммеда на кипчаковъ и присоединенія сѣверной части Семирѣчья къ монгольской имперіи, государство хорезмъ-шаха стало непосредственно граничить съ государствомъ Чингизъ-хана, причемъ оба завоевателя, особенно послѣдній, заботились объ установленіи безопасности въ своихъ владѣніяхъ. При такихъ условіяхъ купцы владѣній Мухаммеда естественно должны были сдѣлать попытку проникнуть въ Монголію сѣвернымъ путемъ, минуя принадлежавшій Кучлуку В. Туркестанъ.

Подробныя свѣдѣнія объ этомъ караванѣ сообщаетъ Джувейни. Во главѣ его стояли трое купцовъ. Монголы въ это время оказывали почетъ мусульманамъ и съ этой цѣлью ставили для нихъ шатры изъ бѣлаго войлока; только въ послѣдствіи мусульмане, по собственной винѣ, лишились этого уваженія.

Въ отвѣтъ на посольство хорезмъ-шаха Чингизъ-ханъ также отправилъ на западъ посольство и торговый караванъ. Весной 1218 г. хорезмъ-шахъ, принялъ это посольство въ Мавераннагрѣ. Послы передали ему, что Чингизъ-ханъ слышалъ о его побѣдахъ и его могуществѣ, предлагаетъ ему мирный договоръ и ставитъ его „наравнѣ съ самымъ дорогимъ изъ своихъ сыновей“. Въ слѣдующую ночь хорезмъ-шахъ призвалъ къ себѣ отдѣльно отъ другихъ пословъ Махмуда хорезмійскаго, объявилъ ему, что онъ, какъ хорезміецъ долженъ служить интересамъ своей родины, сообщить ему всю правду о Чингизъ-ханѣ и въ послѣдствіи оставаться шпиономъ хорезмъ-шаха при дворѣ хана. Изъ страха предъ Мухаммедомъ, Махмудъ выразилъ согласіе. Удовлетворившись слѣдующими отвѣтами посла, хорезмъ-шахъ согласился на мирный договоръ съ Чингизъ-ханомъ.

Отправившійся изъ Монголіи, одновременно съ посольствомъ, караванъ прибылъ въ пограничный городъ владѣній Мухаммеда, Отраръ, вскорѣ послѣ отъѣзда пословъ изъ страны. Всѣ купцы были задержаны въ Отрарѣ и убиты въ качествѣ шпионовъ, по приказанію на-

мѣстника Иналчика, родственника Турканъ-хатунъ. О степени отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ Мухаммеда существуютъ противорѣчивыя извѣстія. Ни одинъ изъ источниковъ не говоритъ, что купцы своимъ поведеніемъ дали какой-нибудь основательный поводъ къ жалобамъ. По всей вѣроятности, купцы погибли жертвой жадности намѣстника и подозрительности султана. Посольство хорезмъ-шаха къ Чингизъ-хану, какъ мы видѣли, было отправлено только для развѣдокъ; естественно, что Мухаммедъ и со стороны монгольскаго каравана предполагалъ ту же цѣль.

Чингизъ-ханъ и тутъ обнаружилъ свою всегдашнюю сдержанность и самообладаніе. Къ хорезмъ-шаху прибылъ еще посольство Чингизъ-хана въ сопровожденіи двухъ татаръ; посольство должно было упрекнуть отъ имени своего государя хорезмъ-шаха за его вѣроломный поступокъ и потребовать выдачи Иналчика. Хорезмъ-шахъ не только не исполнилъ требованія, но велѣлъ убить посла; его спутники были отпущены съ обрѣзанными бородами. Такимъ образомъ походъ Чингизъ-хана на владѣнія хорезмъ-шаха сдѣлался неизбѣжнымъ. Поступокъ хорезмъ-шаха, даже съ точки зрѣнія современнаго международнаго права, далъ Чингизъ-хану болѣе чѣмъ достаточный поводъ для войны; едва-ли поэтому слѣдуетъ придавать значеніе извѣстію, будто монголовъ призвалъ противъ хорезмъ-шаха халифъ Насиръ.

Готовясь отомстить хорезмъ-шаху, Чингизъ-ханъ прежде всего долженъ былъ покончить съ Кучлукомъ; противъ него былъ отправленъ Чжэбэ-нойонъ со значительнымъ отрядомъ. Прежде всего онъ утвердилъ власть монголовъ въ Алмалыкѣ, который въ то время былъ осажденъ Кучлукомъ. Кучлукъ отступилъ, монголы вступили въ городъ и передали область сыну Бузара, Сукнакъ-тегину, за котораго была выдана дочь Джучи.

Изъ разсказа Чанъ-Чуня мы знаемъ, что въ Алмалыкѣ въ 1221 г. рядомъ съ туземнымъ владѣтелемъ былъ монгольскій дарухачи, т. е. представитель главы имперіи. По китайской исторіи на дарухачи впослѣдствіи лежали слѣдующія обязанности: 1) перепись жителей; 2) наборъ войска изъ туземцевъ; 3) устройство почтовыхъ сообщеній; 4) собираніе податей; 5) доставленіе ко двору дани. Такимъ образомъ дарухачи былъ военнымъ начальникомъ

и сборщикомъ податей, онъ же доставлялъ свѣдѣнія центральному правительству.

Нѣтъ извѣстій, по какой дорогѣ монголы проникли изъ Кульджинскаго края въ Кашгарію и былъ ли отправленъ отрядъ въ Семирѣчье. Судя по одному разсказу китайской исторіи, монголы должны были изъ Кульджинскаго края вступить въ Семирѣчье и уже оттуда вторглись въ Кашгарію. Столица Семирѣчья, Баласагунъ, была взята безъ сопротивленья, такъ какъ получила монгольское названіе Гобалыкъ, т. е. хорошій городъ. Въ Кашгаріи Чжэбэ издалъ приказъ, по которому мусульманамъ было возвращено право публичнаго богослуженія, отнятое Кучлукомъ. Жители привѣтствовали монголовъ, какъ освободителей отъ жестокаго гоненія, и въ короткое время перебили воиновъ Кучлука, размѣщенныхъ по ихъ домамъ. Въ противоположность Мухаммеду Чжэбэ, благодаря установленной Чингизъ-ханомъ дисциплинѣ, могъ выдержать роль освободителя; монгольскіе отряды требовали отъ жителей только свѣдѣній о Кучлукѣ и не трогали ихъ имущества. Кучлукъ былъ настигнутъ въ Сарыколѣ и убитъ.

Въ глазахъ современниковъ завоеваніе государства Кучлука было такимъ важнымъ событіемъ, что Чингизъ-ханъ сталъ опасаться, какъ бы его полководецъ не возгордился своей побѣдой и не вышелъ изъ повиновенія. Несомнѣнно, извѣстіе о завоеваніи В. Туркестана дошло до подданныхъ султана и произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. Теперь Мухаммедъ не могъ уже придать своему столкновенію съ Чингизъ-ханомъ характера религіозной войны, тѣмъ болѣе, что жертвами отрарской катастрофы были исключительно мусульмане.

Чингизъ-ханъ, очевидно со словъ своихъ мусульманскихъ совѣтниковъ, составилъ себѣ очень высокое представленіе о „владыкѣ Запада“ и къ войнѣ съ нимъ готовился такъ же, какъ нѣкогда къ войнѣ съ чжурчженями. Отправивъ противъ Кучлука только своего полководца, теперь онъ выступилъ въ походъ лично со всѣми сыновьями и со своими главными силами.

Лѣто 1219 г. онъ провелъ на Иртышѣ; осенью двинулся оттуда въ походъ; въ Каялыкѣ къ нему присоединились съ отрядами, кромѣ мѣстнаго владѣтеля Арсланъ-хана карлукскаго, еще Сукнакъ-тегинъ алмалыкскій и

уйгурскій идикутъ Баурчикъ. О количествѣ собранныхъ войскъ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ. Извѣстія о распредѣленіи монгольскихъ отрядовъ заставляютъ предположить, что въ войскѣ Чингизъ-хана было едва ли менѣе 150.000 и едва ли многимъ болѣе 200.000 человекъ.

Силы хорезмъ-шаха были гораздо многочисленнѣе; но при своихъ враждебныхъ отношеніяхъ къ военачальникамъ хорезмъ-шахъ не могъ воспользоваться этимъ преимуществомъ. Еще до прибытія послѣдняго монгольскаго посольства Мухаммедъ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ были высказаны такія мнѣнія: 1) встрѣтить монголовъ соединенными силами на берегу Сыръ-дарьи и напасть, прежде чѣмъ они оправятся отъ продолжительнаго перехода; 2) впустить монголовъ въ Мавераннагръ и здѣсь, пользуясь знаніемъ мѣстности, уничтожить ихъ; 3) предоставить Мавераннагръ своей судьбѣ и защищать переправы чрезъ Аму-дарью; 4) собрать войско въ Газнѣ (т. е. отступить за Гиндукушъ), а въ случаѣ необходимости удалиться въ Индію.

Султанъ оставилъ въ городахъ Мавераннагра гарнизоны, покинулъ область, обѣщая вернуться съ войскомъ, и сталъ собирать армію около Балха. Если взвѣсить событія послѣднихъ лѣтъ царствованія Мухаммеда, то нельзя не прійти къ заключенію, что другого исхода для него не было. Собрать свои силы въ одномъ мѣстѣ онъ могъ бы только въ томъ случаѣ, если бы онъ были такимъ же послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ, какъ монгольскія войска въ рукахъ Чингизъ-хана.

Время появленія монгольскихъ войскъ подъ стѣнами Отрара точно неизвѣстно, но начало осады можно отнести къ сентябрю 1219 г.

Подъ Отраромъ Чингизъ-ханъ раздѣлилъ свои силы; часть войска, между прочимъ уйгурскій отрядъ, была оставлена для осады города; другая часть, подъ начальствомъ Джучи, была отправлена внизъ по Сыръ-дарьѣ, небольшой отрядъ вверхъ по рѣкѣ, на Бенакетъ и Ходжентъ; самъ Чингизъ-ханъ и Тулуй съ главными силами пошли на Бухару, по Несеву для того, чтобы отрѣзать султана отъ его войскъ. Какъ самого Чингизъ-хана, такъ и его сыновей сопровождали мусульманскіе купцы, служившіе посредниками между монголами и населеніемъ и

безъ сомнѣнія знакомившіе монголовъ съ мѣстными условіями. Такимъ образомъ мусульманамъ не удалось извлечь пользу изъ знанія мѣстности.

При переправѣ чрезъ Сыръ-дарью монголы, очевидно, не встрѣтили затрудненія; по времени года возможно, что рѣка была покрыта льдомъ.

По мнѣнію лицъ, знакомыхъ съ краемъ, походы Чингизъ-хана и Тимура заставляютъ предполагать, что характеръ мѣстности съ тѣхъ поръ значительно измѣнился. Чрезъ Зернукъ, названный монголами Кутлугъ-балыкъ (счастливый городъ), и Нуръ Чингизъ-ханъ подошелъ къ Бухарѣ, по Ибнъ-аль-Асиру и Джузджани въ февралѣ 1220 г. Численность бухарскаго гарнизона опредѣляется различно; по Джузджани было всего 12.000 всадниковъ, по Джувеини 20.000 одного „внѣшняго войска“ (численность гарнизона въ собственномъ смыслѣ не указывается), по Несеви всего 30.000. Покинутые своими защитниками чрезъ три дня послѣ начала осады, жители рѣшили сдаться. Монголы вступили въ городъ по Ибнъ-аль-Асиру 10, по Джузджани 16 февраля. Защита цитадели продолжалась еще 12 дней, хотя въ ней находилось только 400 всадниковъ. Жители должны были доставить монголамъ всѣ припасы, приготовленные для войска султана, и засыпать ровъ цитадели; послѣ ея взятія всѣ защитники были перебиты. Богатые купцы должны были выдать серебро, купленное у хорезмъ-шаха послѣ отрарской катастрофы. Наконецъ, всѣ жители, взявъ съ собой только ту одежду, которая была на нихъ, должны были выйти изъ города; ихъ имущество было разграблено, а оставшіеся вопреки приказанію въ городѣ были убиты. Чингизъ-ханъ потребовалъ отъ жителей списокъ главныхъ лицъ и старѣйшинъ города и къ нимъ обращалъ свои денежные требованія. Послѣ разграбленія городъ былъ сожженъ; уцѣлѣли только соборная мечеть и нѣкоторые дворцы изъ жженаго кирпича. Едва ли есть основаніе предполагать, что сожженіе города входило въ планы завоевателя; пожаръ былъ почти неизбѣженъ при разграбленіи города, въ которомъ опустошительные пожары, вслѣдствіе скученности построекъ, были обыкновеннымъ явленіемъ.

На пути изъ Бухары въ Самаркандъ монголы уже вели съ собой огромныя толпы плѣнныхъ; по Ибнъ-аль-

Асиру послѣдніе должны были пѣшкомъ слѣдовать за монгольской конницей; кто изнемогалъ по дорогѣ, того убивали. Для осадныхъ работъ монголы имѣли обыкновеніе сгонять крестьянъ окрестныхъ деревень.

Изъ укрѣпленныхъ пунктовъ между Бухарой и Самаркандомъ оказали сопротивленіе только Дебусія и Серъи-пуль; отсюда можно заключить, что монголы шли по обоимъ берегамъ Заряфшана. Передъ непокорными крѣпостями они не останавливались, но отдѣляли для осады ихъ небольшіе отряды.

Защитѣ Самарканда, главнаго города Мавераннагра, хорезмъ-шахъ придавалъ особенное значеніе; естественно, что здѣсь было сосредоточено больше войскъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. По Джувейни здѣсь было 110.000 человекъ, изъ нихъ 60.000 тюрокъ и 50.000 таджиковъ, и 20 слоновъ; по Несеви—40.000, по Ибнъ-аль-Асиру 50.000, по Джузджани 60.000. Главнымъ начальникомъ города по Несеви былъ братъ Турканъ-хатунъ, Тугайханъ.

Чингизъ-ханъ подошелъ къ Самарканду въ мартѣ и остановился въ загородномъ дворцѣ Кокъ-сарай. Чтобы обмануть осажденныхъ, монголы выстроили плѣнныхъ въ боевой порядокъ и на каждые десять человекъ поставили знамя. Число плѣнныхъ увеличилось вслѣдствіе прибытія Джагатая и Угедея съ толпами взятыхъ въ плѣнъ жителей Отрара, осада котораго продолжалась дольше, чѣмъ осада другихъ городовъ Мавераннагра, его постигла та же участь, какъ бухарцевъ; цитадель защищалась еще мѣсяць, и при взятіи ея погибли всѣ защитники.

Въ Самаркандѣ осажденные на третій день произвели вылазку, которая по Ибнъ-аль-Асиру и Джузджани окончилась страшнымъ пораженіемъ; монголы устроили мусульманамъ засаду и истребили ихъ до послѣдняго человека. На пятый день осады какъ турки, такъ и мѣстные жители рѣшили сдаться. Горожане отправили депутацію, съ казіемъ и шейхъ-аль-исламомъ во главѣ. По обыкновенію по вступленіи монголовъ въ городъ жители были оттуда выведены, а городъ подвергся разграбленію. Исключеніе было сдѣлано для казія, шейхъ-аль-ислама и находившихся подъ его покровительствомъ до 50.000 лицъ, что доказываетъ, что самаркандское духовенство,

въ противоположность бухарскому, не оказало сопротивленія монголамъ, и съ самаго начала пользовалось съ ихъ стороны тѣмъ уваженіемъ, какое шаманисты вообще оказывали духовенству всѣхъ религій. Цитадель, какъ въ Бухарѣ, была взята приступомъ. Тюркскіе воины султана, принятые сначала на службу монголами, теперь были окружены на ровномъ мѣстѣ и перебиты со всѣми своими предводителями, въ томъ числѣ и Тугай-ханомъ. Что касается остальныхъ жителей, то изъ нихъ 30.000 ремесленниковъ были отданы сыновьямъ и родственникамъ Чингизъ-хана; столько же было уведено для осадныхъ работъ; остальные получили разрѣшеніе вернуться въ городъ, причемъ съ нихъ взяли выкупъ въ 200.000 динаровъ. Послѣ этого еще нѣсколько разъ уводили жителей изъ города, такъ что онъ почти совсѣмъ опустѣлъ. При Чанъ-Чунѣ въ Самаркандѣ оставалась только четвертая часть прежняго населенія.

Послѣ завоеванія Самарканда Чингизъ-ханъ временно пріостановилъ движеніе впередъ своего корпуса.

Столь же успѣшно дѣйствовалъ отрядъ, посланный имъ изъ Отрара внизъ по Сыръ-дарьѣ, подъ начальствомъ Джучи, въ составъ удѣла котораго должны были войти сѣверо-западные области имперіи. Прежде всего монголы подошли къ Сыгнаку (24 фарсаха отъ Отрара). Для переговоровъ съ жителями Джучи отправилъ одного мусульманскаго купца; жители убили посла, послѣ чего монголы семь дней осаждали городъ, наконецъ взяли его приступомъ, перебили все населеніе и начальникомъ мѣстности оставили сына убитаго посла. На дальнѣйшемъ пути были взяты Узкентъ, Барчынлыгкентъ и Ашнасъ; особенно упорное сопротивленіе оказалъ послѣдній, гарнизонъ котораго состоялъ изъ „развратниковъ и разбойниковъ“. Послѣ этого въ Джендѣ былъ посланъ для переговоровъ Чинъ-Тимуръ, изъ бѣлыхъ татаръ, впоследствии игравшій большую роль въ исторіи Персіи. Еще раньше Джендѣ былъ покинутъ войскомъ султана, начальникъ котораго бѣжалъ чрезъ степь въ Хорезмъ. Чинъ-Тимуръ въ Джендѣ былъ дурно принятъ жителями и получилъ возможность вернуться только потому, что напомнилъ имъ участь Сыгнака и обѣщалъ удалить монголовъ отъ Дженда. Монгольскіе военачальники первоначально не предполагали тотчасъ итти на Джендѣ, но хотѣли отдохнуть въ Ка-

ракорумѣ, ставкѣ кангловѣ (кипчаковѣ), одноименной со столицей Чингизь-хана. Намѣреніе это показываетъ, что монгольская конница въ то время уже требовала нѣкотораго ремонта и что Джучи хотѣлъ воспользоваться для этой цѣли лѣтовками кочевниковъ. Теперь онъ отложилъ это намѣреніе и подступилъ къ Дженду, по всей вѣроятности 10—20 апрѣля 1220 г. Жители заперли ворота, но не оказали никакого сопротивленія; монголы приставили лѣстницы, заняли городъ, заставили жителей выйти и остаться въ полѣ девять дней, пока продолжалось разграбленіе города; убиты были только обидчики Чинь-Тимура. Начальникомъ города былъ назначенъ бухарецъ Али-ходжа. Самъ Джучи остался, насколько извѣстно, въ Джендѣ, откуда въ слѣдующемъ году пошелъ на Хорезмъ. Небольшой отрядъ былъ посланъ въ Яныкентъ и, повидимому, занялъ его безъ сопротивленія. До конца года корпусъ Джучи оставался на низовьяхъ Сыръ-дарьи въ оборонительномъ положеніи, причемъ даже завоеванные города не все время оставались во власти монголовъ.

Отрядъ, посланный на Бенакеть, послѣ сдачи этого города перебилъ гарнизонъ, а изъ жителей увелъ ремесленниковъ и молодыхъ людей для осадныхъ работъ. Вѣроятно послѣ этого отрядъ вернулся къ Чингизь-хану, осаждавшему Самаркандъ, и что осада Ходжента была поручена особому отряду, отправленному изъ Самарканда. Очень вѣроятно, что на Ходжентъ былъ посланъ отрядъ Джагатая и Угэдэя, вернувшихся послѣ паденія Отрарана кто руководилъ дѣйствіями монголовъ при осадѣ, Ходжента, представляющей одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ военной исторіи,—неизвѣстно.

Начальникъ Ходжента Тимуръ-меликъ не могъ удержаться въ городѣ и съ тысячью воиновъ укрѣпился на одномъ изъ острововъ Сыръ-дарьи. Островъ былъ настолько далекъ отъ берега, что нельзя было обстрѣливать укрѣпленіе стрѣлами и камнями. Монгольская конница бросала въ рѣку камни, привозившіеся плѣнными изъ горъ въ трехъ фарсахъ отъ города, чтобы такимъ образомъ выстроить дамбу. По ночамъ и рано утромъ защитники укрѣпленія подплывали къ берегу на особыхъ лодкахъ, противъ которыхъ стрѣлы, огонь и нефть были безсильны, нападали на монголовъ и разрушали дамбу.

Въ концѣ концовъ Тимуру все-таки пришлось покинуть островъ, и онъ съ остатками припасовъ на семидесяти лодкахъ ночью, при свѣтѣ факеловъ поплылъ внизъ по рѣкѣ. Не смотря на всевозможныя препятствія и преслѣдованія со стороны монголовъ, Тимуру удалось высадиться на берегъ въ окрестностяхъ Барчынлыгкета и Дженда. Преслѣдуемый монголами, онъ потерялъ весь свой обозъ и всѣхъ спутниковъ и одинъ благополучно прибылъ въ Хорезмъ.

Сохраненіе жизни Тимуръ-мелика не принесло никакой пользы ни Хорезму, ни султану Джелаль-ед-дину, къ которому онъ скоро послѣ того присоединился и судьбу котораго раздѣлялъ до его смерти. Со стороны мусульманъ мы встрѣчаемъ героевъ, съ горстью людей совершающихъ чудеса храбрости, но совершенно не умѣющихъ организовать болѣе значительныя силы и потому только отступающихъ передъ главными силами татаръ. Со стороны монголовъ мы въ эту войну почти совсѣмъ не видадимъ примѣровъ единоличнаго геройства; военачальники остаются только послушными и умѣлыми исполнителями воли своего государя, строго дисциплинированные воины не ищутъ случая отличиться передъ своими товарищами, но точно исполняютъ приказанія государя или предводителей.

Хорезмъ-шахъ Мухаммедъ не могъ оказать монголамъ даже того сопротивленія, которое впослѣдствіи оказалось возможнымъ для Джелаль-ед-дина. Во время дѣйствій монголовъ въ Мавераннагрѣ хорезмъ-шахъ занималъ со своими отрядами Келифъ и Андхудъ, очевидно желая помѣшать монголамъ переправиться чрезъ Аму-дарью. Два отряда, посланные султаномъ на помощь осажденнымъ въ Самаркандѣ, не рѣшились дойти до мѣста назначенія. Подъ Самаркандомъ Чингизъ-ханъ распредѣлилъ свои силы слѣдующимъ образомъ: кромѣ отряда, посланнаго на Ходжентъ и Фергану, одинъ отрядъ былъ отправленъ на Вахшъ и Тальканъ, по Ибнъ-аль-Асиру на Кулябъ; о его дѣйствіяхъ неизвѣстно никакихъ подробностей. Три туменя подъ начальствомъ Чжэбэ, Субудая и Тохучаръ-бахадуръ должны были переправиться чрезъ Аму-дарью съ единственной цѣлью — преслѣдовать хорезмъ-шаха, вѣрныя извѣстія о слабости войска котораго дошли до Чингизъ-хана.

Султанъ послѣдовалъ совѣту везира своего сына Рукнъ-ад-дина, правителя Ирака, итти въ эту страну и собрать тамъ войско и покинулъ берега Аму-дарьи. Монголы переправились чрезъ рѣку также безпрепятственно, какъ прежде чрезъ Сыръ-дарью. По Ибнъ-аль-Асиру монголы переправлялись какъ бы въ большихъ деревянныхъ водопойныхъ корытахъ, обтянутыхъ бычачьими шкурами. Сомнительно, чтобы монголы могли приготовить на берегу Аму-дарьи такое множество деревянныхъ корытъ („переправились всѣ за одинъ разъ“); болѣе вѣроятно, что монголами былъ примѣненъ обычный у кочевниковъ способъ переправы чрезъ большія рѣки, описанный у Платона Карпина такъ: „У начальниковъ есть круглая и легкая кожа, въ которой сверху кругомъ сдѣланы частыя петли; чрезъ петли продѣваютъ веревку и стягиваютъ такъ, что внутри круга образуется какъ бы вмѣстилище, которое наполняютъ одеждой, оружіемъ и другими вещами и крѣпко завязываютъ; послѣ этого въ середину кладутъ сѣдла и болѣе твердые предметы; люди садятся по срединѣ; приготовленное такимъ образомъ судно привязываютъ къ хвосту лошади и одного человека, управляющаго лошадыю, пускаютъ вплавь... Болѣе бѣдные обязаны имѣть каждый по кожаному кошелю, хорошо сшитому; въ такой кошель или мѣшокъ они кладутъ свои вещи, сверху крѣпко завязываютъ, привязываютъ его къ хвосту лошади и переправляются“...

По Джувейни вѣсть о переправѣ монголовъ застала султана уже въ Нишапурѣ. Ожидая переправы монголовъ, хорезмъ-шахъ едва ли дѣлалъ продолжительныя остановки въ городахъ Хорасана. Въ Бистамѣ султанъ передалъ одному изъ векилей двора два ящика съ драгоценными камнями и велѣлъ отправить ихъ въ Ардаханъ, по Несеви „одну изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей въ мірѣ“; впоследствии въ эту крѣпость были перенесены останки самого султана. Хорезмъ-шахъ бѣжалъ чрезъ Рей въ Казвинъ, гдѣ стоялъ его сынъ Рукнъ-ед-динъ съ 30.000 войска. Имѣя теперь полную возможность уничтожить разрозненные отряды Чжэбэ и Субудая, Мухаммедъ не воспользовался этой возможностью. Отправивъ свою жену и другихъ женщинъ въ крѣпость Карунъ, онъ самъ сначала остался въ Иракѣ; при приближеніи монголовъ хорезмъ-шахъ съ сыновьями тоже ушелъ въ эту крѣ-

пость, но чрезъ день, взявъ съ собой нѣсколько лошадей и проводниковъ, отправился по дорогѣ въ Багдадъ. Обманувъ преслѣдовавшихъ его монголовъ, онъ прибылъ въ крѣпость Серъ-Чаханъ, гдѣ пробылъ семь дней, и оттуда къ берегу Каспійскаго моря.

Джувейни не упоминаетъ о посѣщеніи султаномъ Хамадана, гдѣ его видѣли купцы, давшіе свѣдѣнія объ этомъ Ибнъ-аль-Асиру. По Несеву въ окрестностяхъ Хамадана, на лугу Даулетабадъ, даже произошла битва между хорезмъ-шахомъ и монголами.

Чжэбэ и Субудай должны были преслѣдовать хорезмъ-шаха, по этому они по Ибнъ-аль-Асиру „на пути своемъ не сдѣлали никакихъ остановокъ ни для грабежа, ни для убійства, а только усугубили свое движеніе по преслѣдованію его, не давая ему отдыха“. „Согласно полученнымъ отъ Чингизъ-хана приказаніямъ (монголы) не причинили никакого вреда ни одному изъ хорасанскихъ городовъ“, говоритъ Джузджани, кромѣ Бушенга въ гератской области, гдѣ былъ убитъ одинъ изъ ихъ военоначальниковъ, за что городъ былъ разрушенъ и населеніе истреблено.

Тохучару, повидимому, должно приписать разрушеніе Бушенга. Что Тохучаръ при этомъ не былъ убитъ, подтверждается рассказомъ Несеву о разрушеніи этимъ полководцемъ города Неса. Незадолго передъ этимъ жители Неса возстановили, съ позволенія султана, цитадель своего города, хотя султанъ совѣтовалъ имъ чрезъ своего посланца бѣжать отъ монголовъ въ степи и горы и ждать, пока монголы, собравъ достаточное количество войска, вернуться на свою родину. Тохучаръ былъ убитъ около Нишапура. Его отрядъ послѣ этого разрушилъ Себзеваръ. Дальнѣйшихъ извѣстій объ отрядѣ Тохучара нѣтъ. Несеву называемъ Неса первымъ городомъ въ Хорасанѣ, которымъ овладѣли татары.

Мухаммеду, при отъздѣ изъ Нишапура удалось скрыть свои слѣды. Этимъ объясняется, что монголы изъ окрестностей Нишапура отправили свои отряды въ разныя стороны, очевидно, чтобы добыть свѣдѣнія, куда бѣжалъ султанъ. По Джувейни отрядъ Субудая, разграбивъ Тусъ и нѣкоторые другіе города, направился по прямой дорогѣ чрезъ Дамганъ и Семнанъ въ Рей; отрядъ Чжэбэ прибылъ туда же по разграбленіи нѣкоторыхъ мазанде-

ранскихъ городовъ, особенно Амуля. Появленіе монголовъ подъ Реемъ Ибнъ-аль-Асиръ объясняетъ дошедшими до нихъ слухами о прибытіи султана въ этотъ городъ. Получивъ свѣдѣнія объ отъѣздѣ султана въ Хамаданъ, они направились туда и по пути „грабили каждый городъ и каждую деревню, жгли, опустошали, налагали мечъ на мужчинъ женщинъ и дѣтей“. По Ибнъ-аль-Асиру султанъ покинулъ Хамаданъ до прибытія враговъ; по Джувейни онъ встрѣтилъ монголовъ между Казвиномъ и Каруномъ, но не былъ узнанъ ими. Монголы осадили крѣпость, но узнавъ, что Мухаммеда тамъ уже нѣтъ, тотчасъ сняли осаду, захватили по дорогѣ нѣкоторыхъ изъ проводниковъ султана и направились по его слѣдамъ. Когда султанъ, измѣнивъ путь, прибылъ въ Серъ-Чаханъ, монголы потеряли его изъ виду, убили проводниковъ и вернулись обратно. Упомянутая у Несеви битва Мухаммеда съ монголами въ равнинѣ Даулетабадъ была единственной его битвой съ этими завоевателями; силы монголовъ не превосходили его собственныхъ; тѣмъ не менѣе онъ и тутъ думалъ только о спасеніи своей жизни посредствомъ бѣгства.

На пути къ берегу Каспійскаго моря и на островѣ, гдѣ султанъ кончилъ свою жизнь, онъ уже не подвергался преслѣдованію.

Татары изъ Хамадана пошли обратно къ Зенджану и Казвину и разрушили эти города. Уже въ началѣ зимы они вторглись въ Адербиджанъ, гдѣ разграбили Ардебиль, а при усиленіи холодовъ удалились къ берегу Каспійскаго моря, въ Муганъ, и по дорогѣ имѣли столкновение съ грузинами. Ко времени прибытія татаръ къ морю султана уже не было въ живыхъ.

Островъ, гдѣ укрылся султанъ, былъ расположенъ близъ морскаго города Абескуна, находившагося въ трехъ дняхъ пути отъ города Гургана, т. е. недалеко отъ устьевъ Гургень (можетъ быть островъ Ашуръ-адэ). Мухаммедъ умеръ отъ воспаленія легкихъ; изъ датъ его смерти болѣе вѣроятна—декабрь 1220 г. Въ послѣдніе дни жизни султанъ щедро награждалъ почетными должностями и земельными надѣлами лицъ, оказавшихъ ему услуги; тогда эти награды не имѣли реального значенія, но, если вѣрять Несеви, всѣ грамоты впослѣдствіи были утверждены Джелаль-ед-диномъ. Несеви рассказываетъ,

что послѣ кончины султана не на что было купить ему саванъ и что одинъ изъ его спутниковъ пожертвовалъ для этого свою рубашку.

Таковъ былъ конецъ государя, объединившаго подъ своей властью большую часть земель, входившихъ въ составъ имперіи Сельджукидовъ. Уже монгольское сказаніе XIII в. совсѣмъ не называетъ Мухаммеда, упоминаетъ только о Джелаль-ед-динѣ и соединяетъ обѣ личности въ одну.

Чингизъ-ханъ уже весной 1220 года могъ считать Мавераннагръ своимъ владѣніемъ и уже принялъ мѣры къ возстановленію мирной жизни; изъ Самарканда былъ отправленъ въ Бухару, въ качествѣ монгольскаго намѣстника, Нуша-баскакъ, и область начала оправляться. Лѣто Чингизъ-ханъ провелъ въ окрестностяхъ Несефа, гдѣ далъ оправиться лошадямъ своего войска; вполнѣдствіи Несефъ и его окрестности были излюбленнымъ мѣстомъ лѣтенокъ для монгольскихъ кочевниковъ.

Осенью Чингизъ-ханъ подступилъ къ Тармизу. Защита города была поручена седжестанскому отряду. Предложеніе сдаться не было принято; нѣсколько дней съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали катапульты; наконецъ монголы заставили замолчать орудія враговъ, послѣ чего крѣпость на одиннадцатый день была взята приступомъ, городъ былъ разрушенъ, и всѣ жители перебиты.

Зиму 1220—1 г. Чингизъ-ханъ провелъ на берегу Аму-дарьи. Подобно берегамъ другихъ большихъ рѣкъ, эта мѣстность въ глазахъ кочевниковъ всегда была удобнымъ мѣстомъ для зимовокъ.

Въ теченіе этой зимы и слѣдующей весны наступили событія, на короткое время измѣнившія положеніе дѣлъ въ пользу мусульманъ. Военныя дѣйствія до сихъ поръ не коснулись Хорезма, гдѣ правила Турканъ-хатунъ во главѣ военной партіи. Поведеніе ея сторонниковъ въ покоренныхъ областяхъ было одной изъ главныхъ причинъ гибели хорезмійскаго государства, но такъ какъ кочевники находили въ этихъ областяхъ достаточно простора для себя, то самъ Хорезмъ не страдалъ отъ нихъ; напротивъ, область, которая послѣ 1204 г. не подвергалась враждебнымъ нашествіямъ и куда стекались богатства завоеванныхъ областей, должна была достигнуть высокаго процвѣтанія. Высотъ матеріальнаго благосостоянія соот-

вѣтствовала высота умственной культуры. XII и XIII в.в. не были для мусульманскаго міра эпохой прогресса, какъ предшествовающіе вѣка; но еще продолжалось усердное храненіе научныхъ сокровищъ, завѣщанныхъ прежними поколѣніями; въ это время возникаютъ важнѣйшія компилятивныя работы и устраиваются богатые книгохранилища. Еще въ началѣ царствованія династіи въ Хорезмѣ до 1116 г. жилъ Шахристани, авторъ знаменитой книги о религіозныхъ и философскихъ ученіяхъ. Къ концу владычества династіи при дворѣ хорезмъ-шаховъ жилъ другой знаменитый философъ, Фахръ-ад-динъ Рази, авторъ обширныхъ компилятивныхъ трудовъ по всѣмъ отраслямъ знаній. Что касается книгохранилищъ въ восточныхъ областяхъ, то кромѣ общеизвѣстныхъ словъ Якута о бібліотекахъ Мерва можно привести слова Ибнъ-аль-Асира о поэтѣ Фахръ-ад-динѣ Мубарекъ-шахѣ б. Хасанъ-аль-Мерверруди, жившемъ при дворѣ Гіясъ-едина гурскаго и умершемъ въ 1206 г.; онъ устроилъ гостинницу, въ которой были книги и шахматы; ученые (посѣтители гостинницы) читали книги, а „невѣжды“ играли въ шахматы.

Чингизъ-ханъ вполне сознавалъ тотъ серьезный вредъ, который могла принести его войску Турканъ-хатунъ, и потому изъ Бухары или Самарканда отправилъ къ царицѣ посломъ Данишмендъ-хаджиба объявить, что ханъ воюетъ только съ ея сыномъ, оскорбившимъ и ее, и не тронетъ ея областей. Конечно, это обѣщаніе потомъ не было исполнено. Одновременно съ прибытіемъ посла было получено извѣстіе о томъ, что султанъ покинулъ берега Аму-дарьи. Не обнаруживъ той энергіи, какъ при нашествіи 1204 г., престарѣлая царица послѣдовала примѣру сына и, всетаки съ убѣжденіемъ, что затрудненія будутъ только временными, удалилась въ Мазандеранъ, гдѣ осталась со своими спутниками въ крѣпостяхъ Ларджанъ и Илаль. Крѣпости были осаждены монголами; какъ и въ другихъ случаяхъ, когда имъ приходилось осаждать расположенныя на возвышенныхъ мѣстахъ укрѣпленія, монголы построили вокругъ крѣпостей деревянный тынъ и отрѣзали гарнизону всякое сообщеніе. Послѣ четырехмѣсячной осады крѣпости сдались за недостаткомъ воды. вмѣстѣ съ царицей были взяты въ плѣнъ дочери и малолѣтніе сыновья султана; послѣдніе были

всѣ убиты. Царевны же были выданы Чингизь-ханомъ за „незаконнорожденных“ или по другому, болѣе правдоподобному, чтенію за „вѣроотступниковъ“, т. е. за находившихся на монгольской службѣ мусульманъ.

Послѣ отъѣзда Турканъ-хатунъ гражданское управление въ Хорезмѣ захватилъ въ свои руки нѣкто Али, за склонность ко лжи получившій прозваніе Кухи-Дуруганъ („гора лжи“); началось безсовѣстное расхищеніе государственныхъ доходовъ. Лѣтомъ 1220 г. въ Хорезмъ прибылъ Тимуръ-меликъ. Получивъ такого предприимчиваго начальника, хорезмійское войско перешло въ наступленіе противъ корпуса Джучи и отняло у монголовъ Яныкентъ. Тимуръ не воспользовался плодами этой побѣды и вернулся въ Хорезмъ: очевидно между нимъ и тюркскими предводителями уже тогда не было полного согласія.

Зимой порядокъ въ гражданскихъ дѣлахъ отчасти былъ возстановленъ прибытіемъ двухъ чиновниковъ дивана; они принесли извѣстіе, что султанъ еще живъ, и стали дѣйствовать отъ его имени. Затѣмъ, похоронивъ отца, прибыли съ острова въ сопровожденіи 70 всадниковъ царевичи Джелаль-ед-динъ, Озлагъ-шахъ и Акъ-шахъ чрезъ Мангышлакъ; они объявили, что предъ смертью султанъ отмѣнилъ завѣщаніе, назначавшее наслѣдникомъ Озлагъ-шаха, и назначилъ Джелаль-ед-дина. Не смотря на согласіе самого Озлагъ-шаха эмиры не могли примириться съ такой перемѣной; былъ составленъ заговоръ противъ Джелаль-ед-дина; послѣдній заблаговременно былъ предупрежденъ Инанчъ-ханомъ и бѣжалъ въ Хорасанъ въ сопровожденіи Тимуръ-мелика и 300 всадниковъ. Чрезъ три дня Озлагъ-шахъ и Акъ-шахъ также покинули Хорезмъ, такъ какъ до нихъ дошли слухи о приближеніи татаръ.

Оборона Гурганджа несомнѣнно представляетъ одно изъ замѣчательныхъ явленій въ исторіи. Достаточно было отъѣзда представителей династіи для возстановленія согласія между военачальниками. Хумаръ-тегинъ, съ согласія другихъ, принялъ титулъ султана. На Хорезмъ двинулись съ юго-востока, чрезъ Бухару, корпуса Джагатая и Угедея съ тысячами праваго крыла, съ сѣверо-востока, изъ Дженда—корпусъ Джучи. Монголы появились у воротъ города въ небольшомъ количествѣ и начали

угонять скотъ; обманутые малочисленностью враговъ, нѣкоторые жители выступили изъ города и стали ихъ преслѣдовать. Монголы завлекли ихъ въ засаду около „увеселительнаго сада“ въ фарсахъ отъ города; монголы до захода солнца перебили до 1000 хорезмійцевъ, остальныхъ преслѣдовали до города, вторглись въ городъ и къ заходу солнца отступили. На другой день битва возобновилась. Прибыли отряды Джагатая и Угедея, вступили въ переговоры съ жителями, но въ тоже время занялись приготовленіемъ къ осадѣ. За отсутствіемъ камня, монголы стали готовить ядра изъ стволовъ тутовыхъ деревьевъ. По прибытіи корпуса Джучи городъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ; плѣнные засыпали ровъ и стали дѣлать подкопъ для разрушенія стѣнъ. Дѣйствія монголовъ навели такой ужасъ на Хумаръ-тегина, что онъ передался имъ; неизвѣстно, кто принялъ начальство послѣ него. Оборона продолжалась, и монголамъ, которые уже поставили свое знамя на стѣнахъ, приходилось отдѣльно брать каждую улицу и каждый кварталъ. Сначала монголы разрушили городъ, зажигая дома посредствомъ сосудовъ съ нефтью, затѣмъ рѣшили отвести воду Аму-дарьи. Съ этой цѣлью 3000 монголовъ заняли мостъ внутри города, но были окружены хорезмійцами и перебиты. Оборона продолжалась послѣ этого еще съ большимъ успѣхомъ. Главной причиной неуспѣшности осады были раздоры между Джучи и Джагатаемъ, изъ которыхъ первый употреблялъ всѣ старанія, чтобы сохранить въ цѣлости богатый городъ, который долженъ былъ перейти къ нему, и съ этой цѣлью нѣсколько разъ предлагалъ жителямъ сдаться. Болѣе благоразумные изъ жителей совѣтовали принять предложеніе, но „глупцы“ одержали верхъ. Узнавъ о раздорахъ между царевичами, Чингизъ-ханъ назначилъ Угедея главнымъ начальникомъ всѣхъ трехъ корпусовъ. Когда въ рукахъ жителей оставались только три квартала, они наконецъ отправили къ Джучи мухтасиба города съ просьбой о помилованіи. Но Джучи уже не могъ исполнить ихъ просьбы. Жители были выведены въ поле; ремесленниковъ, которыхъ по Джувейни было болѣе 100.000, увели въ „восточныя страны“, гдѣ они образовали большое число поселеній; малолѣтнихъ дѣтей и женщинъ увели въ плѣнъ; остальные жители были перебиты. По избіеніи жителей монголы разрушили

въ Гурганджѣ плотину; вода затопила и разрушила весь городъ, оставшійся и потомъ подъ водой. Несомнѣнно, что вслѣдствіе произведенныхъ монголами опустошеній плотины, особенно тѣ, которыя требовали ежегоднаго ремонта, пришли въ разрушеніе; этимъ объясняется затопленіе нѣсколькихъ хорезмійскихъ городовъ и перемѣна теченія Аму-дарьи, снова ставшей изливаться въ Каспійское море.

По Несеву городъ былъ взятъ въ апрѣлѣ 1221 г.

Хорезмійскіе царевицы на своемъ пути изъ Хорезма должны были пройти чрезъ Хорасанъ, гдѣ находился отрядъ Тохучара; въ большихъ городахъ Хорасана монголы въ то время не имѣли гарнизоновъ. Чингизъ-ханъ, узнавъ о бѣгствѣ царевицъ, велѣлъ поставить наблюдательные отряды на сѣверной границѣ Хорасана. Стоявшій въ окрестностяхъ Неса монгольскій отрядъ изъ 700 всадниковъ подвергся неожиданному нападенію Джелаль-ед-дина; монголы обратились въ бѣгство, оставивъ врагамъ свое оружіе и припасы; только немногимъ удалось спастись. Благодаря этой побѣдѣ Джелаль-ед-динъ и его спутники могли перемѣнить лошадей и благополучно достигнуть Нишапура. Озлагъ-шаху и Акъ-шаху тоже удалось спастись отъ монгольскихъ пограничныхъ отрядовъ, но внутри страны они были окружены монголами и убиты со всѣми своими спутниками.

Не смотря на малочисленность монгольскихъ военныхъ силъ въ Хорасанѣ, Джелаль-ед-динъ не былъ въ состояніи собрать здѣсь войско. Изъ Нишапура онъ прибылъ въ Зузенъ (на границѣ Хорасана и Кухистана, въ трехъ дняхъ пути отъ Каина), а оттуда чрезъ Гератскую область въ Бустъ. По Несеву онъ здѣсь соединился съ десятитысячнымъ отрядомъ Аминъ-аль-мулька, дѣйствовавшимъ въ Седжестанѣ, разбилъ монгольскій отрядъ, осаждавшій Кандахаръ, и послѣ этого прибылъ въ Газну, главный городъ своего удѣла.

Чингизъ-ханъ окончательно переправилъ свое войско чрезъ Аму-дарью весной 1221 г. и занялъ Балхъ. По Ибнъ-аль-Асиру городъ сдался добровольно и былъ пощажень; по Джувейни Чингизъ-ханъ принялъ покорность жителей, но потомъ нарушилъ обѣщаніе и велѣлъ ихъ перебить; спрятавшіеся во время этого избіенія были истреблены монголами на обратномъ пути. Городъ лежалъ

въ развалинахъ еще при Ибнъ-Батутъ, но изъ разказа Ибнъ-аль-Асира можно заключить, что разрушеніе произошло позже, вслѣдствіе возстанія жителей.

Тулуй былъ отправленъ на Хорасанъ, Джагатай и Угедей — на Хорезмъ; остальное войско осаждало горныя крѣпости сѣверныхъ отроговъ Паропамиза и Гиндукуша; самъ Чингизъ-ханъ осадилъ крѣпость Нусреткухъ, въ окрестностяхъ Талькана. Осада продолжалась по Ибнъ-аль-Асиру—десять мѣсяцевъ, по Рашидъ-ед-дину—семь; за это время Тулуй, Джагатай и Угедей успѣли выполнить свою задачу и вернулись къ отцу.

Мусульмане не сумѣли воспользоваться этимъ временемъ, чтобы нанести монгольскому войску серьезный ударъ. Одной изъ главныхъ причинъ, затруднявшихъ дѣйствія Джелаль-ед-дина, были раздоры между тюрками и гурцами въ Газнѣ, начавшіеся еще до прибытія туда Джелаль-ед-дина. Хорезмъ-шахъ прибылъ въ Газну вмѣстѣ съ Аминъ-аль-мулькомъ и 30.000 войска; такое же количество присоединилось къ нему, по словамъ Несеви, въ Газнѣ. Войско состояло изъ отрядовъ тюрковъ, гурцевъ, афганцевъ.

Со своими разноплеменными войсками Джелаль-ед-динъ выступилъ на встрѣчу монголамъ и занялъ позицію у Первана (недалеко отъ истоковъ рѣчки Лугаръ, притока Кабула; не смѣшивать съ одноименнымъ городомъ въ долинѣ Пянджшира). Отсюда онъ прежде всего разбилъ монгольскій отрядъ, осаждавшій крѣпость Валіанъ (или Валиштанъ) въ Тохаристанѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, противъ Джелаль-ед-дина былъ отправленъ Шики-Хутуху-нойонъ съ войскомъ въ 30—45 тысячъ. На разстояніи фарсаха отъ Первана произошла битва. Мусульмане сражались пѣшими, держа коней за поводья. Битва продолжалась два дня. Когда монголы были утомлены битвой, Джелаль-ед-динъ посадилъ своихъ воиновъ на коней и произвелъ общую атаку, рѣшившую исходъ сраженія. Шики-Хутуху съ незначительными остатками войска вернулся къ Чингизъ-хану.

Битва при Перванѣ была самой крупной неудачей монголовъ въ этой войнѣ. Пепосредственнымъ результатомъ ея было то, что монголы временно сняли осаду крѣпости Валхъ; кромѣ того въ нѣкоторыхъ городахъ, занятыхъ монголами прежде, жители произвели возстаніе.

и убили монгольскихъ намѣстниковъ. Мусульмане воспользовались своей побѣдой только для того, чтобы отомстить монголамъ на своихъ плѣнныхъ. Военачальники поссорились между собой изъ-за добычи; эта ссора возбудила національныя страсти, съ которыми Джелаль-еддинъ не могъ справиться; его покинули разноплеменные отряды кромѣ отряда Аминъ-аль-Мулька.

Чингизъ-ханъ, если вѣрить Рашидъ-еддину, съ полнымъ спокойствіемъ принялъ извѣстіе о пораженіи. Тальканъ въ это время уже былъ въ рукахъ монголовъ, и потому Чингизъ-ханъ могъ идти на врага со всѣми своими силами.

Послѣ ухода военачальниковъ Джелаль-еддинъ не могъ вступить съ врагами въ открытую битву и, даже не пытаясь затруднить монголамъ движеніе черезъ перевалы Гиндукуша, до самыхъ береговъ Инда только отступалъ. О движеніи монголовъ первоисточники не даютъ вполне ясныхъ свѣдѣній, то приводя Чингизъ-хана въ Газну прямо изъ Талькана, то чрезъ Баміанъ, гдѣ по Джувеини было истреблено все живое. По Рашидъ-еддину Чингизъ-ханъ безъ сопротивленія занялъ Газну, гдѣ узналъ, что султанъ пятнадцатую днями раньше покинулъ городъ. По Джувеини послѣ бѣгства Джелаль-еддина Чингизъ-ханъ послалъ въ Газну Угедея, который по приказанію отца вывелъ въ поле жителей уже покорившагося города и перебилъ, за исключеніемъ уведенныхъ въ плѣнъ ремесленниковъ.

Джелаль-еддинъ, отступя къ Инду, приказалъ приготовить суда для переправы. Въ это время произошла стычка между арріергардомъ султана и авангардомъ монголовъ. Каковъ бы ни былъ исходъ этой стычки, она не остановила главныхъ монгольскихъ силъ, достигшихъ берега Инда прежде, чѣмъ были готовы корабли; прибылъ только одинъ корабль, на который хотѣли посадить женщинъ царскаго семейства, но и тотъ былъ разбитъ волнами. Джелаль-еддинъ не успѣлъ также привести въ исполненіе свой другой планъ—вновь привлечь на свою сторону ушедшихъ предводителей.

Рѣшительная битва на берегу Инда произошла, по Несеви, въ среду 24 ноября 1221 г. По его разсказу центръ мусульманскаго войска, подъ начальствомъ самого Джелаль-еддина, смялъ монголовъ, и самъ Чингизъ-

ханъ уже обратился въ бѣгство (?); но битву рѣшило нападеніе десяти тысячъ монгольскихъ бахадуровъ, до тѣхъ поръ стоявшихъ въ засадѣ, на правое крыло мусульманъ, которымъ командовалъ Аминъ-аль-мулькъ. Сынъ Джелаль-ед-дина, лѣтъ семи или восьми, былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ; свою мать, жену и другихъ женщинъ султанъ самъ велѣлъ бросить въ воду, чтобы онѣ не достались монголамъ. Джелаль-ед-динъ переплылъ рѣку на конѣ, котораго потомъ держалъ при себѣ до завоеванія Тифлиса. Вмѣстѣ съ султаномъ достигло берега около 4.000 человекъ; чрезъ три дня къ нему присоединилось еще 300 всадниковъ, отнесенные теченіемъ на большое разстояніе.

Чингизъ-ханъ не счелъ нужнымъ переправиться чрезъ Индъ вслѣдъ за Джелаль-ед-диномъ; въ слѣдующемъ году для его преслѣдованія былъ посланъ отрядъ въ 20.000 человекъ, дошедшій до Мултана и вслѣдствіе лѣтнихъ жаровъ вернувшійся обратно.

Военныя дѣйствія 1222 г. сводились почти исключительно къ осадѣ и взятію горныхъ укрѣпленій.

Что касается событій, происходившихъ въ 1221 г. въ Хорасанѣ, отразившихся также и на Мавераннагрѣ, то въ началѣ этого года Чингизъ-ханъ изъ Талькана отправилъ Тулуя для занятія городовъ Хорасана, гдѣ послѣ отъѣзда Мухаммеда происходило то же самое, что въ Хорезмѣ и Газнѣ; власть очутилась въ рукахъ отдѣльныхъ честолюбцевъ и авантюристовъ, изъ которыхъ нѣкоторые мечтали о царскомъ престолѣ.

При такихъ условіяхъ Тулуй менѣе чѣмъ въ три мѣсяца выполнилъ свою задачу—покорить три большихъ города (Мервъ, Нишапуръ и Гератъ) и множество менѣе значительныхъ. Мервъ былъ взятъ 25 февраля 1221 г.; жители, кромѣ 400 ремесленниковъ, подверглись избіенію; начальниками города были назначены одинъ изъ мѣстныхъ вельможъ и монгольскій военный начальникъ, которымъ было поручено собрать уцѣлѣвшихъ отъ погрома жителей; послѣдніе однако подверглись новымъ нападеніямъ со стороны другихъ монгольскихъ отрядовъ.

Еще тяжелѣе была участь Нишапура, взятаго монголами въ субботу 10 апрѣля. Жители поплатились за то, что у стѣнъ города въ ноябрѣ 1220 г. былъ убитъ стрѣлой Тохучаръ; вслѣдствіе этого Тулуй отказался при-

нять просьбу жителей о помилованіи. Послѣ взятія города жители, за исключеніемъ 400 ремесленниковъ, были перебиты; городъ былъ разрушенъ до основанія и мѣсто его — вспахано; на мѣстѣ развалинъ былъ оставленъ монгольскій эмиръ съ 400 таджиковъ для истребленія остатковъ населенія.

Менѣе всего пострадалъ Гератъ; въ немъ были перебиты только войны хорезмъ-шаха, числомъ 12.000; во главѣ города были поставлены монгольскій и мусульманскій начальники.

Во второй половинѣ 1221 г. слухи о побѣдѣ Джелаль-ед-дина вызвали возстаніе въ нѣкоторыхъ хорасанскихъ городахъ, между прочимъ въ Мервѣ и Гератѣ. Возстаніе въ Мервѣ было усмирено монголами уже въ 1222 г. Отряды монголовъ смѣняли одинъ другого подъ стѣнами Мерва; наконецъ Хутуху-нойонъ съ войскомъ, въ составъ котораго входили халаджи и афганцы, уничтожилъ послѣдніе слѣды города.

Послѣ уничтоженія Балха и Мерва безпорядки въ областяхъ къ югу отъ Аму-дарьи уже не могли отражаться на спокойствіи Мавераннагра. Въ этой странѣ мятежные элементы существовали только въ видѣ разбойничихъ шаекъ и не были въ состояніи захватывать города и округа.

Мы видѣли, что Семирѣчье вмѣстѣ съ В. Туркестаномъ подчинились монголамъ добровольно и потому, въ противоположность Китаю, Мавераннагру и Западной Азіи, нисколько не пострадало отъ монгольскаго нашествія. Путешественники, посѣтившіе Семирѣчье въ слѣдующіе года послѣ прибытія монголовъ, описываютъ его, какъ страну съ цвѣтущей культурой. Въ 1220 г. къ Чингизь-хану былъ отправленъ Ву-гу-сунъ въ качествѣ посла отъ чжурчженскаго императора. По его словамъ изъ каракитаевъ въ его время оставались немногіе, и тѣ приняли обычаи и одежду Хой-ху, т. е. мусульманъ; усиленіе ислама было естественнымъ послѣдствіемъ указанныхъ выше обстоятельствъ, которыми сопровождалось монгольское завоеваніе. Семирѣченскіе мусульмане отличались гораздо большей воинственностью, чѣмъ остальные, вѣроятно христіанскіе представители мѣстной культуры.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о положеніи Мавераннагра и

Семирѣчья въ эти годы и объ обратномъ пути Чингизъ-хана даетъ намъ описаніе путешествія китайскаго отшельника Чанъ-Чуна, сдѣланное однимъ изъ его учениковъ.

Молва о благочестивой жизни даосца Чанъ-Чуна дошла до Чингизъ-хана, который еще лѣтомъ 1219 г., находясь на берегу Иртыша, вызвалъ его къ себѣ. Изъ тѣхъ вопросовъ, съ которыми Чингизъ-ханъ обратился къ Чанъ-Чуну, видно, что завоеватель надѣялся получить отъ философа „лекарство для вѣчной жизни“, буквально понявъ даосское ученіе о Дань (философскомъ камнѣ).

Чанъ-Чунъ проѣхалъ чрезъ Монголію, Уйгурію, Кульджинскій край и Семирѣчье въ Сайрамъ, куда прибылъ въ ноябрѣ 1221 г. Дороги были исправлены монголами во время ихъ похода и находились въ лучшемъ состояніи, чѣмъ теперь; рѣку Чу путешественники переѣхали по досчатому мосту, Таласъ—по каменному. Изъ описанія путешествія видно, что мѣстность къ сѣверу отъ Сыръ-дарьи, опустошенная Мухаммедомъ, теперь снова была населена; вездѣ, до самаго Самарканда упоминаются только туземныя власти; монгольскихъ начальниковъ и гарнизоновъ не было нигдѣ. Названіе Сайрама здѣсь, насколько извѣстно, встрѣчается впервые; на обратномъ пути авторъ уже называетъ Сайрамъ большимъ городомъ. На Сыръ-дарьѣ былъ пловучій мостъ. Изъ встрѣчныхъ городовъ вездѣ выѣзжали мусульманскія власти на встрѣчу путешественникамъ и устраивали имъ торжественный пріемъ.

Нѣсколько хуже было положеніе Самарканда. Чрезъ Заряфшанъ путешественники переправились 6 декабря. Число жителей послѣ монгольскаго погрома уменьшилось до одной четверти; полями и садами мусульмане могли владѣть только сообща съ китайцами, кара-китаями и другими; старшины также частью были поставлены изъ разноплеменныхъ народовъ. Чанъ-Чунъ пробылъ въ Самаркандѣ до 26 апрѣля 1222 г., потомъ вторично съ половины іюня до 14 сентября и въ третій разъ съ начала ноября до 29 декабря; поэтому онъ и его спутники имѣли возможность собрать подробныя свѣдѣнія о городѣ и его жителяхъ. Жизнь въ городѣ, не смотря на произведенныя монголами опустошенія, шла своимъ чередомъ. На зовъ муэззиновъ спѣшили къ мечети какъ

мужчины, такъ и женщины, въ то время еще имѣвшія доступъ къ общественному богослуженію. Во время рамазана по обыкновенію устраивались ночные пиры. На базарахъ было множество товаровъ. Весной 1222 г. китайцы устраивали веселыя загородныя прогулки; особенной красотой отличались западныя окрестности города, гдѣ „повсюду попадались террасы, озера, башни и палаты“; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были огороды; съ садами не могли сравниться даже китайскіе. Съ другой стороны въ сентябрѣ 1222 г. на востокѣ отъ города образовалась разбойничья шайка въ 2000 человекъ; каждую ночь самаркандцы видѣли зарево пожаровъ.

Въ концѣ апрѣля 1222 г. Чанъ-Чунъ отправился къ Чигизъ-хану. Сообщение чрезъ Аму-дарью было возобновлено еще раньше; въ началѣ года Джагатай возстановилъ пловучій мостъ и истребилъ мятежниковъ. 26 апрѣля Чанъ-Чунъ выѣхалъ изъ Самарканда, чрезъ четыре дня проѣхалъ чрезъ Кешъ; на пути чрезъ Желѣзныя ворота его, по приказанію Чингизъ-хана, проводжалъ конвой изъ 1000 латниковъ. На дальнѣйшемъ пути китайцы переправились на корабляхъ чрезъ Сурханъ и Аму-дарью; оба берега Сурхана въ то время были покрыты густымъ лѣсомъ. 16 мая они прибыли въ ханскую ставку, въ четырехъ дняхъ пути отъ переправы чрезъ Аму-дарью.

Для слушанія наставленій отшельника Чингизъ-ханъ назначилъ день 25 мая, но получивъ извѣстіе о дѣйствіяхъ „мусульманскихъ горныхъ мятежниковъ“, отложилъ бесѣду до ноября. Вслѣдствіе этого Чанъ-Чунъ вернулся въ Самаркандъ съ конвоемъ въ 1000 всадниковъ.

Въ сентябрѣ Чанъ-Чунъ на пути изъ Кеша чрезъ Аму-дарью получилъ еще большій конвой изъ 1000 пѣхотинцевъ и 300 всадниковъ. Чрезъ Аму-дарью переѣхали снова на суднѣ; на дальнѣйшемъ пути миновали развалины Балха, гдѣ „жители, недавно взбунтовавшись, бѣжали; въ городѣ еще слышенъ былъ лай собакъ“. Въ монгольскій лагерь, находившійся въ то время нѣсколько восточнѣе Балха, Чанъ-Чунъ прибылъ 28 сентября и нѣкоторое время сопровождалъ Чингизъ-хана, уже находившагося на обратномъ пути изъ мусульманскихъ странъ на свою родину.

Изъ разказа Джузджани мы знаемъ, что Чингизъ-ханъ послѣ бѣгства Джелаль-едъ-дина еще три мѣсяца пробылъ на Индѣ для уничтоженія войскъ султановыхъ военачальниковъ. Обратный путь онъ хотѣлъ совершить черезъ Индію, Гималаи и Тибетъ и съ этой цѣлью отправилъ пословъ въ Дели; подробностей объ этомъ посольствѣ и о приѣмѣ, оказанномъ посламъ, историкъ не сообщаетъ. Путь черезъ горы былъ покрытъ снѣгами. Между тѣмъ Чингизъ-ханъ получилъ извѣстіе о возстаніи тангутскаго царя и потому рѣшился вернуться тѣмъ же путемъ, какъ пришелъ. Перевалы по приказанію Чингизъ-хана были очищены отъ снѣга.

По Джувейни Чингизъ-ханъ шелъ чрезъ „бамианскія горы“ и прибылъ въ Багланъ, гдѣ раньше оставилъ часть своего обоза; на пастбищахъ этой мѣстности онъ провелъ лѣто и только осенью 1222 г. переправился чрезъ Аму-дарью. Зиму онъ провелъ въ Самаркандѣ. Джагатай и Угедей въ это время стояли въ Кара-кулѣ, около устья Заряфшана, занимались здѣсь птичьей охотой и каждую недѣлю посылали отцу пятьдесятъ верблюжьихъ выюковъ съ птицами. На обратномъ пути предполагалось устроить еще болѣе грандіозную охоту, съ участіемъ всѣхъ царевичей; Джучи получилъ приказъ пригнать онагровъ изъ Кипчака.

Весной 1223 г. Чингизъ-ханъ пошелъ дальше; на берегу Сыръ-дарьи онъ увидѣлся съ Джагатаемъ и Угедеемъ и устроилъ курултай; въ равнинѣ Куланъ-баши (къ сѣв. отъ Александровскаго хребта) произошла встрѣча съ Джучи, который исполнилъ приказаніе отца относительно онагровъ и кромѣ того въ видѣ подарка пригналъ 20.000 бѣлыхъ коней. Въ этой степи монголы провели все лѣто 1223 г.

Изъ разказа Чанъ-Чуна видно, что мѣсто, гдѣ Чингизъ-ханъ весной 1223 г. ждалъ своихъ сыновей, находилось на берегу большой рѣки, въ трехъ переѣздахъ отъ Сайрама, вѣроятно на берегу Чирчика. Здѣсь около „восточныхъ горъ“ Чингизъ-ханъ 10 марта упалъ на охотѣ съ лошади и едва не былъ убитъ вепремъ. 11 апрѣля Чанъ-Чунъ окончательно простился съ Чингизъ-ханомъ, не дождавшись прибытія царевичей.

По согласному свидѣтельству Рапидъ-едъ-дина, китайской исторіи и монгольскаго сказанія, Чингизъ-ханъ

вернулся въ Монголію только въ 1225/ г. Очень вѣроятно, что лѣто 1224 г., согласно съ свидѣтельствомъ монгольскаго сказанія, было проведено имъ на Иртышѣ.

Чингизъ-ханъ покинулъ западныя страны раньше, чѣмъ успѣлъ окончательно покорить ихъ; но въ Мавераннагрѣ и Хорезмѣ господство монголовъ послѣ 1223 г. уже никѣмъ не оспаривалось. По свидѣтельству историковъ города Мавераннагра вслѣдствіе этого гораздо скорѣе оправились отъ опустошенія, чѣмъ города Хорасана и Ирака; историческіе факты показываютъ, что бѣдствія, перенесенныя жителями Мавераннагра во время смутъ второй половины XIII и начала XIV вв., оставили гораздо болѣе продолжительныя и глубокіе слѣды, чѣмъ опустошенія монгольскаго нашествія. Даже Хорезмъ, всего болѣе пострадавшій при нашествіи, до нѣкоторой степени могъ оправиться. Послѣ завоеванія страны Джучи назначилъ правителемъ (баскакомъ) Хорезма Чинъ-Тимура, который долженъ былъ также управлять Хорасаномъ и Мазандераномъ; очевидно, Джучи полагалъ, что и эти области войдутъ въ составъ его удѣла.

Черезъ короткое время, по свидѣтельству Ибнъ-аль-Асира, вблизи развалинъ Гурганджа возникъ большой новый городъ, Ургенчъ, на правомъ берегу. Ургенчъ сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ на пути изъ Европы въ Азію; не смотря на это, Хорезмъ медленно оправлялся отъ разоренія; плотины долго не были возстановлены, и Аму-дарья въ теченіе трехъ вѣковъ могла направляться къ Каспійскому морю. Насколько Хорезмъ времени монгольскаго владычества отличался отъ Хорезма времени Саманидовъ, видно изъ словъ Ибнъ-Батуты, что между столицей Хорезма и Бухарой простиралась степь съ однимъ населеннымъ пунктомъ, небольшимъ городомъ Кятъ.

Сыновья Чингизъ-хана вернулись на востокъ вмѣстѣ съ отцомъ, кромѣ Джучи, который остался въ своихъ владѣніяхъ. Явное стремленіе Джучи основать государство, независимое отъ центра имперіи, было причиной столкновенія между сыномъ и отцомъ. Вернувшись въ Монголію, Чингизъ-ханъ вызвалъ сына, къ себѣ; тотъ отвѣтилъ, что не можетъ отправиться по болѣзни. Одинъ монголь, прибывшій изъ западныхъ странъ, рассказывалъ, что видѣлъ Джучи на охотѣ. Рѣшивъ, что

сынъ намѣренно послушался приказа отца, Чингизъ-ханъ послалъ противъ него Джагатая и Угедея, готовясь идти вслѣдъ за ними; въ это время принесли извѣстiе о смерти Джучи.

Осенью 1225 г. по Рапидъ-едъ-дину, весной 1226 г. по китайской исторiи Чингизъ-ханъ выступилъ въ Тангутъ, послѣ чего уже не возвращался въ Монголію.

Чингизъ-ханъ умеръ въ 1227 г. 72 лѣтъ отъ роду, оставивъ своимъ преемникамъ не только обширную имперію, но и руководящія начала ея устройства.

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о наружности Чингизъ-хана даютъ Джузджани и Менъ-Хунъ. Лица, съ которыми бесѣдовалъ Джузджани, видѣли хана при вторженіи въ Хорасанъ, когда ему было уже 65 лѣтъ; онъ отличался высокимъ ростомъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, имѣлъ „кошачьи глаза“; на головѣ у него въ то время было небольшое количество сѣдыхъ волосъ. По Менъ-Хуру Чингизъ-ханъ отличался отъ остальныхъ монголовъ огромнымъ ростомъ, широкимъ лбомъ и длинной бородой.

Изъ его нравственныхъ качествъ прежде всего поражаетъ необыкновенное самообладаніе и полное отсутствіе односторонняго увлеченія чѣмъ бы то ни было. Какъ всѣ завоеватели, Чингизъ-ханъ могъ спокойно избивать людей тысячами, если считалъ это нужнымъ для упроченія своей власти; но ни въ одномъ изъ его поступковъ, о которыхъ имѣются сколько нибудь достовѣрныя свѣдѣнія, нѣтъ признака бесполезной жестокости или самодурства.

Подавляя своей личностью каждую чужую волю, установивъ въ своей арміи такую строгую дисциплину, что воровство и ложь были въ ней совершенно немислимы, Чингизъ-ханъ въ то же время удовлетворялъ идеалу щедрого богатыря; про него говорили: „Этотъ царевичъ Темучинъ снимаетъ платье, которое носилъ, и отдаетъ; съ лошади, на которой сидѣлъ, сходитъ и отдаетъ“.

Чингизъ-ханъ раздѣлялъ пристрастіе своего народа къ вину, противъ котораго и въ своихъ наставленіяхъ не рѣшался слишкомъ строго высказываться.

Менъ-Хунъ говоритъ объ оркестрѣ дѣвицъ, который вездѣ сопровождалъ монгольскаго хана. Какъ все прочее въ имперіи, такъ и дѣло поставленія наложницъ для

войска, для его начальниковъ и для самого хана было строго организовано. Преклонный возрастъ, котораго, при полномъ сохраненіи умственныхъ способностей, достигъ Чингизъ-ханъ, показываетъ, что онъ не предавался разврату въ такой степени, какъ большая часть его потомковъ.

Огромныя организаторскія способности Чингизъ-хана тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что онъ до конца жизни былъ чуждъ всякаго образованія, не говорилъ ни на одномъ языкѣ, кромѣ монгольскаго, и, конечно, представлялъ себѣ устройство имперіи только въ видѣ господства побѣдителей-кочевниковъ надъ культурными народами, которыхъ самъ Богъ отдалъ въ руки монголовъ, чтобы тѣ извлекали доходъ изъ труда побѣжденныхъ и только для этой цѣли хранили ихъ.

Если въ дошедшихъ до насъ наставленіяхъ Чингизъ-хана нѣтъ категорическаго приказанія не переходить къ осѣдлой жизни, то несомнѣнно, что такова была его воля; по крайней мѣрѣ еще въ XIV в. въ этомъ отношеніи ссылались на ясу Чингизъ-хана.

Чингизъ-ханъ работалъ только для себя, своихъ потомковъ и ближайшихъ приверженцевъ, нѣтъ никакихъ указаній на то, что ему была доступна идея труда на благо цѣлаго народа.

Стремленіе примирить несовмѣстимыя вещи—кочевой бытъ и умственную культуру—были самымъ слабымъ мѣстомъ въ системѣ Чингизъ-хана и главной причиной ея паденія; но организація, данная имъ имперіи, оказалась достаточной, чтобы поддержать ея единство въ теченіе сорока лѣтъ послѣ смерти основателя и потомъ господство рода Чингизъ-хана въ государствахъ, образовавшихся послѣ ея паденія, еще въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что ни одинъ изъ сыновей и внуковъ не унаслѣдовалъ его высокихъ дарованій.

Чингизъ-ханъ еще при жизни выбралъ себѣ наслѣдника, и этотъ выборъ является новымъ доказательствомъ его проницательности и широты его взглядовъ. Не увлекаясь ни военными талантами Тулуя, ни непреклонною суровостью Джагатая въ проведеніи основныхъ началъ системы отца, Чингизъ-ханъ остановилъ свое вниманіе на Угедеѣ, привлекавшемъ сердца своимъ великодушнымъ

привѣтливомъ характеромъ. Такъ какъ могучей воли отца не наслѣдоваль ни одинъ изъ сыновей, то послѣ его смерти должно было наступить совмѣстное господство всего ханскаго рода; единство имперіи могло быть сохранено только при томъ условіи, чтобы верховная власть находилась въ рукахъ человѣка, который могъ бы соединить всѣхъ если не вліяніемъ своего ума и воли, то своими привлекательными качествами. Рѣдкое единопущіе съ которымъ въ царствованіе Угедея осуществляли свои права члены династіи, и сравнительное благоденствіе подданныхъ въ это царствованіе показываютъ, что Угедей вполнѣ оправдалъ надежды своего гениальнаго отца.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Страницы.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
8	15 снизу	нѣкоторыхъ	которыхъ
9	7 „	ихъ	ея
14	20 сверху	Узгенъ	Узгендъ
15	1 снизу	Хайрламъ	Хайламъ
18	16 „	дого;	дого—
—	17 „	стѣнъ-	стѣнъ;
20	22 „	харлухы	харлухъ
23	3 „	Озаръ	Бузаръ
29	18 сверху	отрядовъ	отрядовъ,
30	24 „	Самали	Сам'ани
—	8 снизу	избрали	они избрали
32	17 „	сажень	сажень
35	14 „	ея	не
36	11 сверху	усунямм	усунями
37	10 „	(— 181)	(† 181)
38	3 „	„близкую“ не читать.	
43	1 „	Нершахн	Нершахи
44	7 „	востовъ	востоеъ
49	6 „	столипу	столицу
52	1 „	„и“ не читать.	
—	13 „	776 г.	776 г.,
—	6 снизу	801 г.	810 г.
61	3 сверху	лучшую	личную
75	4 снизу	Мантасиру	Мунтасиру
92	16 „	Ибрагимъ	Ибрагима
119	1 сверху	податей,	податей;
122	21 „	Кокъ-сарай	Кѣкъ-сарай
124	18 снизу	„что“ не читать.	
125	19 сверху	видадимъ	видимъ
126	13 „	Карпина	Карпини
127	10 снизу	называемъ	называетъ

Кромѣ упомянутого сочиненія профессора *В. В. Бартольда*, „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія“, составитель пользовался еще слѣдующими его сочиненіями:

1) О христіанствѣ въ Туркестанѣ въ до-монгольскій періодъ (Записки Восточ. отд. И. Р. Археол. общества, т. VIII).

2) Нѣсколько словъ объ арійской культурѣ въ Средней Азій (Средне-азиатскій Вѣстникъ, 1896, іюнь).

3) Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію. Спб. 1897.

4) Очеркъ исторіи Семирѣчья (Памятная книжка Семирѣченскаго областного Статистич. Комит. на 1898 т. II, стр. 74—170).

5) Чингизъ-ханъ и образованіе монгольской имперіи (напечатано въ Запискахъ В. О. И. Р. А. О. т. X, стр. 105—119).

Для Мерва пособіемъ служилъ трудъ проф. *В. А. Жуковскаго*: „Древности Закаспійскаго края. Развалины стараго Мерва“. Спб. 1894.